1246207р
Р1
С55

Изданіе И. И. Ѳомина.

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЕКАБРИСТОВЪ

ТОМЪ I.

Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ.

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли—взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.

Р1
С55

Изданіе И. И. Ѳомина.

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЕКАБРИСТОВЪ

ТОМЪ I.

Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ.

1246207 РК

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли—взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Х.
1906

Тюменская областная
ЧИТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

3875

Собраніе Стихотвореній Декабристовъ.

Декабристамъ.

адъ вашей памятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой
Остановить не смѣетъ взоръ.

Вашъ врагъ могучій торжествуетъ,
Щадитъ его судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ—
И кажется незыблимъ .....

Но вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли — взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ.

Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть—
И снова предъ лицомъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь,

Изъ „Собранія стихотвореній декабристовъ“. Лейпцигъ 1862. (См. также „Лютня. Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній“. Изд. 5-е. Лейпцигъ 1879).

Предисловіе.

Все увеличивающійся ростъ русскаго общественнаго сознанія, вылившійся въ мощномъ освободительномъ движеніи, охватившемъ всю страну, естественно долженъ былъ вызвать усиленный интересъ и ко всякаго рода освободительнымъ попыткамъ, которыми, къ несчастію, небогата наша исторія. Понятно, что и одна изъ крупныхъ, хотя и неудачныхъ попытокъ освободить Россію отъ тяжелыхъ оковъ безправія и произвола, завершившаяся въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года кровавымъ столкновеніемъ съ правительствомъ на Сенатской площади и въ январѣ 1826 г. при деревнѣ Устимовкѣ (въ Кіевской губерніи), не могла не привлечь къ себѣ усиленнаго вниманія изслѣдователей исторіи русской общественности, тѣмъ болѣе что, подъ вліяніемъ времени и измѣнившихся общественныхъ отношеній много уменьшились и тѣ, по-истинѣ, драконовскія цензурныя стѣсненія, которымъ подвергались ранѣе всѣ попытки освѣтить это движеніе.

Но, несмотря на это, и теперь декабристы, какъ поэты, мало, а, пожалуй, и совсѣмъ неизвѣстны ши-

рокой публикѣ, за исключеніемъ развѣ Рылѣева и А. Одоевскаго, стихотворенія которыхъ, конечно, съ большими урѣзками, выдержали у насъ нѣсколько изданій. А между тѣмъ, многіе декабристы не только пользовались стихотворной формой для выраженія своихъ мыслей, чувствъ и желаній, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны искры истиннаго поэтическаго дарованія. Многія стихотворенія ихъ не утратили и теперь по изяществу своей формы и по тому неподдѣльному чувству, которое вкладывали въ нихъ авторы, своей цѣнности и значенія.

Познакомить широкую публику съ произведеніями поэтовъ-декабристовъ, а, слѣдоват., болѣе ярко освѣтить эту сторону ихъ дѣятельности, и составляетъ цѣль настоящаго изданія.

Въ сборникѣ помѣщены только избранныя стихотворенія въ тѣхъ видахъ, что опубликованіе *всѣхъ* стихотвореній, не говоря уже о многотомности изданія, было бы совершенно неинтересно и ненужно для читателя неспеціалиста (для котораго главнымъ образомъ оно и предназначается) такъ какъ многія изъ стихотвореній декабристовъ слишкомъ неуклюжи по формѣ и неинтересны по содержанію, выражая мимолетнее настроеніе поэта.

По этимъ же соображеніямъ не помѣщены и варіанты, изъ которыхъ выбраны только лучшіе или еще не имѣющіеся въ русской печати.

Разумѣется, останавливаясь на нѣкоторыхъ только стихотвореніяхъ,—угодить всѣмъ невозможно, такъ какъ вкусы и наклонности не только отдѣльныхъ читателей, но и цѣлыхъ категорій многимъ отличаются другъ отъ друга. Но имѣя въ виду, съ одной стороны, общественную дѣятельность декабристовъ, съ другой,—интересы самихъ читателей, мною прежде всего отдавалось предпочтеніе стихотвореніямъ, затрагивающимъ гражданскіе

вопросы, и, затѣмъ, помѣщались такія стихотворенія, которыя по изяществу формы и по неподдѣльности лиризма иногда многимъ превосходятъ и современныя многочисленныя стихотворныя упражненія. Конечно, тамъ гдѣ выборъ былъ почти невозможенъ, приходилось помѣщать то, что есть.

Въ сборникъ вошли и такія стихотворенія, какихъ еще не было въ русской печати и, кромѣ того, многія урѣзанныя цензурой стихотворенія помѣщены въ возможно полномъ видѣ. Для большаго пониманія тѣхъ условій, въ которыхъ развивалась личность поэтовъ-декабристовъ, мною приложенъ, въ видѣ введенія, краткій очеркъ возникновенія и развитія декабрскаго движенія и краткіе біографическіе очерки декабристовъ, стихотворенія которыхъ помѣщены въ сборникѣ. Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ Александровской эпохой и исторіей декабрскаго движенія указана литература предмета. Къ книгѣ приложены также портреты поэтовъ-декабристовъ, исполненные фототипіей въ мастерской К. Фишера въ Москвѣ, при чемъ отдано преимущество тѣмъ портретамъ, которые мало извѣстны публикѣ.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, давшимъ мнѣ возможность воспользоваться малодоступными заграничными изданіями.

Ив. Ѳоминъ.

Декабристамъ.

(Изъ Адама Мицкевича).

Вы помните-ль меня? Когда друзей въ могилахъ
И въ глубинѣ темницъ хочу я перечесть,
Считаю я и васъ. Въ моихъ мечтахъ унылыхъ
Для вашихъ блѣдныхъ лицъ гражданства право есть.

Васъ нѣтъ теперь со мной. Рылѣевъ благородный,
Кого я обнималъ, какъ брата... О позоръ!
Задушенный петлей, повисъ, какъ трупъ холодный.
Безславіе устамъ, изрекшимъ приговоръ!

Рука Бестужева, сочувственнымъ пожатьемъ
Сжимавшая мою, отъ браннаго меча
И быстраго пера оторвана проклятьемъ
Жестокости людской... Моимъ въ подмогу братьямъ
Трудится, цѣпь свою и тачку волоча.

Но рокъ инымъ послалъ еще ужаснѣй долю.
Быть можетъ, не одинъ клейму подставилъ лобъ

И честь свою попралъ, на службу отдалъ волю,
И бьетъ у... ногъ поклоны, какъ холопъ.

И, братьевъ оскорбивъ насмѣшливымъ упрекомъ,
Слагаетъ гимнъ побѣдѣ продажнымъ языкомъ,
И дерзко хвалится безстыдствомъ и порокомъ,
И кровь моей страны багровымъ льетъ ручьемъ.

Пускай же рѣчь моя изъ странъ свободы дальной
Домчится на рубежъ пустыни ледяной
И въ край изгнанія далекій и печальный
Приноситъ съ воли вѣсть, какъ журавли весной.

Узнайте мой призывъ. Подъ бременемъ неволи
Я прятался, какъ змѣй, и голосъ свой таилъ.
Но молча я дѣлилъ страданье вашей боли,
И кротость голубя для васъ въ душѣ хранилъ.

Теперь я перелилъ всю горечь скорбной чаши,
Все пламя тайныхъ слезъ въ крылатой пѣсни звукъ.
Пусть васъ щадитъ она, но жжетъ оковы ваши.
То кровь моей страны, то вопли долгихъ мукъ.

Но тотъ, кто жалобой прорвется малодушной,
Да будетъ онъ, какъ песъ, визжащій у крыльца,
Который такъ привыкъ носить ошейникъ душный,
Что скалитъ острый клыкъ рукѣ великодушной,
Срывающей съ него желѣзный гнетъ кольца.

Танъ.

Въ Сибирь.

(Декабристамъ).

о глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдетъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

1827.

А. С. Пушкинъ.

Введеніе.

„Сколько не старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе то, — что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастія и скорби столькихъ семействъ. *Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ*“.(См. „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“. Т. I. Изд. М. В. Пирожкова, С.-ПБ. 1905, стр. 200 и 201).

„Разсматривая безпристрастно исторію Россіи съ петровскаго переворота, можно“ говоритъ Н. Огаревъ: „ясно прослѣдить движеніе двухъ элементовъ: общечеловѣческаго элемента образованія и гражданственности, который составляетъ основную мысль Петра Великаго, который чувствуется въ уничтоженіи смертной

казни Елизаветой, болѣе цѣльно выражается въ наказѣ Екатерины II, по наслѣдству переходитъ въ образъ мыслей Александра и людей 14 декабря; и элементъ исключительно нѣмецко-татарскій, который роковымъ образомъ навязывается Петру Великому въ устройствѣ чиновничества, порождаетъ Бирона, съ Петромъ III переходитъ въ капральство, безумно пыхтитъ въ Павлѣ I, навязываетъ Александру Аракчеева и съ людьми Аракчеевой школы, съ Клейнмихелемъ достигаетъ высшаго выраженія въ тяжеловѣсномъ и удушливомъ царствованіи Николая“ [1]).

Борьба двухъ этихъ элементовъ — борьба общечеловѣческихъ стремленій и пробудившагося общественнаго сознанія съ „нѣмецко-татарскимъ“ произволомъ и бюрократическимъ самовластіемъ съ особой силой проявилась въ царствованіе Александра I, тѣмъ болѣе, что и само правительство, самъ Александръ становился то на одну, то на другую сторону, то принималъ программу самыхъ широкихъ либеральныхъ преобразованій до конституціи включительно, то впадалъ въ крайній консерватизмъ съ предоставленіемъ полной свободы Аракчеевымъ, Магницкимъ, Фотіямъ и другимъ крестоносцамъ уничтоженія живой, свѣтлой мысли, слова и дѣла въ Россіи. Особенно заграничные походы послѣ двѣнадцатаго года способствовали пробужденію этихъ либеральныхъ стремленій, пробужденію въ тогдашней дворянской молодежи критическаго отношенія къ русскимъ неустройствамъ и стремленія тѣмъ или инымъ путемъ устранить недостатки русской дѣйствительности.

Приведу по этому поводу отзывы нѣкоторыхъ участниковъ этихъ походовъ, бывшихъ впослѣдствіи также и дѣятельными членами „Союза Благоденствія“.

---

[1]) Н. Огаревъ „Разборъ книги барона Корфа. Лейпц. 1869, стр. 41.

„Съ войсками, возвратившимися на родину", говоритъ Н. Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ „La Russie": „проникли черезъ границу кой-какія либеральныя идеи: казалось, что въ Россіи должна была наступить новая эра. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда" [1]).

— „Кампанія 12-го года и послѣдующихъ 13 и 14 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями;" говоритъ С. Г. Волконскій въ своихъ „запискахъ:" „противуположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко выказались уму и сердцу многихъ" [2]).

Приблизительно то же говоритъ и И. Д. Якушкинъ о вліяніи этихъ походовъ. „Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ,— не могли", говоритъ онъ: „не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ *каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ*" [3]).

---

[1]) Цитировано по А. А. Корнилову „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи", стр. 13.

[2]) С. Г. Волконскій „Записки". Изд. 2-е. Спб. 1902, стр. 401.

[3]) Курсивъ мой. И. Д. Якушкинъ „Записки. М. 1905 г., стр. 2 и 3. (Эти „записки", къ которымъ я буду обращаться во многихъ случаяхъ, являются цѣннѣйшимъ источникомъ для исторіи декабрскаго движенія). Заграничное вліяніе не прошло безслѣдно и для такихъ лицъ, какъ Гречъ, который, побывавъ въ 1817 г. во Франціи, сдѣлался, какъ говоритъ самъ, „отчаяннымъ либераломъ". „Да и кто же", продолжаетъ онъ: „изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную". (См. Дубровинъ. Послѣ отечественной войны" въ „Р. Ст." 1904, 1, стр. 28).

Самъ Александръ, какъ я уже говорилъ, не только способствовалъ пробужденію общественнаго мнѣнія и его либеральной окраскѣ, но и самъ содѣйствовалъ возникновенію того недовольства, которое привело къ кровавымъ декабрскимъ событіямъ.

Вступивъ на престолъ послѣ тягостнаго царствованія императора Павла, стремившагося оградить Россію отъ „бунтарскаго“ Запада [1]) и водворявшаго всюду фрунтовую субординацію, двадцатичетырехлѣтній Александръ Павловичъ не только объявилъ, что онъ будетъ царствовать по сердцу и законамъ своей бабки Екатерины II, но и дѣятельно принялся за преобразованія.

Въ одномъ 1801 году, начиная съ 13 марта, то-есть, со второго дня по вступленіи на престолъ, имъ обнародованы указы: о возвращеніи на службу и полученіи прежнихъ правъ около 12000 лицамъ, пострадавшимъ въ этомъ отношеніи въ предшествующее царствованіе, о снятіи запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи, объ освобожденіи заключенныхъ въ крѣпостяхъ, сосланныхъ въ каторжную работу, лишенныхъ чиновъ и дворянства и состоявшимъ подъ полицейскимъ надзоромъ по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи (156 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился Радищевъ и знаменитый впослѣдствіи генералъ Ермоловъ). Амнистія бѣглецамъ, укрывшимся заграницей, съ уничтоженіемъ отвѣтственности за всякія ихъ провинности за исключеніемъ смертоубійства. Указъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ; о снятіи запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ

---

[1]) Какъ на мѣры Павла противъ Запада и его „бунтарскихъ“ идей, укажу на полное запрещеніе ввоза всякихъ иностранныхъ книгъ и даже нотъ, закрытіе частныхъ типографій, запрещеніе ѣздить за границу и приказаніе возвратиться всѣмъ, находящимся въ заграничныхъ университетахъ, запрещеніе слова „гражданинъ“ и „отечество“ и даже вальса и костюмовъ, напоминавшихъ французскія моды.

товаровъ; о внушеніи полиціи не выходить изъ границъ своихъ обязанностей и не причинять никому обидъ; о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и обратно; объ отмѣнѣ запрещенія вывозить заграницу хлѣбъ и вино; объ отмѣнѣ запрещенія ввозить изъ заграницы всякія книги и музыкальныя ноты и о распечатаніи частныхъ типографій съ предоставленіемъ имъ права печатать книги и журналы.

Всѣ эти указы изданы въ одинъ мартъ мѣсяцъ.

Изъ остальныхъ указовъ этого года отмѣчу главнѣйшіе, а именно: о возстановленіи жалованной дворянству грамоты и городового положенія, а также грамоты, данной городамъ; объ уничтоженіи поставленныхъ при Павлѣ въ публичныхъ мѣстахъ городовъ висѣлицъ, къ которымъ прибивались имена нѣкоторыхъ виновныхъ; объ ежегодномъ отпускѣ Вольно-Экономическому обществу по 5000 р.; указъ Сенату о предоставленіи имъ особаго доклада о его правахъ и обязанностяхъ и указъ объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ, порученной гр. Завадовскому [1]); указъ объ уничтоженіи пытки

---

[1]) Въ указѣ Сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ Александръ, считая только „единый законъ“ началомъ и источникомъ народнаго блаженства, между прочимъ говоритъ:... „Въ теченіе почти одного вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законодательной власти различными и часто *противуположными* путями, и бывъ издаваемы *болѣе по случаямъ*, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, *не могли имѣть ни связи* между собою, *ни единства* въ ихъ намѣреніяхъ, *ни постоянности* въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее *смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облегающій равно судію и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія*“... (См. А. Пыпина „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Изд 3-е, стр. 67). Изъ всего этого видно, какъ тяготился Александръ I неограниченною властью, стоящею *выше* закона и какъ, признавая безправіе русскаго народа, хотѣлъ подчинить и высшую власть „единому закону“, то есть, не только ограничить эту власть, но и ограничить нерѣдкія злоупотребленія ею.

Тайной Экспедиціи, и указъ о возстановленіи ежегоднаго отпуска Россійской Академіи 6250 р. [1]),

Во главѣ управленія сталъ вскорѣ неофиціальный комитетъ изъ личныхъ друзей государя—П. П. Новосильцева, гр. В. П. Кочубея, гр. П. А. Строгонова и кн. А. Чарторыйскаго, получившихъ лучшее по тому времени образованіе и раздѣлявшихъ либеральныя стремленія Александра. Комитетъ этотъ имѣлъ цѣлью общую реформу государственнаго управленія, завершенною въ конечномъ итогѣ конституціею [2]).

Всѣ эти либеральныя стремленія Александра и его приближенныхъ не могли не отразиться на русскомъ обществѣ, наталкивая его на рѣшеніе такихъ вопросовъ, одна мысль о которыхъ считалась раньше чуть ли не преступленіемъ.

---

[1]) Вообще Александръ много сдѣлалъ для поднятія просвѣщенія въ Россіи. Были изданы (въ 1803 г.) гуманныя „предварительныя правила народнаго просвѣщенія", главная забота которыхъ была направлена на устройство университетовъ. Московскій, Виленскій и Дерптскій университеты были преобразованы, и открыты три новыхъ—Петербургскій, Харьковскій и Казанскій; основаны Демидовскій и Царскосельскій лицеи, нѣсколько спеціальныхъ заведеній, много гимназій и низшихъ школъ. Основано Общество Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ и учреждены литературно-ученыя общества при Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ. За одинъ 1802 г. выдано пособій на изданіе полезныхъ сочиненій на сумму 160000 р. и. т. п. И общество не оставалось безучастнымъ къ просвѣтительнымъ стремленіямъ правительства. Такъ напримѣръ, Демидовъ пожертвовалъ на Московскій университетъ и для будущихъ университетовъ, объ открытіи которыхъ шла тогда рѣчь, а также для основанія лицея въ Ярославлѣ (Демидовскаго) до милліона рублей деньгами, имѣніемъ, библіотекой и нѣсколькими кабинетами. Дворянствомъ Харьковской губерніи, стараніями Каразина, было пожертвовано для Харьковскаго университета 400000 р.; Лазаревымъ было сдѣлано крупное пожертвованіе на институтъ восточныхъ языковъ въ Москвѣ и т. п.

[2]) Къ несчастію изъ всѣхъ широкозадуманныхъ преобразованій этого комитета только на учрежденіе министерствъ и можно указать, какъ на солидный результатъ его реформаторской работы. Даже и по крестьянскому вопросу, который живо интересовалъ государя и по поводу котораго было много дебатовъ, было сдѣлано очень мало цѣннаго.

1246207

Но, несмотря на то, что либеральное теченіе рѣзко пробивалось въ общественной жизни,—консервативная партія все же была довольно сильной и старалась всѣми мѣрами препятствовать введенію реформъ, доходя до теоретическаго обоснованія реакціонныхъ, охранительныхъ началъ. Характерна въ этомъ отношеніи записка „о древней и новой Россіи", поданная въ 1812 г. Карамзинымъ государю. Доказывая въ ней необходимость для общепризнаннаго величія Россіи сохраненія и дальнѣйшаго развитія установившагося государственнаго быта, авторъ убѣждаетъ государя отказаться отъ дальнѣйшихъ преобразованій, строго осуждая и тѣ, которыя были проведены имъ ранѣе. Несомнѣнно, подобнаго рода воздѣйствія не могли пройти безслѣдно для нерѣшительнаго Александра, который и безъ того былъ склоненъ къ колебаніямъ.

Отечественная война 1812 г. и послѣдовавшіе затѣмъ заграничные походы хотя и благотворно повліяли на русское общество, но въ то же время отвлекли государя отъ внутренней политики. Вмѣстѣ съ этимъ и въ самой личности императора происходитъ сильная перемѣна: онъ впадаетъ въ мистицизмъ и начинаетъ проникаться нѣкоторымъ презрѣніемъ къ Россіи и русскимъ. „До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изрѣченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ напр., при смотрѣ при Вертю, во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ, что каждый изъ нихъ или плутъ, или дуракъ и т. д". [1])

[1]) П. Якушкинъ „Записки", стр. 5.

Тюменская областная
библиотека

14 Сентября 1815 г., по мысли императора Александра, былъ подписанъ русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ правительствами актъ Священнаго Союза; Александръ становится во главѣ этого Союза и не только почти всецѣло обращается къ внѣшней политикѣ, но, подъ вліяніемъ иностранныхъ и отечественныхъ ретроградовъ, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на опору и защитника престоловъ и установившагося порядка противъ революціонныхъ идей и народныхъ волненій. Точка зрѣнія на народъ радикально мѣняется.

Такъ, въ 1812 г. извѣстный прусскій реформаторъ и глубокій патріотъ Штейнъ, совѣтовалъ Александру въ своей запискѣ, поданной 5 ноября этого года, быть освободителемъ Европы и, не довѣряясь правительствамъ, обращаться къ народамъ. Въ опубликованномъ (въ мартѣ 1813 г.) Кутузовымъ воззваніи отъ имени императора русскаго и короля прусскаго, говорится объ освобожденіи Европы, о возстановленіи Германіи и о ея устройствѣ въ духѣ нѣмецкаго народа, о такомъ устройствѣ, которое должно быть предоставлено не только нѣмецкимъ государямъ, но и *народамъ*. Въ 1814 г. Александръ, при первомъ свиданіи съ Людовикомъ XVIII, настоялъ на необходимости учредить во Франціи представительное правленіе Такъ же либерально поступилъ онъ и по отношенію къ Польшѣ, даровавъ ей, вопреки желанію Меттерниха и Талейрана, конституціонное правленіе. При открытіи Варшавскаго сейма въ 1815 г., государь выразилъ мысль что, вводя въ Польшѣ конституціонное правленіе какъ въ странѣ, доросшей до него по своему образованію, онъ, при помощи Божіей, надѣется распространить его и на всѣ страны, провидѣніемъ его попеченію ввѣренныя. „Такимъ образомъ“, продолжалъ онъ: „вы мнѣ подали средства явить моему отечеству то, что я съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно восполь-

зуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости“ [1]).

Съ возникновеніемъ же Священнаго Союза, всякая самодѣятельность народа, всякое народное стремленіе къ свободѣ и самостоятельности считается преступленіемъ. Александръ начинаетъ уже поддерживать не интересы „народовъ“, а интересы правительствъ, что съ особой силой сказалось по поводу возстанія грековъ противъ турецкаго ига: Александръ, не смотря на надежды грековъ и вопреки русскому общественному мнѣнію, отказался оказать имъ поддержку.

„Но духъ свободы“, говоритъ М. Фонъ-Визинъ: „который во всѣхъ государствахъ дѣйствующія за одно Правительства старались всячески угнести, повѣялъ и на самодержавную Россію“, [2]) и въ части русскаго общества, понимающей всю неприглядность русской жизни, является къ этому времени настойчивое стремленіе объединиться въ различные кружки и союзы для болѣе безопаснаго и интимнаго обмѣна мыслей. „Стремленіе къ общенію и общественной дѣятельности, начавшееся у многихъ еще во время походовъ 1813—1814 годовъ“, говоритъ Корниловъ: „не замедлило проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ въ видѣ своеобразной артели офицеровъ въ семеновскомъ полку, въ массонскихъ ложахъ, чрезвычайно размножившихся и оживившихся около этого времени, въ просвѣтительныхъ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ, въ видѣ частныхъ

---

[1]) Послѣ этой рѣчи, по приказанію государя, Н. Новосильцевымъ готовился проектъ „законно-свободныхъ учрежденій“ для Россіи, который, какъ и „проектъ“ Сперанскаго и многія другія благія начинанія Александра, остался только проектомъ.

[2]) М. А. Фонъ-Визинъ „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“ („Обществ. движ. въ Россіи“. Изд. Пирожкова, т. I, стр. 182).

курсовъ и кружковъ для чтенія и самообразованія среди молодыхъ офицеровъ“ [1]).

Въ 1816 г. возникаетъ впервые мысль объ организаціи тайнаго общества, будущаго „Союза Благоденствія“, сыгравшаго такую важную роль, если и не по своимъ послѣдствіямъ, то по своему воспитательно-политическому значенію.

Иниціаторами въ этомъ дѣлѣ были А. Н. и Н. М. Муравьевы, предложившіе собравшимся однажды у С. и М. Муравьевыхъ—Апостоловъ И. Д. Якушкину и кн. С. П. Трубецкому организовать тайное общество [2]).

Въ февралѣ 1817 г. Никита Муравьевъ ввелъ въ общество П. И. Пестеля, который далъ обществу названіе „Союза спасенія“ или „истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“ и написалъ для него уставъ. „Замѣчательно было въ этомъ уставѣ во-первыхъ то, что на

---

[1]) А. Корниловъ „Очерки по исторіи Общественнаго движенія“., стр. 58. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что въ масонскихъ ложахъ участвовало много декабристовъ и особенно въ ложѣ „Трехъ добродѣтелей“ въ періодъ времени съ 1816 по 1819 гг. Въ ней мы встрѣчаемъ имена кн. С. Г. Волконскаго, бывшаго однимъ изъ основателей этой ложи, П. Калошина, П. Пестеля, кн. С. П. Трубецкаго, С. П. Муравьева-Апостола и др. К. Рылѣевъ, бр. Бестужевы, Кюхельбекеры, М. Фонъ-Визинъ, Г. С. Батеньковъ и другіе болѣе или менѣе извѣстные декабристы тоже были членами различныхъ масонскихъ ложъ.

[2]) Въ этомъ 1816 году, какъ передаетъ Якушкинъ, онъ, Трубецкой и Муравьевы—Апостолы „жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторга; повсемѣстное лихоимство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частью состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться которогонибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего“. (Якушкинъ „Записки“, стр. 6). Въ этихъ-то интимныхъ дружескихъ собраніяхъ и нужно искать основу Союза Благоденствія.

вступающихъ въ Тайное Общество возлагалась обязанность ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы современемъ всѣ служебныя значительныя мѣста по военной и гражданской части были бы въ распоряженіи Тайнаго Общества; во вторыхъ, было сказано, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія“ [1]).

Къ несчастію, устава этого не сохранилось, но, судя по вышеприведеннымъ словамъ Якушкина и другимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, встрѣчающимся въ литературѣ по этому поводу, а также и по самой личности автора, П. И. Пестеля, человѣка большого ума, твердой энергіи и силы воли, имѣвшаго къ тому же республиканскія стремленія и якобинскіе пріемы дѣятельности, можно съ большимъ основаніемъ думать, что уставъ этотъ, имѣя цѣлью ограниченіе самодержавія, былъ проникнутъ революціоннымъ духомъ, преслѣдовалъ, по выраженію „донесенія слѣдственной коммиссіи“, „измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи“ [2]).

Образованный, краснорѣчивый и властный по-натурѣ, Пестель вскорѣ пріобрѣлъ большое вліяніе въ народившемся обществѣ, и трудно сказать, какое бы теченіе приняла дѣятельность этого общества, если бы въ 1818 г. Пестель не отбылъ изъ Петербурга въ Тульчинъ вмѣстѣ съ кн. Витгенштейномъ, у котораго онъ былъ адъютантомъ и который въ маѣ этого года вступилъ въ командываніе второй арміей, расположенной на югѣ Россіи.

---

[1]) Якушкинъ „Записки“, стр. 10.
[2]) „Донесеніе слѣдств. коммиссіи“ (См. „Всем. Вѣсти“. 1905, 3, стр. 73).

По отъѣздѣ Пестеля, положеніе вещей въ кружкѣ сильно измѣнилось и привело къ новому составленію устава, взамѣнъ пестелевскаго.

Главнымъ застрѣльщикомъ въ реорганизаціи общества былъ Михаилъ Муравьевъ, человѣкъ не только умный, развитой и самолюбивый, но и крайне властолюбивый, принимавшій дѣятельное участіе въ „училищѣ колонновожатыхъ“ и еще студентомъ, основавшій „общество математиковъ“ [1]).

Прежде всего, онъ отказался принести клятву въ безусловномъ повиновеніи главамъ общества, что требовалось уставомъ, затѣмъ, началъ нападать на самый уставъ, доказывая его несостоятельность и несоотвѣтствіе многимъ условіямъ русской жизни.

На собраніи въ Москвѣ въ сентябрѣ 1818 г., куда съѣхались члены кружка по случаю закладки храма Христа Спасителя, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, было рѣшено переименовать общество въ „Союзъ Благоденствія“ и составить новый уставъ, для чего была назначена коммиссія изъ Михаила и Александра Муравьевыхъ, Никиты Муравьева, Калошина и кн. Трубецкого, а до выработки новаго устава — учреждено временное тайное общество, подъ названіемъ „Военнаго“.

Въ томъ же 1818 г. былъ выработанъ и уставъ для Союза Благоденствія, при чемъ за образецъ былъ взятъ уставъ прусскаго „нравственно-научнаго общества“ — Tugend-Bund'а — основаннаго въ Кенигсбергѣ

---

[1]) Этотъ М. Н. Муравьевъ, сумѣвшій оправдаться по дѣлу декабристовъ, занималъ впослѣдствіи важныя административныя должности, при чемъ дѣятельность его была въ духѣ крайней реакціи. Между прочимъ, онъ былъ упорнымъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Во время польскаго мятежа, назначенный ген.-губерн. сѣверо-западныхъ губерній съ чрезвычайными полномочіями, проявилъ страшную жестокость при усмиреніи края, за что и получилъ справедливое названіе Муравьева-вѣшателя. Въ 1865 году возведенъ въ графское достоинство.

въ 1808 г. По цвѣту переплета, въ которомъ былъ заключенъ уставъ, Союзъ Благоденствія получилъ также наименованіе „Общества Зеленой Книги". Реформированное общество уже ставило себѣ другія задачи. Заявляя что цѣль общества—единственно благо отечества, что̀, конечно, не можетъ быть противно и желаніямъ правительства, которое несмотря на все свое могущество, нуждается въ содѣйствіи общественныхъ силъ, „Союзъ благоденствія въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, способствовать Правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена" [1]). Приведу еще нѣкоторые характерные для Союза параграфы его устава.

Такъ § 3 (I кн.) гласитъ: „Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководствуетъ". § 4 (I кн.)—„Союзъ надѣется на доброжелательство Правительства, основываясь особенно на слѣдующихъ изрѣченіяхъ Наказа въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины вторыя: „Если умы ихъ недовольно пріуготовлены къ нимъ (къ законамъ), то возьмите на себя трудъ ихъ пріуготовить, и вы тѣмъ уже много сдѣлаете". И въ другомъ мѣстѣ: „Весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами".

[1]) 1 § 1 кн. „Законоположенія Союза Благоденствія". (Приложенъ къ книгѣ Пыпина „Обществ. движ. въ Россіи при Александрѣ I". Изд. 3. Спб. 1900 г.)

Въ виду всего этого, Союзъ не скрывалъ своихъ цѣлей и стремленій „отъ благомыслящихъ сограждан, но для избѣжанія нарѣканій злобы и зависти дѣйствія онаго должны производиться въ тайнѣ“. (кн. I, § 2).

Соотвѣтственно съ этими цѣлями, дѣятельность Союза распадалась на слѣдующія четыре отрасли, къ которымъ и должны были примкнуть его члены.

1-я отрасль — человѣколюбіе; 2-я — образованіе; 3-я — правосудіе, и 4-я — общественное хозяйство.

Члены первой отрасли должны были наблюдать не только за всѣми благотворительными заведеніями (богодѣльнями, пріютами), но и карательными (тюрьмами, острогами) и, изыскивая средства къ ихъ улучшенію, доводить о всѣхъ злоупотребленіяхъ до свѣдѣнія какъ самаго начальства этихъ заведеній, такъ и правительства.

Члены второй отрасли наблюдаютъ за школами и сами ихъ заводятъ; внушаютъ юношеству любовь ко всему отечественному, по возможности, препятствуя всякому иностранному вліянію и воспитанію за границей; дѣйствуютъ на юношество примѣрами доброй нравственности, а также сочиненіями и самыми разговорами, преслѣдующими нравственно-воспитательныя цѣли.

Членамъ третьей отрасли вмѣняется въ обязанность не уклоняться отъ должностей по судебной части и по выборамъ дворянства, относясь съ усердіемъ къ исполненію этихъ должностей, а также наблюдать за судебной областью и, поощряя добросовѣстныхъ чиновниковъ, обличать и доводить до свѣдѣнія правительства о поступкахъ нечестныхъ.

Члены же четвертой отрасли должны „заниматься изысканіемъ неприложныхъ правилъ общественнаго богатства“, способствовать „усовершенію всякаго рода полезной промышленности“, стараться „водворить обще-

ственную довѣренность,—противиться вредному единоторжеству, собирающему богатство въ одни руки", (§ 68 кн. 4) вообще заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи.

Такимъ образомъ, Союзъ Благоденствія преслѣдовалъ почти исключительно просвѣтительныя и нравственно-воспитательныя цѣли и далекъ былъ по самому существу своей программы, отъ всякихъ заговоровъ и насилій. Если онъ и имѣлъ политическія тенденціи, если и стремился ввести въ Россіи представительное правленіе, то осуществленіе этихъ стремленій рисовалось въ туманной дали и при томъ при содѣйствіи самого правительства, самого государя [1]).

Ко всему этому, и дѣятельность членовъ общества не только не носила характера конспираціи, но и совсѣмъ не отличалась той таинственностью, которую предполагаетъ въ ней, напримѣръ, П. Щеголевъ [2]) (по крайней мѣрѣ, до 1820 г. или 1821 г., когда появились болѣе или менѣе ясные признаки, что правительство не только освѣдомлено объ обществѣ и слѣдитъ за нимъ, но и считаетъ его дѣятельность опасной).

Уже одно то, что на засѣданія общества допускались не одни только члены, исключаетъ большую таинствен-

---

[1]) Насколько члены общества въ дѣйствительности вѣрили въ „доброжелательство Правительства" и въ сопмѣстную съ нимъ культурную работу, видно изъ слѣдующихъ словъ Якушкина. „Въ самомъ началѣ изложенія его", говоритъ онъ объ уставѣ Союза: „было сказано, что члены Тайнаго Общества соединились съ цѣлью противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже наполовину ложь, потому что *никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства*". (Курсивъ мой. См. Якушкинъ „Записки" стр. 17). Послѣднія слова едва-ли вполнѣ вѣрны. Есть основаніе думать, что нѣкоторые члены (напр., Михаилъ Муравьевъ) хотѣли испросить согласіе государя на учрежденіе общества, а, слѣдовательно, не могли совсѣмъ не вѣрить въ „благія намѣренія правительства".

[2]) П. Е Щеголевъ „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій", стр. 16.

ность. Да и принятіе въ члены первоначально не было обставлено особою осторожностью и таинственностью.

Такъ напримѣръ, по разсказу Н. И. Тургенева, въ концѣ 1819 г. Трубецкой, котораго Тургеневъ едва зналъ по имени, явился къ нему и, не входя въ большія объясненія, прямо предложилъ ему вступить въ число членовъ Тайнаго Общества, мотивируя свое предложеніе только собранными имъ свѣдѣніями о Тургеневѣ. Также Трубецкой поступилъ и съ В. А. Жуковскимъ, который, однако, отказался вступить въ общество, находя что онъ не чувствуетъ въ себѣ такой силы и добродѣтели, какая требуется для выполненія заключающихся въ уставѣ высокихъ и благодѣтельныхъ мыслей. Едва ли бы такъ, какъ Трубецкой, сталъ поступать настоящій конспираторъ, желающій сохранить дѣятельность общества въ большой тайнѣ.

Впрочемъ, здѣсь нужно оговориться, что члены общества далеко не каждому довѣряли даже и тайну существованія Союза. Такъ, А. С. Пушкинъ зналъ многихъ декабристовъ, но не одинъ изъ нихъ и даже его близкій другъ, И. Пущинъ, не только не принялъ его въ общество, но и скрылъ самое его существованіе, несмотря на то, что Пушкинъ сильно огорчался недовѣріемъ къ нему декабристовъ. Къ слову сказать, и самъ Пушкинъ признавалъ, что онъ „не стоилъ этой чести“ [1]).

Имѣя главною цѣлью просвѣтительное и нравственное воздѣйствіе на общество, Союзъ Благодѣнствія не мало поработалъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что уже въ 1818 г., то-есть, вскорѣ послѣ организаціи Союза, въ немъ было (согласно донесенію Бенкендорфа) болѣе 200 человѣкъ, изъ которыхъ многіе игра-

[1]) См. Якушкинъ „Записки“, стр. 52 и В. А. Мякотинъ „Изъ исторіи русскаго общества“, стр. 285.

ли значительную роль въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Члены Союза не только говорили о вредѣ крѣпостничества, не только всесторонне разбирали крестьянскій вопросъ, сильно интересовавшій главнымъ образомъ Н. Тургенева [1]) и П. Якушкина, но послѣдними, а также и Лунинымъ была сдѣлана попытка освободить своихъ крестьянъ. Въ томъ же духѣ была и дѣятельность Пассека, который „всегда былъ добръ до своихъ крестьянъ“, съ вступленіемъ же въ общество „посвятилъ имъ все свое существованіе, и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе“ [2]).

Члены Союза много содѣйствовали также смягченію дисциплины и облегченію участи солдатъ; палка понемногу стала выводиться въ тѣхъ полкахъ, гдѣ имѣли извѣстное значеніе члены общества. Въ этомъ отношеніи отличался Семеновскій полкъ, въ которомъ офицерами были многіе видные члены Союза и особенно дѣятельность М. А. Фонъ-Визина, который не только совершенно вывелъ палку въ командуемыхъ имъ полкахъ, но, открытіемъ школъ для прапорщиковъ, стремился поднять образованіе и въ офицерской средѣ. Сюда же нужно отнести и дѣятельность Орлова, основавшаго въ своей дивизіи, въ Кишиневѣ, ланкастерскую школу для солдатъ (школу взаимнаго обученія) и дѣятельность преподававшаго въ ней В. Ѳ. Раевскаго, поплатившагося за это впослѣдствіи шестилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ Сибирь. Нужно отмѣтить также и дѣятельность И. Пущина, вступившаго вскорѣ по выходѣ изъ лицея въ засѣдатели надворнаго суда

---

[1]) Тургеневъ въ своей государственной и литературной дѣятельности также стремился къ уничтоженію крѣпостной зависимости.

[2]) Якушкинъ „Записки“, стр. 60.

съ цѣлью способствовать правосудію, какъ того требовалъ уставъ Союза отъ членовъ третьей категоріи [1]).

Между тѣмъ реакція правительства съ двадцатыхъ годовъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что члены Союза уже окончательно теряютъ надежду на его содѣйствіе въ мирной культурно-воспитательной работѣ.

Власть Аракчеева (прозваннаго народомъ Огорчеевымъ) достигаетъ такихъ размѣровъ, что въ обществѣ онъ вскорѣ получаетъ названіе „вицеимператора". „Члены государственнаго совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ требовалось высочайшее разрѣшеніе. Аракчеевъ жилъ иногда въ своемъ знаменитомъ Грузинѣ, въ Новогородской губерніи, и члены совѣта, и министры, и всѣ сановники отправлялись къ нему туда" [2]);

---

[1]) *Значеніе* поступка Пущина станетъ болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что какъ и сами засѣдатели пользовались печальной извѣстностью, такъ и тогдашніе дворяне относились съ пренебреженіемъ къ подобнаго рода занятіямъ. Пушкинъ такъ привѣтствуетъ вступленіе Пущина въ засѣдатели:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ глазахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ. (См. Мякотина „Изъ исторіи русск. общества", стр. 285).

[2]) Якушкинъ „Записки", стр. 33. Какъ образчикъ странныхъ отношеній Александра къ Аракчееву и даже извѣстной боязни его къ „преданному безъ лести" временщику и той недостойной двуличности, которая проявлялась уже въ первыя времена его царствованія, укажу на слѣдующій любопытный случай, приведенный Волконскимъ въ своихъ „запискахъ". Посланный изъ арміи генераломъ Винцингероде съ донесеніями къ государю, Волконскій получилъ отъ Александра приказаніе, передъ обратнымъ отправленіемъ въ армію, явиться къ нему лично. Вручая ему письмо къ генералу, государь говорилъ, что онъ благодаритъ и вполнѣ довѣряетъ Винцингероде и чтобы онъ (Винцингероде) не придавалъ никакого значенія и оставлялъ безъ послѣдствій тѣ бумаги, какія не согласуются съ его планами. Характерна послѣдняя фраза государя. „Черезъ нѣсколько часовъ", сказалъ онъ Волконскому: „потребуетъ тебя графъ Алексѣй Андреевичъ, *ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для вручения Винцингероде*". (Волконскій „Записки", стр. 195).

министры ухаживали за его незаконнымъ сыномъ, Шумскимъ, буйствовавшимъ въ столицѣ.

На арену общественной дѣятельности выступаютъ и пріобрѣтаютъ немалое значеніе такія лица, какъ невѣжественный фанатикъ, архимандритъ Фотій, открывающій государю сущность истиннаго православія; попечитель казанскаго учебнаго округа Магницкій, разгромившій библіотеку Казанскаго университета, обратившій университетъ чуть ли не въ монастырь, поощрявшій студентовъ къ доносамъ[1]) и т. п.; его ревностный послѣдователь, попечитель петербургскаго учебнаго округа, Руничъ, разгромившій Петербургскій университетъ. Въ просвѣщеніи наступаетъ застой тѣмъ болѣе, что на все министерство народнаго просвѣщенія отпускается всего только 2,5 милліона рублей, тогда какъ на войско — до 250 милл. Цензура совершенно не руководствуется цензурными законоположеніями и произволъ достигаетъ въ ней полной своей силы. Гоненія на печатное слово разростаются до невѣроятныхъ размѣровъ. Такой писатель, какъ Карамзинъ, который далеко не принадлежалъ къ категоріи вредныхъ „либералистовъ“, начинаетъ жаловаться на цензуру, съ которой борется даже Жуковскій, хотя онъ не только не могъ быть заподозренъ въ какихъ-либо якобинскихъ стремленіяхъ, но и былъ учителемъ великой княгини. Изъ журналовъ (напр.

---

[1]) Магницкій, еще въ качествѣ ревизора Казанскаго университета предложилъ его публичное разрушеніе. Какъ доказательство маратизма и робеспьеризма, овладѣвшаго Казанскимъ университетомъ, Магницкій выставилъ то обстоятельство, что въ числѣ почетныхъ членовъ Казанскаго университета находился аббатъ Грегуаръ—депутатъ Конвента, подавшій голосъ за смерть Людовика XVI. (См. В. О. Ключевскій, литографир. „Лекціи по русской исторіи“, ч. III, стр 295. О разгромахъ Казанскаго и Петербургскаго университетовъ см. также П. Булича „Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія“, т. II. Спб. 1905, стр. 269 и слѣд. и С. Мельгунова „Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ“, М. 1904, стр. 23 - 26).

изъ „Духа журналовъ“, редактируемаго къ тому же цензоромъ Яценковымъ) былъ выкинутъ цѣлый отдѣлъ, соотвѣтствующій теперешнему внутреннему обозрѣнію. Цензура простираетъ свое вниманіе не только на содержаніе, но и на слогъ и знанія автора, при чемъ дурной, по ея мнѣнію, слогъ или недостатокъ знаній служитъ достаточнымъ основаніемъ для неразрѣшенія того или иного журнала[1]).

Въ 1821 г. начальникъ штаба второй арміи Киселевъ учреждаетъ при ней на югѣ Россіи тайную полицію, которая „много оказала услугъ полезныхъ“, какъ писалъ онъ о ней Закревскому.

Всѣ подобнаго рода дѣйствія правительства не могли не внушить членамъ Союза мысли о недостаточности и безполезности мирной дѣятельности Союза и о необходимости принять болѣе рѣшительныя мѣры къ улучшенію недостатковъ русской жизни.

Къ этому же времени и правительство начинаетъ получать болѣе или менѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ обществѣ и внимательно слѣдить за дѣятельностью Союза. Присутствіе въ Союзѣ Благодѣнствія становиться

---

[1]) Въ послѣдніе годы царствованія Александра цензурныя безобразія принимаютъ анекдотическій характеръ. Такъ напримѣръ, „цензоръ Красовскій въ 1823 г. не пропустилъ въ печать для № 11 „Сына Отечества“ и совѣтовалъ помѣстить въ № 18 или въ № 19 романсъ, переведенный съ французскаго какимъ-то Константиновымъ, гдѣ говорится о бродячемъ пѣвцѣ трубадурѣ, уносившемъ изъ замка „вздохъ хозяйки молодой“ и что онъ былъ „жертвою страсти“ и т. п. на томъ основаніи, что № 11 долженъ выйти великимъ постомъ. „Теперь,—пишетъ на стихотвореніи замѣчаніе свое цензоръ, - - сыны и дщери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова, побѣдившая француза-рыцаря). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ не осудитъ цензора за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистоты усердія къ нему“. (См. Буличъ „Очерки“, т. II, стр. 281). Если уже и одно изъ сочиненій самого Магницкаго не разрѣшается къ печатанію (въ 1824 г.), а Шишковъ разсказываетъ о цензурѣ анекдоты, — дальше идти некуда.

небезопаснымъ особенно послѣ того, какъ въ маѣ 1820 г. въ любимомъ полку государя, Семеновскомъ, случилась собственно безобидная исторія, имѣвшая характеръ пассивнаго невооруженнаго возмущенія [1]). Семеновскій полкъ былъ расформированъ, нижніе чины были развезены по разнымъ крѣпостямъ Финляндіи, многіе потомъ были биты кнутомъ, прогнаны сквозь строй или отправлены въ каторжныя работы, а остальные посланы служить безъ отставки въ сибирскіе гарнизоны или размѣщены по армейскимъ полкамъ. Четыре офицера (Вадковскій, Кашкаровъ, Ермолаевъ и кн. Щербатовъ) отданы подъ судъ, при чемъ надѣялись узнать отъ нихъ о существованіи тайнаго общества. Остальные офицеры всѣ были выписаны въ армію слѣдующими чинами съ запрещеніемъ представлять ихъ къ какой-нибудь наградѣ, давать отпуска или принимать отъ нихъ прошенія объ отставкѣ. Александръ приписалъ возмущеніе Семеновскаго полка пропагандѣ тайнаго общества.

Еще незадолго до Семеновской исторіи генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, получивъ донось о „политическомъ заговорѣ“ съ списокомъ его участниковъ, доложилъ объ этомъ государю по возвращеніи его въ Россію въ 1821 году. Большое историческое значеніе имѣетъ отвѣтъ государя Васильчикову. Выслушавъ его, Александръ, послѣ глубокаго размышленія, сказалъ: „Дорогой Васильчиковъ! вы находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія; вы знаете, что я раз-

[1]) См. объ этомъ М. П. Богдановичъ „Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 г. („В. Евр.“ 1870, 11), и „Семеновская исторія 1820 г. Новое подлинное свидѣтельство Милліе (князя) П. М. Васильчикова, съ предисловіемъ Кропотова (Р. Арх. 1870, стр. 1777). О безпорядкахъ, происходившихъ въ это время въ войскахъ вообще см. А. С. Гангеблова „Воспоминанія декабриста“, М. 1888, стр. 12 и слѣд.

дѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія... Не мнѣ подобаетъ карать".

Въ этомъ же году было подано и обстоятельное донесеніе генералъ-адъютанта Бенкендорфа на членовъ Союза Благоденствія, въ которомъ онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что Н. Тургеневъ „бредитъ гильотиною", генералъ Фонъ-Визинъ и полковникъ Граббе, „готовы на все" и что генералъ Орловъ предлагаетъ дѣлать и распространять фальшивыя ассигнаціи.

Подъ вліяніемъ Семеновской исторіи и этихъ доносовъ государь сталъ не только очень неблагосклонно относиться къ тайнымъ обществамъ, но и сильно ихъ бояться, преувеличивая ихъ значеніе[1]).

Кромѣ того, какъ утверждаетъ Якушкинъ: „у императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантропическую, но что потомъ эта цѣль измѣняется скоро и переходитъ въ заговоръ противъ правительства. Съ этихъ поръ императоръ находился въ какомъ-то особенномъ опасеніи тайныхъ обществъ въ Россіи. Къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей. И странно, въ этомъ случаѣ не попался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ. Это самое еще больше смущало императора. Онъ былъ увѣренъ, что устрашающее его тайное общество было чрезвычайно сильно, и сказалъ однажды князю П. М. Волконскому, желавшему его успокоить на этотъ счетъ:

---

[1]) 1 Августа 1822 г. былъ даже изданъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и вообще всякія тайныя общества.

„Ты ничего не понимаешь, эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ Смоленской губерніи, они кормили цѣлые уѣзды". И при этомъ назвалъ меня, Пассека, Фонъ-Визина, Михаила Муравьева и Левашева"[1]).

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ желаніемъ нѣкоторыхъ членовъ по тѣмъ или инымъ причинамъ покинуть Союзъ Благоденствія, привели къ тому, что съ первыхъ чиселъ января 1821 г. члены Союза начали съѣзжаться въ Москву для совѣщаній о реорганизаціи общества. Всего съѣхалось, по словамъ Н. Тургенева, около двадцати человѣкъ, при чемъ было рѣшено дать право рѣшающаго голоса только членамъ основателямъ. Изъ присутствующихъ на съѣздѣ извѣстны имена только Бурцева, Якушкина, М. и И. Фонъ-Визиныхъ, Комарова, Ѳ. Глинки, Н. Тургенева, М. Орлова, Граббе, М. Н. Муравьева, Охотникова, П. Колошина и С. Волконскаго.

Члены Съѣзда не договорились ни до какихъ положительныхъ результатовъ и въ виду этого, а также изъ желанія удалить ненадежныхъ членовъ, рѣшили закрыть общество и объявить объ этомъ во всѣхъ управахъ Союза. Н. Тургеневъ, какъ предсѣдатель собранія, объявилъ Союзъ закрытымъ, что, однако, не помѣшало приступить къ составленію новаго устава и учредить изъ числа избранныхъ членовъ четыре новыя главныя думы: въ Петербургѣ подъ руководствомъ Н. Тургенева, въ Москвѣ — П. А. Фонъ-Визина, въ Смоленской губерніи — П. Якушкина и въ Тульчинѣ—Бурцева. Изъ числа членовъ Тульчинской думы рѣшено было исклю-

[1]) Якушкинъ „Записки", стр. 64.

чить Пестеля, который, видимо, пугалъ членовъ съѣзда своими крайностями.

Новый уставъ „раздѣлялся на двѣ части: въ первой для вступающихъ предлагались тѣ же филантропическія цѣли, какъ и въ Зеленой Книгѣ. Редакціей этой части занялся Бурцевъ. Вторую часть написалъ Н. Тургеневъ для членовъ высшаго разряда. Въ этой второй части устава уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы *ограничить самодержавіе въ Россіи*[1]), а чтобы пріобрѣсть для этого средства —признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай“[2]). Такимъ образомъ, теперь уже имѣлись въ виду цѣли чисто революціоннаго характера.

Но организовать новыя четыре думы не удалось. По пріѣздѣ въ Тульчинъ, Бурцевъ объявилъ о закрытіи Союза. Члены Тульчинской думы, заявивъ, что восемь человѣкъ не имѣли права закрыть цѣлое общество, не приняли рѣшенія Московскаго съѣзда. Собравшись у Юшневскаго въ количествѣ десяти человѣкъ, они рѣшили продолжать свою дѣятельность, но уже по программѣ, предложенной Пестелемъ и Юшневскимъ; послѣдніе стали во главѣ („директорами“) новаго общества, получившаго впослѣдствіи названіе Южнаго. Были сдѣланы попытки объединить и петербургскихъ членовъ бывшаго Союза Благоденствія, для чего ими былъ назначенъ третьимъ директоромъ Никита Муравьевъ; но онъ и другіе петербургскіе члены отказались принять радикальную программу южанъ. Вмѣсто же Петербургской думы тамъ образовалось въ 1822 г., по возвращеніи гвардіи изъ западныхъ губерній, новое общество, получившее названіе Сѣвернаго, во главѣ котораго

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Якушкинъ „Записки“, стр. 54.

вскорѣ стали, кромѣ Никиты Муравьева, дѣятельностью котораго оно главнымъ образомъ и возникло, — кн. Трубецкой и кн. Оболенскій а впослѣдствіи (съ 1824 г.) К. Рылѣевъ.

„Южная и Сѣверная думы", какъ называетъ новыя общества Волконскій: „приняли два различныхъ направленія: первая положила себѣ цѣлью демократическій переворотъ; вторая — монархически-конституціонный. Несмотря на это разногласіе цѣлей и средствъ[1]), обѣ думы, не дѣйствующія совокупно, не прекращали сношеній между собою... Дѣла Южнаго Общества, замышляющаго радикальный переворотъ (теперь скажу, можетъ быть, несбыточный, преждевременный), быстрыми шагами подвигались впередъ. Дѣйствія-же Сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны, и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проектовъ конституціи... Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ—надо сильную волю, чтобъ избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣло клонилось постановленіе Южнаго общества, чтобъ при удачѣ вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или черезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія"[2]). Южное общество, кромѣ того, основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и для вновь вступающихъ членовъ, положило цареубійство, чѣмъ имѣлось въ виду главнымъ образомъ оградить себя отъ

---

[1]) Хотя цѣли, несомнѣнно, были разныя (у Сѣверянъ — монархически-конституціонныя, у Южанъ — республиканскія), но средства были одни и тѣ же — планомѣрное дѣйствіе на войско въ смыслѣ укрѣпленія въ немъ любви и довѣрія къ своимъ начальникамъ и чувства собственнаго достоинства и подготовки ихъ „на всякій случай". *И. Ѳ.*

[2]) С. Г. Волконскій „Записки", стр. 419 и 420.

нерѣшительныхъ, ненадежныхъ членовъ. „Согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ не умепьшало полной отвѣтственности на первоначальное согласіе“ [1]).

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ обществѣ обсуждались проекты будущаго государственнаго строя. Изъ этихъ проектовъ главнымъ образомъ интересны проектъ конституціи Никиты Муравьева и „Русская правда“ Пестеля.

Первый проектъ отличался умѣренностью и много имѣлъ общаго по цѣлямъ и принципамъ съ преобразовательными планами Сперанскаго и Новосильцева. Являясь вкратцѣ снимкомъ съ англійской конституціи, онъ имѣлъ монархическій характеръ съ аристократическимъ принципомъ имущественнаго ценза. Но, несмотря на этотъ несомнѣнный недостатокъ, проектъ Н. Муравьева „устанавливаетъ всѣ основныя права человѣка: свободу совѣсти, свободу слова, свободу печати, право собраній, союзовъ, петицій, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и корреспонденціи“ [2]).

Проектъ Пестеля имѣлъ въ виду демократически-республиканскія цѣли, и одною изъ его характерныхъ сторонъ являлось измѣненіе экономическаго строя такъ,

---

[1]) Волконскій „Записки“, стр. 413. Не останавливаясь передъ мыслью о насиліяхъ и кровопролитіи, дѣятельность Южнаго Общества была живѣе и рѣшительнѣе и революціонная пропаганда велась въ болѣе широкомъ масштабѣ. Такъ, оно вошло въ сношенія съ существовавшимъ тогда на Югѣ и состоявшемъ почти исключительно изъ русскихъ офицеровъ „Обществомъ Соединенныхъ Славянъ“, принципы котораго близко подходили къ принципамъ Южнаго Общества, а также и съ Тайнымъ Польскимъ обществомъ и съ радикально настроенными офицерами кавказской арміи. Южнымъ же обществомъ, по показанію Корниловича, было задумано схватить государя во время смотра въ маѣ 1826 г. второй арміи и принудить его подписать представленныя ему условія.

[2]) В. Якушкинъ „Изъ исторіи государственной власти въ Россіи“. („Русск. Вѣд.“ 1905 г., № 137).

чтобы всѣ русскіе были земельными собственниками; этимъ онъ думалъ сдѣлать невозможнымъ возникновеніе пролетаріата въ Россіи.

Я уже говорилъ, что, съ возникновеніемъ новыхъ обществъ, рѣшено было дѣйствовать на войско, но, какъ велась пропаганда среди войска, сказать трудно, такъ какъ объ этомъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, декабристы сумѣли внушить къ себѣ среди солдатъ искреннюю любовь[1]) и полное довѣріе, что и дало имъ возможность возмутить около 2000 человѣкъ.

Между тѣмъ, къ концу царствованія Александра, количество доносовъ все увеличивалось и уже стали поступать весьма важные по своимъ послѣдствіямъ доносы о дѣятельности обществъ[2]). Главные доносы были отъ четырехъ лицъ: 1) въ іюлѣ 1825 г. отъ унтеръ-офицера 3-го Украинскаго уланскаго полка Шервуда, произведеннаго впослѣдствіи въ дворяне и получившаго, по пове-

---

[1]) Приведу по этому поводу слѣдующій случай. Однажды въ карауле въ крѣпости, куда былъ заключенъ М. А. Фонъ-Визинъ послѣ декабрскихъ событій, „были солдаты того полка, которымъ Фонъ-Визинъ раньше командовалъ и гдѣ, какъ мы знаемъ, онъ былъ чрезвычайно любимъ. Во время прогулки по берегу Невы подъ конвоемъ этихъ солдатъ они убѣждали его воспользоваться свободою и бѣжать. Глубоко тронутый и пораженный такою преданностью, Мих. Ал. не рѣшился, однако, ради своего освобожденія подвергнуть тяжелому наказанію солдатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшить положеніе своихъ товарищей, которыхъ, послѣ его побѣга, конечно, подчинили бы болѣе строгому надзору". Аналогичныя же предложенія дѣлались и Н. М. Муравьеву и Басаргину. (См. „Общественное движеніе въ Россіи", т. I, стр. 56. Изд. М. Пирожкова).

[2]) „Это было", говоритъ Пыпинъ: „классическое время доносовъ". (См. его „Обществ. движ. въ Россіи", стр. 437). Доносы были иногда и крайне смѣшны и нелѣпы. Такъ, Магницкій доносилъ и направо и налѣво и даже на велик. кн. Николая Павловича. Арх. Фотій доносилъ не только на общества методистовъ, гернгутеровъ и т. п., но и на будущаго московскаго митрополита, епископа Филарета. Въ февралѣ 1826 г. былъ сдѣланъ доносъ разомъ на П. С. Мордвинова, А. А. Закревскаго, П. Д. Киселева, кн. А. Н. Голицына, А. П. Ермолова и Балашева.

лѣнію Николая, фамилію Шервуда-Вѣрнаго; 2) отъ начальника южныхъ военныхъ поселеній, графа Витта, подтвердившаго произведенныя Шервудомъ, по порученію правительства, разслѣдованія объ обществахъ, а также сообщившаго въ Таганрогѣ государю важныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ, добытыя имъ черезъ херсонскаго помѣщика Бошняка. 3) Въ ноябрѣ 1825 г. отъ капитана Вятскаго пѣхотнаго полка, Майбороды, и 4) 12 декабря 1825 г. (лично Николаю) отъ адъютанта начальника гвардейской пѣхоты, генерала Бистрома,— Я. И. Ростовцева, при этомъ не только сообщившаго, наканунѣ декабрскихъ событій, о своемъ доносѣ Оболенскому и Рылѣеву, но и ловко разыгравшаго передъ ними роль благороднаго человѣка[1]).

Еще до возмущенія на Сенатской площади было послано изъ Таганрога, гдѣ находился Александръ, приказаніе арестовать Пестеля, Лорера и другихъ декабристовъ, при чемъ Пестель былъ арестованъ въ самый день петербургскаго бунта.

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ въ царствованіи Николая былъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, далеко не снискавъ себѣ популярности между воспитанниками и воспитателями. По вопросу объ освобожденіи крестьянъ, онъ, стоявшій сначала за крѣпостное право, подъ вліяніемъ старшаго сына, благоговѣвшаго передъ Герценомъ и взявшаго передъ смертью съ отца слово безкорыстною защитою интересовъ народа загладить свою вину передъ декабристами, дѣлается съ 1858 г. рьянымъ поборникомъ крестьянскаго самоуправленія и освобожденія крестьянъ съ землею. Назначенный Александромъ II въ 1859 г. предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи, Ростовцевъ „дѣлается однимъ изъ рѣшителей судебъ великаго народнаго дѣла и служитъ ему не по казенному, а съ безпримѣрнымъ для бюрократіи энтузіазмомъ и съ самоотверженіемъ идейнаго борца и народнаго трибуна, готоваго „идти на плаху за святое дѣло“ (по его собственному выраженію)“. (См. Джаншіевъ „Эпоха великихъ реформъ“, изд. 9-е. Спб. 1905 г., стр. 805). Былъ ли искрененъ Ростовцевъ въ своей либеральной, освободительной дѣятельности по крестьянскому вопросу (что весьма и вѣроятно), — но, во всякомъ случаѣ, его роль въ этомъ вопросѣ является если и не искупающей его поступокъ по декабрскому дѣлу, то несомнѣнно заслуживающей глубокую признательность русскаго общества.

Все это заставляетъ думать, что если бы и не произошли кровавыя событія 14 декабря,—членамъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ не долго пришлось бы ждать арестовъ.

Это понимали и сами декабристы. Такъ, Н. Бестужевъ находилъ, что „честнѣе быть взятымъ на площади, нежели въ постели. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали".

1825 годъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ очень тихо; дѣла общества находились въ затишьѣ, и самый дѣятельный изъ его членовъ, Рылѣевъ, былъ занятъ изданіемъ альманаха. Насколько мало думали тогда о возмущеніи видно изъ того обстоятельства, что за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря издатели 3-й книжки „Полярной Звѣзды" К. Рылѣевъ и А. Бестужевъ, заподозрить которыхъ въ нечестности или неискренности могъ бы развѣ одинъ Гречъ, посвятили ее государынямъ-императрицамъ, за что Рылѣевъ получилъ два бриллiантовыхъ перстня, а Бестужевъ золотую табакерку.

27 ноября пришла изъ Таганрога вѣсть о кончинѣ Александра, и хотя Константинъ Павловичъ, жившій въ Варшавѣ, еще до смерти Александра, отрекся отъ престола въ пользу своего брата Николая,—послѣдній, до полученія отъ него формальнаго отреченія, не рѣшился вступить на престолъ, присягнулъ ему самъ и привелъ къ присягѣ Константину гвардію. Константину же присягнули и обѣ столицы.

Наканунѣ присяги Константину всѣ наличные члены Сѣвернаго общества собрались у Рылѣева и единогласно постановили на время пріостановить дѣятельность общества, такъ какъ предпринять что-либо при присягѣ въ

цѣляхъ ограниченія самодержавія, къ чему стремилось общество, въ такое короткое время было невозможно.

Только черезъ двѣ недѣли пришло отъ Константина изъ Варшавы оффиціальное отреченіе и на 14 декабря была назначена новая присяга Николаю гвардейскихъ полковъ.

Со дня полученія извѣстія о смерти Александра, домъ Рылѣева становится мѣстомъ собраній членовъ Сѣвернаго общества, и самъ онъ — душою этихъ собраній. Когда слухи объ отреченіи Константина стали извѣстны членамъ общества, они рѣшили воспользоваться междуцарствіемъ и именемъ Константина произвести государственный переворотъ, хотя многіе изъ членовъ (и самъ Рылѣевъ) мало надѣялись на успѣхъ возмущенія, что, можетъ быть, и было отчасти причиною ихъ полной неудачи.

Убѣжденные въ невозможности ломать уже данную Константину присягу, солдаты отказались присягать Николаю и, вооружившись, утромъ 14 декабря, во главѣ съ возмутившими ихъ членами общества, собрались на Сенатской площади. Прежде всѣхъ прибыла часть Московскаго полка и построилась въ батальонное каре. Потомъ къ нимъ присоединились батальонъ гвардейскаго Морского экипажа, полубатальонъ финляндскихъ егерей и нѣсколько ротъ лейбъ-гренадеръ. Общая численность возмутившихся частей достигла тогда количества 1500 или 2000 человѣкъ. Убѣжденія возмутившихся солдатъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Милорадовичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и митрополитами петербургскимъ и кіевскимъ остались безуспѣшны, при чемъ Милорадовичъ былъ смертельно раненъ. Николай, послѣ неудачнаго натиска кавалеріи на инсургентовъ, рѣшилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ картечи, чѣмъ и привелъ въ крайнее замѣша-

тельство возмутившіяся войсковыя части; кавалерія довершила дѣло, начатое картечью[1]).

Многое, разумѣется, можно сказать о той нелѣпости, съ которой велось возмущеніе 14 декабря и отъ которой произошла его полнѣйшая неудача[2]). Но одна стратегическая ошибка настолько прямо бросается въ глаза, что ее отмѣтили и сами декабристы и считали рѣшающей участь исхода возмущенія. Вотъ что по этому поводу находимъ мы въ „воспоминаніяхъ“ Бѣляева. „Передъ вечеромъ мы увидѣли“, говоритъ онъ: „что противъ насъ появились орудія. Корниловичъ сказалъ: „вотъ теперь надо идти и взять орудія“; но такъ какъ никого изъ вождей на площади не было, то никто и не рѣшился взять на себя двинуть батальоны на пушки и, можетъ быть, начать смертоносную борьбу, *что и рѣшило участь этого несчастнаго покушенія*“[3]).

Несомнѣнно, эта-то нерѣшительность и вообще плохая распорядительность главарей возстанія не только рѣшила въ пользу правительства исходъ столкновенія, но и дала ему возможность почти безъ всякихъ потерь одержать надъ инсургентами полную побѣду.

Такъ же неудачно кончилось и открытое возстаніе Черниговскаго полка въ Кіевской губерніи, получив-

[1]) Масса убитыхъ въ этотъ день были ночью прямо спущены въ нарочно прорубленныя для этого на Невѣ проруби, при чемъ такой же участи подверглись и многіе раненые. (См. Шильдеръ „Императоръ Николай I“, т. I. Спб. 1903, стр. 516).

[2]) Насколько событія, вызвавшія 14 декабря, застали врасплохъ Сѣверное Общество и насколько планъ возмущенія являлся не результатомъ долгаго и зрѣлаго размышленія, а необходимостью дѣйствовать наспѣхъ, единственно подъ вліяніемъ случайно сложившихся обстоятельствъ, видно изъ почти полнѣйшей неувѣренности многихъ декабристовъ въ успѣхѣ возстанія и изъ непланомѣрности и нерѣшительности дѣйствій главарей-инсургентовъ на Сенатской площади, избравшихъ къ тому же диктаторомъ на 14 декабря кн. Трубецкого, не только вполнѣ неспособнаго къ этой роли, но и не пришедшаго даже на площадь.

[3]) Курсивъ мой. См. Бѣляева „Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ“. („Русск. Стар.“ 1881, стр. 499).

шаго въ январѣ 1826 г. полное пораженіе при деревнѣ Устимовкѣ, при чемъ былъ сильно раненъ командовавшій этимъ полкомъ подполковникъ С. И. Муравьевъ—Апостолъ.

Послѣ декабрскихъ событій начались повсюду аресты, при чемъ въ теченіе шести мѣсяцевъ въ разныхъ мѣстахъ было арестовано до двухъ тысячъ, не считая тѣхъ, кто явился для ареста добровольно.

17 декабря 1825 г. была учреждена „комиссія для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ". Преслѣдуя опредѣленныя цѣли—обвиненія всѣхъ такъ или иначе причастныхъ къ декабрскому движенію, коммиссія эта дѣйствовала, выражаясь словами М. А. Фонъ-Визина, „въ инквизиціонномъ духѣ" [1]) и не только не гнушалась угрозами и нравственнымъ и физическимъ изнуреніемъ заключенныхъ, но и прямой клеветой, приписывая имъ и заставляя подписывать такія показанія, какихъ они никогда не давали [2]).

---

[1]) М. Фонъ-Визинъ „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи". („Общ. движ. въ Россіи", стр. 197).

[2]) Хотя о „пыткахъ" въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыми, напр., угражалъ Якушкину при допросѣ Левашевъ (см. Якушкинъ „Записки", стр. 82) и про которыя ходили слухи въ обществѣ, по имѣющимся до сихъ поръ даннымъ, едва ли можно говорить съ достаточною увѣренностію, но тяжелыя ручныя и ножныя кандалы, сырые и темные казематы, часто только хлѣбъ и вода на обѣдъ и ужинъ—все это примѣнялось къ декабристамъ. Но если нельзя говорить о физической пыткѣ, то въ угнетающемъ дѣйствіи нравственной пытки не можетъ быть сомнѣнія. Угрозы и обѣщанія помилованія, непрерывные перекрестные и часто грубые допросы, чѣмъ особенно отличался генералъ Чернышевъ, котораго останавливали даже сами члены коммиссіи, небывалые оговоры, сдѣланные якобы товарищами и внезапныя милости совершенно упавшимъ духомъ, утомленнымъ и сильно обезпокоеннымъ, какъ своею судьбою, такъ и участью товарищей и родственниковъ,—все это не только испытывалось заключенными, но и сильно ослабило ихъ волю, энергію и стойкость при допросахъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ стремились, во чтобы то ни стало, выгородить себя и спастись даже цѣною погибели своихъ товарищей. Нѣкоторыхъ же (какъ напр., Матвѣя Муравьева и

Уже одно то, что составителемъ „донесенія“ слѣдственной коммиссіи былъ Д. И. Блудовъ, тотъ самый Блудовъ, который обѣщалъ когда-то Н. Тургеневу свои статьи для задуманнаго имъ журнала, къ тому же обыкновенно отсутствующій на засѣданіяхъ коммиссіи, составляя свое переполненное клеветническими выходками „донесеніе“ на основаніи поступавшихъ къ нему записанныхъ отдѣльныхъ показаній, — уже одно это служитъ не въ пользу „донесенія“.

Нѣкоторыхъ декабристовъ допрашивалъ прежде всего самъ Николай, при чемъ былъ грубъ и осыпалъ ихъ бранью.

Не мало пришлось ему во время этихъ личныхъ допросовъ выслушать отъ декабристовъ горькихъ истинъ, при чемъ И. Бестужеву, прямо и смѣло говорившему Николаю о бѣдственномъ положеніи Россіи, онъ обѣщалъ помилованіе, если впредь Бестужевъ будетъ ему „вѣрнымъ слугою“. — „Ваше Величество!“ отвѣчалъ Бестужевъ: „въ томъ и несчастье, что вы все можете сдѣлать, что вы выше закона; желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности“ [1]).

Булатова) вся эта тяжелая тюремная подслѣдственная обстановка довела даже до психическаго разстройства.

Что же касается до клеветническихъ выходокъ „донесенія“, укажу для примѣра на обвиненіе Н. Тургенева (сдѣланное будто бы со словъ Никиты Муравьева) въ томъ, что онъ, на одномъ засѣданіи въ 1825 г., согласился съ мнѣніемъ Рылѣева о необходимости вывезти изъ Россіи царскую фамилію, если государь откажется принять условія, предложенныя ему въ рѣшительную минуту Тайнымъ Обществомъ. Между тѣмъ, уѣхавъ за границу въ апрѣлѣ 1824 г., Н. Тургеневъ, во время указаннаго совѣщанія былъ въ Неаполѣ, и, кромѣ того, И Муравьевъ клялся, что никогда не давалъ подобнаго показанія о Н. Тургеневѣ.

[1]) См. Шильдера „Императоръ Николай I“, т. I, стр. 545. Такъ же смѣло велъ себя на допросѣ и С. Муравьевъ-Апостолъ, тоже не принявшій отъ Николая помилованія (см. Н. Огаревъ „Разборъ книги барона Корфа“, стр. 120).

Верховный уголовный судъ, открывшій свои засѣданія 3 іюня 1826 г. подъ предсѣдательствомъ Лопухина, составленный изъ высшихъ чиновниковъ, генераловъ и архіереевъ [1]), былъ собственно продолженіемъ слѣдственной коммиссіи, основывая свои сужденія на ея „донесеніи“ и преслѣдуя аналогичныя съ нею цѣли.

„Если бы процессъ былъ обставленъ, по крайней мѣрѣ, элементарными судебными гарантіями“, говоритъ Корниловъ: „верховный уголовный судъ долженъ былъ бы признать, что „Союзъ Благоденствія“ никакъ не могъ быть причисленъ къ числу такихъ „злоумышленныхъ“ обществъ, одна прикосновенность къ которому влечетъ за собой для всѣхъ обвиненныхъ смертную казнь; что же касается до сообществъ, не имѣвшихъ прямо революціонной цѣли, то таковыя въ то время, когда существовалъ „Союзъ Благоденствія“, не были запрещены никакимъ прямымъ законоположеніемъ, такъ какъ указъ о запрещеніи массонскихъ ложъ и другихъ подобныхъ обществъ послѣдовалъ лишь въ 1822 г., когда „Союзъ Благоденствія“ былъ уже добровольно закрытъ его членами“ [2]).

---

[1]) Въ числѣ 80 членовъ верховнаго уголовнаго суда были и адмиралъ Мордвиновъ, и М. М. Сперанскій, который былъ выбранъ въ число трехъ членовъ, составлявшихъ окончательный докладъ государю.

Сперанскій былъ не только знакомъ со многими декабристами, но съ Батенковымъ былъ одно время и очень близокъ, почему порученіе верховнаго уголовнаго суда подѣйствовало на него настолько угнетающе, что онъ покушался совсѣмъ оставить службу. Что же касается Мордвинова, названнаго Рылѣевымъ въ одѣ „гражданское мужество“)— „исполиномъ“, который „гражданскимъ мужествомъ дивитъ“ и котораго нѣкоторые члены Сѣвернаго Общества думали при удачѣ переворота избрать вмѣстѣ съ Ермоловымъ и Сперанскимъ въ члены временнаго правительства,—то онъ настолько удивилъ „гражданскимъ мужествомъ“, что не только ничего не возражалъ противъ поголовнаго осужденія декабристовъ, но въ 1826 г. подалъ еще правительству особую записку о мѣрахъ противъ распространенія въ Россіи тайныхъ обществъ.

[2]) А. Корниловъ „Очерки по исторіи обществ. движ., стр. 94.

Къ тому же нужно замѣтить слѣдующее: верховный уголовный судъ призналъ единогласно, что преступленія декабристовъ принадлежатъ „къ преступленіямъ государственнымъ, подъ именемъ *двухъ первыхъ* пунктовъ въ законодательствѣ нашемъ извѣстномъ", почему судъ „единогласно опредѣлилъ, что преступленія, въ актахъ означенныя, и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной казни" [1]). Но „смертная казнь за преступленія противъ царскихъ особъ", справедливо замѣчаетъ по этому поводу Огаревъ: „вошла, какъ первые два пункта уголовнаго законодательства, только въ XV томъ свода законовъ, изданнаго въ первый разъ лѣтъ 10 послѣ 14 декабря. Гдѣ же прежде Николаевскаго свода преступленія противъ царственныхъ особъ извѣстны были у насъ подъ именемъ первыхъ двухъ пунктовъ нашего законодательства? Въ Судебникѣ Іоанна IV эти преступленія относятся къ статьѣ 61-й. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича они составляютъ два первые пункта, — но не Уложенія, а второй главы Уложенія (о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать) и не только два первые пункта этой главы, а еще 11 и 21-й пункты. Въ воинскомъ артикулѣ эти преступленія относятся къ главѣ 3-й артикулу 19. Гдѣ же эти два первые пункта законодательства? Очевидно, верховный уголовный судъ ссылается на уложеніе, *которое будетъ издано послѣ него*" [2]), и которое, конечно, не можетъ еще имѣть силу закона.

Кромѣ того, если еще и можно говорить о противуправительственной дѣятельности Сѣвернаго и особенно Южнаго обществъ и даже о стремленіи этихъ

---

[1]) См. докладъ верховнаго уголовнаго суда („Всем. Вѣстн." 1905 г., 5 стр. 37).

[2]) Курсивъ мой. См. Огаревъ „Разборъ книги барона Корфа", стр. 101.

обществъ къ цареубійству, то ничего подобнаго не было, какъ мы видѣли, въ стремленіяхъ Союза Благоденствія, преслѣдующаго культурно-воспитательныя цѣли, хотя рѣчи о цареубійствѣ не чужды были ни членамъ Союза Спасенія, ни членамъ Союза Благоденствія. Такъ еще въ 1816 или 1817 г. Лунинъ предлагалъ въ рѣшительную минуту убить государя на царскосельской дорогѣ при помощи особаго отряда съ масками на лицѣ. Также въ 1817 г., по поводу слуховъ о презрительномъ отношеніи Александра къ Россіи и о его желаніи не только присоединить къ Польшѣ (которой онъ только что далъ конституцію) нѣкоторыя русскія области, но и перенести столицу въ Варшаву, А. Муравьевымъ было предложено бросить жребій на убійство Александра, но Якушкинъ самъ вызвался на это, сказавъ, что „никому не уступитъ этой чести“ [1]). Были разговоры и объ истребленіи всего царскаго семейства (въ 1820 г.), но все это нужно отнести на личную отвѣтственность отдѣльныхъ членовъ, а не цѣлаго общества.

По приговору верховнаго уголовнаго суда пять человѣкъ (Рылѣевъ, Пестель, Каховскій, С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ) были осуждены къ четвертованію, которое Николай замѣнилъ повѣшеніемъ; остальные 116 человѣкъ были, по лишенію чиновъ и дворянства, сосланы въ Сибирь на каторгу или на поселеніе, а также и въ другія мѣста заточенія, частью же разжалованы въ солдаты [2]); увлеченные же въ заговоръ солдаты посланы на Кавказъ.

[1]) Якушкинъ „Записки“, стр. 15. Презрѣніе Александра къ русскимъ послѣ заграничныхъ походовъ, его любовь къ Польшѣ и приглашеніе, часто безъ разбору, многихъ иностранцевъ на русскую службу не только оскорбляло русское національное чувство, но и внушало многимъ личную непріязнь къ государю. (Объ этомъ см. Дубровина „Послѣ отечественной войны“ въ „Русск. Стар.“ 1904, 1).

[2]) Списокъ осужденныхъ см. во „Всем. Вѣсти.“ 1905 г., кн. 5, стр. 47—66.

Лишь въ царствованіе императора Александра II, манифестомъ 1856 г., декабристамъ было разрѣшено „возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы“. Въ началѣ 1859 г. съ нихъ было снято и это ограниченіе, хотя уже очень немногіе изъ нихъ могли вновь увидѣть обѣ русскія столицы.

Такъ кончилась эта попытка измѣнить безотрадную русскую дѣйствительность, попытка людей, во всякомъ случаѣ, честныхъ, пылкихъ и горячо любящихъ свою родину. И какой бы грязью не забрызгивали ихъ Гречи[1]), Корфы[2]) и разныя „доношенія“, — „безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ, какія только представляло то время“[3]).

Позволю себѣ закончить этотъ краткій очеркъ слѣдующими словами Пыпина. „Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашнія интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ остаются непонятны для большинства и на которыя съ такою щедростью бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы“[4]).

Въ ночь на 13 іюля 1826 г. или, вѣрнѣе, раннимъ утромъ назначено было исполненіе приговора на обширномъ полѣ, позади Петропавловской крѣпости. При этомъ должны были присутствовать отряды отъ всѣхъ войскъ гвардіи. Осужденныхъ, кромѣ пяти, приговоренныхъ къ повѣшенію, поставили на колѣни, предварительно снявъ съ военныхъ и бросивъ на разведенные вблизи костры, мундиры и ордена.

---

[1]) Н. Гречъ „Записки недекабриста“. Берлинъ 1862 г.; его же „Изъ записокъ о моей жизни“. („Русск. Вѣсти.“ 1868).

[2]) Бар. М. Корфъ „Восшествіе на престолъ императора Николая I“. Изд. 5-е. Спб. 1857.

[3]) Пыпинъ „Обществ. движ. въ Россіи“, стр. 450.

[4]) Ibid., стр. 12.

Экзекуція началась съ Якушкина, котораго такъ сильно ударили по головѣ плохо подпиленной шпагой, что онъ упалъ. Послѣ экзекуціи осужденныхъ отвели обратно въ крѣпость. Въ пятомъ часу была произведена казнь главныхъ преступниковъ. На ихъ ногахъ были тяжелыя цѣпи, а на груди, какъ говорятъ нѣкоторые очевидцы, черныя доски или кожи съ бѣлой надписью объ ихъ преступленіи.

„Когда ихъ привели къ висѣлицѣ, Сергѣй Муравьевъ просилъ позволенія помолиться: онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: „Боже, спаси Россію и царя!“ для многихъ такая молитва казалась непонятною, но Сергѣй Муравьевъ былъ съ глубокими христіанскими убѣжденіями и молилъ за царя, какъ молился Іисусъ на крестѣ за враговъ своихъ... Прощаясь въ послѣдній разъ, они всѣ пожали другъ другу руку. На нихъ надѣли бѣлыя рубашки, колпаки на лицо и завязали имъ руки... Наконецъ ихъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю. Въ это время священникъ, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и тѣхъ, которые оборвались и упали на помостъ. (По другимъ даннымъ, повисли С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ, а Пестель, вмѣстѣ съ двумя другими, упалъ. *И. Ѳ.*). Сергѣй Муравьевъ жестоко разбился: онъ переломилъ ногу и могъ только выговорить: „Бѣдная Россія! и повѣсить-то порядочно не умѣютъ!“ (По словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, фраза эта, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, была сказана Рылѣевымъ. *И. Ѳ.*). Каховскій выругался по-русски. Рылѣевъ не сказалъ ни слова... Генералъ Чернышевъ, бывшій распорядителемъ казни, не потерялъ голову; онъ велѣлъ тотчасъ же поднять трехъ упавшихъ и вновь ихъ повѣсить“. (Якушкинъ „Записки“, стр. 110 и 111). У Пестеля веревка была настолько длинна, что онъ, по словамъ одного очевидца, носками доставалъ до помосту, что, конечно, „должно было продлить его мученія, и замѣтно было нѣкоторое время, что онъ еще живъ“. („Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева“ Лейпцигъ 1862 г., стр. XXIII). „Такъ“, говоритъ Шницлеръ: „въ цвѣтѣ лѣтъ погибли люди, изъ которыхъ многіе могли бы оказать своему отечеству важныя услуги“. („Казнь декабристовъ. Разсказы современниковъ: Шницлера, Н. В. Путяты и В. И. Беркопфа“ въ „Русск. Арх.“ 1881 г., стр. 343. См. также разсказы очевидцевъ въ очеркѣ Н. А. Котляревскаго „литературная дѣятельность декабристовъ. Рылѣевъ“ въ „Русск. Бог.“ 1906 г. 7, стр. 77—79). Казненные были или спущены въ море, или похоронены на островѣ Голодаѣ. Нужно еще сказать нѣсколько словъ и о честномъ протоіереѣ Казанскаго собора, Мысловскомъ, который во все время заключенія декабристовъ въ крѣпости былъ ихъ настоящимъ утѣшителемъ и вообще оставилъ о себѣ добрую память. Онъ не вѣрилъ въ возможность подобнаго исхода для декабристовъ, былъ сильно пораженъ казнью и непремѣнно хотѣлъ прочесть молитву надъ тѣлами казненныхъ, отнесенныхъ въ какой-то сарай или погребъ. Кромѣ того, когда 15 іюля на Петровской площади былъ назначенъ парадъ и очистительное молебствіе, которое долженъ былъ отслужить митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, протоіерей Мысловскій надѣлъ черную рясу и, отпустивъ образъ Казанской Божьей Матери съ другимъ священникомъ, отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду по пяти усопшимъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ вдохновителей декабрскаго движенія, несомнѣнно, является Кондратій Оедоровичъ Рылѣевъ, бывшій, по словамъ Н. Бестужева, „источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій Общества“.

Рылѣевъ родился 18 сентября 1795 г.[1]) въ небольшой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга.

Отецъ его, захудалый дворянинъ съ жесткимъ, деспотическимъ характеромъ, служилъ у князя С. Ѳ. Голицына главнымъ управляющимъ. Обращаясь грубо съ женою, кроткой и покорной женщиной, которую онъ билъ и даже запиралъ въ погребъ, отецъ нерѣдко билъ и своего маленькаго сына.

Въ январѣ 1801 г. Рылѣевъ былъ отданъ въ первый кадетскій корпусъ, и уже тамъ началъ проявлять свой мужественный и благородный характеръ, не мирившійся съ тѣмъ, что для него являлось несправедливымъ.

---

[1]) Дата эта сообщена самимъ Рылѣевымъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 г. По указаніямъ же родныхъ Рылѣевъ родился въ 1797 г., а по словамъ Кропотова—въ 1789 г.

Въ то время корпусомъ управлялъ Клингеръ, и тѣлесныя наказанія были одной изъ главнѣйшихъ формъ педагогическаго воздѣйствія; конечно, живой, шаловливый и вспыльчивый Рылѣевъ нерѣдко подвергался экзекуціямъ, которыя выносилъ съ полнымъ мужествомъ и, по словамъ Греча, „ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру".

Учился Рылѣевъ довольно порядочно и еще на школьной скамьѣ обнаружилась въ немъ страсть къ чтенію. Къ школьному же періоду времени относится и его первыя поэтическія попытки; такъ, извѣстна его продѣлка съ корпуснымъ экономомъ, Бобровымъ, которому онъ подсунулъ въ треуголку свою шуточную поэму „Кулакіяду", написанную на смерть главнаго корпусного повара Кулакова, а также затрогивавшую и самого Боброва.

10-го февраля 1814 г. Рылѣевъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду и почти сейчасъ же былъ отправленъ въ дѣйствующую армію.

За время своихъ заграничныхъ походовъ Рылѣевъ побывалъ въ Швейцаріи, Германіи и Франціи, и эти походы оставили глубокій слѣдъ на всемъ духовномъ складѣ молодого офицера

По возвращеніи изъ заграницы, Рылѣевъ, во время стоянки своей роты въ Острогожскомъ уѣздѣ (Воронежской губ.) познакомился съ семействомъ тамошняго помѣщика, М. А. Тевяшева и увлекся его младшей дочерью, Натальей Михайловной. Въ декабрѣ 1818 г. Рылѣевъ, по желанію Тевяшевыхъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика и послѣ свадьбы, которая, по различнымъ обстоятельствамъ, могла состояться только въ январѣ 1820 г., поселился въ Петербургѣ.

Съ этого времени начинается и его литературная

дѣятельность, въ которой, съ перваго же стихотворенія: „Къ временщику“, помѣщеннаго въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1820 г., зазвучали гражданскіе мотивы[1]).

Его сатира „Къ временщику“ была по тому времени неслыханной дерзостью, такъ какъ имѣла въ виду всесильнаго Аракчеева. Слишкомъ-ли вѣрно было изображеніе Аракчеева, такъ что онъ не нашелъ возможнымъ узнать себя въ сатирѣ, или просто онъ и его клевреты ее не замѣтили, — но смѣлая выходка Рылѣева не только не имѣла для него дурныхъ послѣдствій, а напротивъ обратила на него вниманіе прогрессивной части общества, какъ на смѣлаго поэта-гражданина, и доставила ему много друзей.

Къ этому же времени относится и его участіе въ массонской ложѣ „Пламенѣющей Звѣзды“, гдѣ онъ числился членомъ 1820—1821 гг.

Но несмотря на литературные успѣхи, матеріальныя обстоятельства Рылѣева были далеко не блестящи [2]), и онъ принужденъ былъ служить.

Въ январѣ 1821 г. Рылѣевъ былъ избранъ мѣстнымъ дворянствомъ въ засѣдатели С.-Петербургской уголовной палаты, гдѣ товарищемъ его по службѣ былъ И. И. Пущинъ, который и ввелъ его впослѣдствіи въ Сѣверное общество.

---

[1]) Кромѣ „Невскаго Зрителя“, Рылѣевъ помѣщалъ свои произведенія также въ „Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія“, издававшемся „Вольнымъ Обществомъ Любителей россійской словесности“, гдѣ онъ былъ членомъ, въ „Благонамѣренномъ“ А. Е. Измайлова, „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ А. Ѳ. Воейкова, „Сынѣ Отечества“ Н. И. Греча, „Литературныхъ Листкахъ“ и „Сѣверной Пчелѣ“ Ѳ. В. Булгарина.

[2]) Еще по смерти его отца (въ 1814 г.) кн. Голицынъ предъявилъ къ наслѣдникамъ претензію въ 80000 р., почему, какъ деньги, такъ и движимое имущество, которое не могло покрыть и десятой части долга, было арестовано и отдано подъ опеку. Рылѣевъ просилъ о прекращеніи дѣла какъ саму княжну, такъ и ея наслѣдниковъ и въ концѣ концовъ просьба его была уважена.

Рылѣевъ въ должности засѣдателя былъ настолько справедливъ и честенъ, что получилъ даже нѣкоторую извѣстность, тѣмъ болѣе, что засѣдатели славились своимъ взяточничествомъ. Н. А. Бестужевъ передастъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ. Одинъ мѣщанинъ, взятый по какому-то важному подозрѣнію, не хотѣлъ признать себя виновнымъ во взводимомъ на него обвиненіи. Зная боязнь простонародья къ тогдашнему суду, петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ пригрозилъ ему судомъ, на что получилъ къ своему удивленію горячую благодарность. — Въ судѣ, говорилъ мѣщанинъ, засѣдаетъ Рылѣевъ, а онъ не дастъ въ обиду невиннаго.

Прослуживъ три года засѣдателемъ, борясь съ подвохами разныхъ приказныхъ, Рылѣевъ въ 1824 г. перешелъ правителемъ канцеляріи въ Россійско-американскую компанію, гдѣ своей дѣятельностью заслужилъ вскорѣ полное довѣріе и благодарность компаніи.

Сносясь съ важными сановниками по поводу переговоровъ о передачѣ колоніи Росс. основанной компаніей въ Калифорніи. Сѣверо Американскимъ штатамъ, онъ пріобрѣлъ знакомство съ Сперанскимъ и Мордвиновымъ, причемъ послѣднему посвятилъ свои „Думы“ и написалъ въ честь его оду — „Гражданское мужество“.

Съ 1823 г. Рылѣевъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ А. Бестужевымъ приступили къ изданію альманаха— „Полярной Звѣзды“, въ которомъ были помѣщены произведенія лучшихъ писателей того времени. Въ альманахѣ обратили на себя общее вниманіе также и критическіе обзоры современной литературы А. Бестужева, которые вызвали „цѣлый рядъ одобреній и осужденій и на нѣкоторое время ввели въ моду подобныя обозрѣнія, которыя были первой пробой систематической

критики и исторіи литературы“ [1]). Интересно отмѣтить, что А. Бестужевъ въ своихъ критическихъ обзорахъ высказалъ ту же мысль, которая впослѣдствіи легла въ основу „литературныхъ мечтаній“ В. Бѣлинскаго,—что у насъ нѣтъ литературы.

Въ 1825 г. Рылѣевъ и Бестужевъ сдѣлались фактическими издателями альманаха (въ 1823 и 1824 гг. дѣйствительнымъ издателемъ былъ книгопродавецъ Слѣпушкинъ) и первые стали выплачивать опредѣленный гонораръ своимъ сотрудникамъ.

Успѣхъ альманаха вполнѣ вознаградилъ труды издателей; въ 1824 г., наприм., 1500 экземпляровъ разошлись въ три недѣли.

На 1826 г. было предположено издать альманахъ въ меньшемъ объемѣ, подъ названіемъ „Звѣздочка“, но уже отпечатанные листы этого альманаха, послѣ декабрскихъ событій, были конфискованы и пропали за исключеніемъ нѣсколькихъ случайно сохранившихся листовъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1883 года.

У Рылѣева нерѣдко собирались литературные и близкіе его друзья и знакомые, причемъ бесѣда велась не на однѣ только литературныя темы, но затрагивались и общественные вопросы. У него бывали не только А. А. Бестужевъ (съ которымъ онъ и жилъ вмѣстѣ одно время), Н. и П. Бестужевы, А. О. Корниловичъ, В. К. Кюхельбекеръ, Ѳ. Глинка, О. Сомовъ, Н. Муравьевъ, С. Трубецкой и А. Одоевскій, но и извѣстный впослѣдствіи своими доносами Ѳ. В. Булгаринъ, въ то время еще не обнаружившій своихъ блестящихъ полицейскихъ способностей по вольной службѣ третьему отдѣленію, а также и его ученый другъ Н. И. Гречъ, очернившій въ своихъ запискахъ и Рылѣева, и вообще всѣхъ декабристовъ.

[1]) А. Н. Пыпинъ „Исторія русской литературы“, т. IV, стр. 407.

Я уже говорилъ, что И. И. Пущинъ въ началѣ 1823 г. принялъ Рылѣева въ Сѣверное Общество, причемъ, по разрѣшенію Верховной думы, прямо въ разрядъ убѣжденныхъ—настолько сильно было довѣріе членовъ общества къ Рылѣеву. Въ концѣ 1824 г. Рылѣевъ былъ избранъ въ думу на мѣсто уѣхавшаго въ Кіевъ кн. Трубецкого.

Съ этого времени Рылѣевъ становится фактическимъ главаремъ и руководителемъ Сѣвернаго Общества, своимъ интузіазмомъ и энергіей сплотившимъ его членовъ. Стараясь главнымъ образомъ устраивать собранія и привлекать новыхъ членовъ, онъ принялъ въ общество А. Бестужева, Каховскаго, Сутгофа, Кожевникова, Одоевскаго, Торсона (принявшаго, въ свою очередь, М. Бестужева), Н. Бестужева, Панова, В. Кюхельбекера, Завалишина, Арбузова и др.

Что же касается политической программы Рылѣева, то по этому поводу приведу слѣдующія слова одного изъ его біографовъ. Рылѣевъ, какъ и большинство другихъ членовъ общества, „желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостного права, свободы въ выборѣ занятій, равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ; но онъ подходилъ къ этимъ вопросамъ съ своей особенной, демократической точки зрѣнія, и эта демократичность его убѣжденій всего рѣзче и яснѣе выступала въ сравненіи съ мнѣніями его сотоварищей. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія на преобразовательный проектъ Никиты Муравьева, гораздо болѣе склоннаго къ аристократическимъ началамъ. Оба, напримѣръ, одинаково желали, чтобы народъ самъ избралъ себѣ представителей; но

Муравьевъ думалъ ограничить какъ самое право быть избираемымъ, такъ и право избирать установленіемъ особаго имущественнаго ценза: избираемые должно были имѣть или недвижимое имѣніе въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое въ 3000 фунтовъ, а избиратели — недвижимое въ 250 фунтовъ, а движимое въ 500 фунтовъ. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, заявляя, что „это несогласно съ законами нравственности". Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ опять проглядываетъ его демократическая жилка, и въ то время, какъ иные стояли лишь за личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, а Муравьевъ за оставленіе имъ въ собственность только домовъ и огородовъ, Рылѣевъ желалъ полнаго освобожденія съ землей, не только огородной, но и полевой. Даже самыя мелкія обстоятельства политической его дѣятельности носятъ на себѣ эту своеобразную демократическую печать. Такъ, поступивъ въ члены тайнаго общества, онъ уже предлагаетъ принимать въ него и купцовъ и мѣщанъ. Правда, это предложеніе не удалось, такъ какъ рѣшили, что „это невозможно, что наши купцы—невѣжды"; но для насъ важно уже то обстоятельство, что вездѣ и всюду Рылѣевъ являлся истиннымъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ аристократическихъ замашекъ своихъ товарищей" [1]).

Рылѣевъ, хотя и не вѣрилъ въ успѣхъ возмущенія, но въ то же время признавалъ всю необходимость для пробужденія Россіи сильнаго потрясенія, необходимость активнаго протеста противъ гнета правительства.

Въ день 14 декабря, „прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я", разсказываетъ

---

[1]) А. Сиротининъ „К. Ѳ. Рылѣевъ" („Р. Арх." 1890, 6. стр. 165, и 166).

Оболенскій: „нашелъ Рылѣева тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе; но съ тѣхъ поръ, я его уже не видалъ“ [1]).

Въ эту же ночь Рылѣевъ былъ арестованъ и отвезенъ во дворецъ для допроса лично Николаемъ. Послѣ допроса онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость и помѣщенъ въ 17 № Алексѣевскаго равелина.

Тюремная жизнь, постоянные допросы, волненія по поводу судьбы своихъ товарищей и жены сильно ослабили у Рылѣева энергію и даже поколебали его увѣренность въ справедливости и правотѣ произведеннаго декабристами движенія. Все это, въ связи съ внезапными милостями, оказанными его семьѣ Николаемъ и съ увѣренностью въ помилованіи, привели къ тому, что Рылѣевъ, желая выяснить передъ правительствомъ всю серьезность дѣятельности общества, сказалъ на допросахъ несомнѣнно больше, чѣмъ слѣдовало стойкому члену тайнаго общества [2]). И хотя онъ, желая

---

[1]) „Воспоминанія“ князя Е. П. Оболенскаго („Обществ. движ. въ Россіи“. т. I. Изд. Пирожкова, стр. 249). О роли Рылѣева въ день 14 декабря см. свидѣтельства современниковъ въ статьѣ Котляревскаго („Р. Бог.“ 1905, 7, стр. 62–64).

[2]) Довѣрчивостью и откровенностью Рылѣева хотѣли воспользоваться и до декабрскихъ событій. Такъ, въ Петербургъ пріѣхала молодая красивая вдова, якобы по дѣлу, и сильно увлекшійся ею Рылѣевъ только тогда порвалъ съ ней сношенія, когда узналъ ея чисто полицейскія цѣли. Во время же его заключенія въ крѣпости, ему было позволено переписываться съ женою и, кромѣ того, отъ государя и государыни было прислано его семьѣ въ два пріема 3000 р. И хотя ежегодное пособіе въ размѣрѣ 3000 р. шло его женѣ и послѣ его смерти (съ 1826 по 1831 г. вдовѣ Рылѣева, а, по выходѣ ея замужъ, ей до совершеннолѣтія ея дочери, которой, при выходѣ замужъ, также было оказано пособіе), но едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ М. Н. Мазаева, что эти милости были „благодаря выгодному впечатлѣнію, произведенному Рылѣевымъ, на императора

выгородить другихъ членовъ, всю вину главнымъ образомъ бралъ на себя, вомногомъ преувеличивая свое значеніе, но все же его откровенность имѣла для многихъ весьма неблагопріятные послѣдствія. Самъ Рылѣевъ такъ охарактеризовалъ свое значеніе въ декабрскомъ движеніи. „Я признаю", говорилъ онъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы: „себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го декабря: я могъ все остановить и напротивъ былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то конечно я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей" [1]). Несмотря на то, что „донесеніе", какъ я уже говорилъ, является довольно мутнымъ

Николая". (См. „Сочиненія" К. Ѳ. Рылѣева. Изд. Я. Соколова. С.-пб. 1895, стр. XV). Зачѣмъ была эта помощь семейству человѣка, обреченнаго на гибель, семейству, вовсѣ не находящемуся въ критическомъ матеріальномъ положеніи! Если же при этомъ мы припомнимъ слова Якушкина, который долго упорствовалъ въ своихъ показаніяхъ и, измученный физически и нравственно, получилъ, наконецъ, отъ жены письмо съ извѣщеніемъ о благополучномъ исходѣ у нея родовъ, — „только при появленіи моемъ въ комитетъ", говоритъ онъ: „я вполнѣ понялъ, что, доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня хотѣли поймать въ ловушку; я смотрѣлъ на всѣхъ членовъ комиссіи съ какимъ то омерзѣніемъ". („Записки", стр. 95); если сопоставимъ этотъ случай съ Якушкинымъ съ вышеописанными *„милостями"*— заключеніе напрашивается само собою. Насколько эти „милости" оказали сильное воздѣйствіе на Рылѣева, видно изъ его письма къ женѣ отъ 28 декабря 1825 г. (См „Сочиненія и переписка" К. Ѳ. Рылѣева. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. С.-пб. 1874, стр. 265). „Молись Богу за императорскій домъ", пишетъ онъ въ немъ женѣ. „Я могъ заблуждаться, могу и впредь, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ". Что же касается раскаянія Рылѣева въ своихъ „заблужденіяхъ", то, несмотря на протесты Огарева („Разборъ книги бар. Корфа", стр. 121) раскаяніе это нужно признать за несомнѣнный фактъ. Это видно не только изъ „донесенія" и изъ чернового письма, написаннаго Рылѣевымъ государю около 21 іюня 1826 г., но и изъ его письма къ женѣ отъ 13 марта 1826 г. (См. „сочиненія" подъ ред. Ефремова, стр. 261 и 274).

[1]) См. „Донесеніе" („Всем. Вѣст." 1905, 4 стр. 55).

источникомъ, но въ данномъ случаѣ приходится ему вѣрить, принимая во вниманіе нѣкоторыя письма Рылѣева изъ крѣпости.

И это вліяніе на событія 14 декабря, а слѣдовательно, и на членовъ Сѣвернаго общества пріобрѣлъ Рылѣевъ исключительно въ силу своихъ высокихъ душевныхъ качествъ. Его прямота, энергія и энтузіазмъ, горячая любовь къ родинѣ и искреннее желаніе пробудить Россію отъ состоянія рабскаго равновѣсія,— все это выдвинуло его на первый планъ, какъ главнаго руководителя декабристовъ, своею смертью запечатлѣвшаго свои политическіе идеалы и стремленія.

Для болѣе нагляднаго выясненія личности Рылѣева, приведу отзывы о немъ нѣкоторыхъ современниковъ.

„Роста онъ былъ средняго. Черты лица его составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черны, слегка завитые, глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, выражаясь въ вдохновенной пѣснѣ, когда приходила минута вдохновенія, въ другія времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности“ [1]).

Разсказывая о „шумномъ и бурливомъ“ совѣщаніи, происходившемъ наканунѣ 14 декабря въ квартирѣ Рылѣева, М. А. Бестужевъ говоритъ: „зато, какъ прекраснъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему,—на лю-

[1]) „Воспоминанія“ кн. Е. Оболенскаго („Обществ. движ. въ Россіи“, т I. Изд. Пирожкова, стр. 234).

бовь къ родинѣ,—физіономія его оживлялась, черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться имъ“ [1]).

Особенно характерный отзывъ о Рылѣевѣ сдѣланъ А. В. Никитенко, который, благодаря Рылѣеву, освободился отъ крѣпостной зависимости и получилъ свободу отъ своего владѣльца графа Шереметьева. „Я не зналъ“, говоритъ Никитенко: „другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Онъ съ перваго взгляда всселялъ обаяніе. Стоило взглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ отдаться ему. Въ первое же посѣщеніе я испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты“ [2]).

Надо отмѣтить еще одну особенность въ личности Рылѣева, привлекавшую къ нему также любовь многихъ, именно, его, выражаясь словами одного его біографа, „пылкость въ дружбѣ“ [3]). Помогая своимъ друзьямъ и особенно Каховскому и Пущину [4]), онъ чутко относился не только къ личнымъ обидамъ, но и къ оскорбленіямъ, нанесеннымъ его друзьямъ.

Такъ, онъ стрѣлялся безъ барьера съ юнымъ княземъ Шаховскимъ, оскорбившимъ его побочную сестру, при чемъ принудилъ принять вызовъ уклонявшагося отъ

---

[1]) Шильдеръ „Императоръ Николай I“, т. I, стр. 278.

[2]) См. „Сочиненія“ К. Ѳ. Рылѣева. Изд. Соколова. Спб. 1895 г. стр. XVII.

[3]) См. „Стихотворенія“ К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ 1862, стр. IX.

[4]) Приведу еще отрывокъ изъ письма Рылѣева отъ 20 апрѣля 1826 г., въ которомъ ясно обрисовывается его благородный и безкорыстный характеръ. Напоминая въ немъ женѣ о долгѣ И. И. Пущина (около 1500 р.) и говоря, что объ этомъ долгѣ знаетъ и его отецъ, Рылѣевъ прибавляетъ—„имѣй это въ виду, но сама не посылай за долгомъ. Пришлютъ—хорошо; нѣтъ—что дѣлать! Къ тому же я давалъ Пущину, какъ другу, и не напоминалъ о томъ и прежде, а теперь напомнить грѣшно“.

дуэли Шаховского, плюнувъ ему въ лицо. Онъ же былъ секундантомъ на дуэли поручика Чернова съ флигель-адъютантомъ Новосильцовымъ, изложивъ въ особой запискѣ обстоятельства, вызвавшія эту кончившуюся смертью для обоихъ противниковъ дуэль и написавъ звучное стихотвореніе „На смерть Чернова", у котораго онъ и былъ секундантомъ.

Нѣкто Фонъ-Дервизъ оскорбилъ мать А. Бестужева и уклонялся отъ дуэли. Тогда Рылѣевъ, при встрѣчѣ съ Фонъ-Дервизомъ, на отказъ послѣдняго дать удовлетвореніе Бестужеву, въ первый разъ плюнулъ ему въ лицо, во второй—вырвалъ у него хлыстъ и публично отстегалъ его.

Вообще же личность Рылѣева прекрасно обрисовывается въ слѣдующихъ словахъ Котляревскаго: „каковы бы ни были недостатки Рылѣева, какъ политическаго мыслителя и практика, какъ судьи своего времени, какъ вождя и оратора, наконецъ, какъ сентиментальнаго мечтателя въ минуту пораженія, — общій рыцарскій характеръ его, какъ дѣятеля и человѣка, стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній и признанъ даже строгими судьями. Въ этомъ характерѣ было, безспорно, много донкихотства, но въ самомъ возвышенномъ, трагическомъ и гуманномъ смыслѣ"[1]).

Разсматривая вопросъ о силѣ поэтическаго дарованія въ творчествѣ Рылѣева, приходится признать, что онъ стоитъ ниже Пушкина, котораго не только ставилъ очень высоко, называя чудотворцемъ, чародѣемъ, милой сиреной и т. п., но и считалъ своимъ „учителемъ въ языкѣ стихотворномъ"; но при этомъ не нужно забывать, что литературно-поэтическая дѣятельность Ры-

---

[1]) Котляревскій „Литературн. дѣятельн. декабристовъ". („Р. Бог." 1905, 7, стр. 81).

лѣева обнимаетъ очень незначительный періодъ времени – всего 5 лѣтъ, въ которыя талантъ его не могъ, конечно, вполнѣ развиться, окрѣпнуть и вылиться въ окончательныя формы[1]). Что вышло бы изъ Рылѣева, какъ поэта, если бы трагическая смерть не прекратила преждевременно его многообѣщающей жизни, — мы не знаемъ.

Впрочемъ, и самъ Рылѣевъ считалъ себя больше гражданиномъ, чѣмъ поэтомъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, въ поэмѣ „Войнаровскій“, въ концѣ посвященія А. А. Бестужеву, Рылѣевъ говоритъ:

Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства—
За то найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Что же касается отношеній Пушкина къ Рылѣеву, то, находя большіе недостатки въ поэзіи послѣдняго и особенно въ „Думахъ“, которыя Пушкинъ въ шутку производилъ отъ нѣмецкаго „dumm“, онъ въ то же время считалъ, напр., „Войнаровскаго“ — „нужнымъ для нашей словесности“ и въ одномъ письмѣ къ Бестужеву отъ 21 марта 1825 г. говоритъ: „откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, *но онъ идетъ своей дорогой*. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что

[1]) Первое стихотвореніе „Къ Временьщику“ было напечатано, какъ мы видѣли въ 1820 г. Что же касается тѣхъ немногихъ стихотвореній, которыя Рылѣевъ писалъ въ крѣпости, то они, конечно, не являются плодомъ свободнаго поэтическаго вдохновенія и въ большинствѣ случаевъ отражаютъ въ себѣ подавленное душевное состояніе поэта, стремившагося найти покой и утѣшеніе въ религіозныхъ размышленіяхъ.

не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его знаетъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!“ [1])

Отзываясь подчасъ очень сурово о произведеніяхъ Рылѣева, Пушкинъ находилъ въ его поэзіи „палача съ засученными рукавами“, за котораго онъ „дорого бы далъ“ и котораго такъ не хватало поэзіи Пушкина. Конечно, Пушкинъ не опасался и не могъ опасаться Рылѣева, только какъ поэта, потому что въ этомъ отношеніи стоялъ много выше его, но вполнѣ вѣрно его замѣчаніе, что Рылѣевъ „идетъ своей дорогой“.

Рылѣевъ, несомнѣнно, является провозвѣстникомъ той гражданской поэзіи, которая, въ лицѣ Некрасова, нашла такого талантливаго своего представителя.

„Будь поэтъ и гражданинъ“, писалъ онъ Пушкину (въ ноябрѣ 1825 г.), который говорилъ, что тотъ, кто хочетъ „гражданствовать“,—пусть пишетъ прозой, забывая, что раньше и „самъ онъ гражданствовалъ въ стихахъ“ [2]). И какъ поэтъ-гражданинъ, воспѣвающій политическую свободу Рылѣевъ стоитъ гораздо выше Пушкина, который постепенно сталъ не только обнаруживать „недоброжелательство къ новому движенію, къ новымъ идеямъ, которыя проникали къ намъ изъ Европы“ [3]), но подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ не только не былъ поэтомъ-гражданиномъ, но во многихъ случаяхъ и просто гражданиномъ [4]).

---

[1]) См. „Сочиненія“ А. С. Пушкина. Изд. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1887 г. VII, стр. 117.

[2]) Пыпинъ „Исторія русской литературы“, т. IV, стр. 404.

[3]) И. И. Панаевъ „Литературныя воспоминанія,“ (Цитировано по книгѣ В. Богучарскаго „Изъ прошлаго русскаго общества“, стр. 66).

[4]) Въ этомъ отношеніи интересно прослѣдить „дѣло“ третьяго отдѣленія о Пушкинѣ за № 62 (Прилож. къ „Всемір. Вѣстн.“ за 1905 г.) и Пушкинскій проектъ о „народномъ воспитаніи“ (см. вышеуказан-

Въ заключеніе этого очерка приведу слова Рылѣева, сказанныя имъ въ статьѣ — „Нѣсколько мыслей о поэзіи“. „Употребимъ всѣ усилія“, говоритъ онъ тамъ: „осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда недовольно ему извѣстныхъ“, и онъ не только осуществлялъ это „въ своихъ писаніяхъ“, но и всю свою жизнь стремился къ осуществленію „идеаловъ высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ“.

ное „дѣло“, стр. 34), гдѣ Пушкинъ между прочимъ совѣтуетъ ввести въ кадетскіе корпуса полицію „изъ лучшихъ воспитанниковъ“. Проектъ былъ написанъ въ 1826 г. Въ этомъ же году появились и смутившіе даже друзей поэта „стансы“, гдѣ Николай сравнивается съ Петромъ первымъ, а декабристы — съ буйными стрѣльцами. Въ своемъ оправдательномъ посланіи „друзьямъ“ (1828 г.) Пушкинъ вполнѣ опредѣленно говоритъ о причинахъ своихъ хвалебныхъ гимновъ Николаю, очевидно, совершенно позабывъ о своихъ злыхъ эпиграммахъ по его адресу. (См. эти эпиграммы въ „Стихотвореніяхъ“ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій. Берлинъ, 1861 г., стр. 93).

Въ посланіи къ „друзьямъ“ онъ говоритъ:

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Несомнѣнно, эти чисто личные мотивы не могутъ оправдать „стансовъ“ Пушкина особенно, если принять во вниманіе, что многихъ декабристовъ онъ не только любилъ, но и продолжалъ интересоваться ихъ судьбою.

Рылѣеву.

Люби и пой, товарищъ мой,
Богатой юности былое,
На полѣ чести славный бой,
Любви побѣды надъ собой
И все для сердца дорогое.
Ты помнишь первый нашъ бивакъ
Подъ свѣтлымъ заревомъ, въ дубравѣ,
И къ первой битвѣ данный знакъ
И мысль неопытныхъ о славѣ;
И жизнь, въ обманчивой красѣ,
Ея мишурныя игрушки,
Минуты радостныя всѣ
И образъ маленькой пастушки;
Ты помнишь мѣсто—въ первый разъ
Куда волшебница являлась,
И гдѣ душа воспламенялась
Огнемъ ея прелестныхъ глазъ.
Пусть измѣнитъ любовь и время,
И умъ и память отлетятъ:
Влача безжизненное бремя,
Ты будешь все еще богатъ...

Опѣ пойдутъ съ тобой до гроба—
Твои прекрасныя мечты,
И вы умрете вмѣстѣ оба—
Воспоминанія и—ты.

1824 г.

Н. Коншинъ.

Стихотворенія

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА

ДУМЫ.

Вадимъ.

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ
И на Новгородъ съ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

(Страсти пылкія рисуются
На челѣ его младомъ;
Персп юныя волнуются
И глаза блестятъ огнемъ).

Громъ гремитъ; змѣей огнистою
Сумракъ молнія сѣчетъ;
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещетъ и реветъ.

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ,
Хладенъ, крѣпокъ витязь пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ!

Не смотря на хладъ убійственный
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

„До какого насъ безславія
„Довели вражды граждапъ!
„Насылаетъ Скандинавія
„Властелиновъ для славянъ!...

„Грозенъ князь самовластительный!
„Но наступитъ мракъ почной;
„И настанетъ часъ рѣшительный,
„Часъ для гражданъ роковой!...
. . . . . .

Мстиславъ удалый.

(Посвящается Ѳ. В. Булгарину).

Какъ тучи съ горъ текли косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Степалъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;

Ужъ храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редѣдя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталъ, какъ сосна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

„Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!“

— „Готовъ!“ князь русскій восклицаетъ—
И грозный сталъ передъ бойцомъ;
Съ коня — и на курганъ взлетаетъ
Удалый ясным соколомъ.
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь, и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... Колеблется курганъ...

Стоятъ—и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крутятся... Прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ...
Храпятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ;

Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба косога:
„О, помоги, Всевышній намъ!“
И вотъ князья, напрягши силы,
Другъ друга ломятъ, льется потъ...
На нихъ, какъ верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей, и тотъ...

Глаза, наливши кровью, блещутъ,
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ—Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ... Конецъ борьбѣ...
„Святая Дѣва!“ восклицаетъ:
„Я храмъ сооружу тебѣ!“

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной—
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ—и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

Михаилъ Тверской.

(Посвящ. Ѳ. В. Булгарину).

За Узбекомъ вслѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вступилъ.
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
Изъ-за синихъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
На степи, въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою;
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
„Это князь былъ!“ говорили
И качали головой:

„Онъ обширными странами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
Онъ съ отважными полками
Кавгадыя поражалъ!“

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу—и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.
„До какого униженья,“
Онъ мечталъ, потупя взоръ:
„Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!

„Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
И предъ ханомъ пали въ прахъ!..
Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую—
Распри злобныя князей.

„О, Георгій, ты виною,
Ты одинъ всему виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И татаръ толпы навлекъ!

„Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть,
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!

Такъ, правъ чести не нарушу!
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной!

„Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ встрѣчался съ ней.
Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ
И Узбека грозный мечъ!“

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ,
И спокойный, но угрюмый,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ.
Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ иконою святою
Михаилъ псаломъ читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій вбѣжалъ...

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...

Ворвался — и напали...
Какъ гроза въ глухой ночи,
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь изъ язвъ лилась струею...
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.
Князь скончался жертвой мщенья!
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
Церковь празднуетъ святымъ.

Димитрій Донской.

„Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу
И заодно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

„Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.

Туда—за Донъ!... Настало время!
Надежда наша—Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и, какъ бремя,
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ!“

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И, въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
„Къ врагамъ! За Донъ!“ вскричали войски:
„За вольность, правду и законъ!“
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ кинулися въ Донъ.

Несутся, полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ, какъ соколы,—и стяги
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несмѣтные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши блестятъ,
Идутъ, какъ мрачныя дубравы,
И вторятъ степи гулъ глухой.
Идутъ... Тамъ ханъ, здѣсь чада славы—
И закипѣлъ кровавый бой.

„Богъ намъ прибѣжище и сила!“
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
„Умремъ, когда судьба судила!“
И первый грянулъ на враговъ.

Кровь хлынула, и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли,
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагро́вѣлъ долъ:
Тамъ русскій пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный монголъ;
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И го̀ловы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
Лежитъ, низвергнувъ великана,
Отважный инокъ Пересвѣтъ;
Тамъ Бѣлозерскій князь и чада,
Достойныя его любви,
И о́крестъ ихъ татаръ громада,
Въ своей потопшая крови,

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ;
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;
Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались... Отъ кургана
Промчалось: „Силенъ русскій Богъ!“
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!...

Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.

Но кто тамъ блѣденъ, близь дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... „Первоначальникъ славы“,*
Димитрій раненъ... Страшный видъ!...
Уже-ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ: „Ты побѣдилъ, возстань!“
И князь, воздѣвши къ небу длани:
„Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ!“ речетъ: „къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Ему вся слава грозной битвы!
Опъ, опъ одинъ прославилъ насъ!“

---

*) Выраженіе лѣтописца.

Глинскій.

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть, гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая бродилъ,—
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью чело
Спадали кудрями, вiясь въ безпорядкѣ;
Страданье на Глинскомъ бразды провело...
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва, отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ призрѣла
И блага всѣ въ жертву она для отца.

Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

„О, долго ли будешь, стоная, лить слезы?
Рекла она нѣжно: „печали забудь!
Быть можетъ, расторгнешь сіи ты желѣзы:
Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши“.

„На лонѣ отчизны!“ воскликнулъ измѣнникъ:
„Не мнѣ утѣшаться надеждою сей;
Страшась угрызеній, степающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ о ней.
Могу ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

„Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ,
Богатство, познанья, порода, отвага—
Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.
Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ...
Вдругъ по́днялись тучей на Польшу сосѣды—
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

„Монгольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ,
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;

И въ пепелъ деревни и пышные грады;
И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

„Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
Достигъ—и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины;
Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины—
И гордый монголъ побѣжалъ.

„Боролся съ кончиной властитель державный;
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ;
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
Чело Александра веселость покрыла:
„Когда торжествуетъ родная страна,—
Онъ рекъ предстоящимъ: „тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!“

„Спмъ подвигомъ славнымъ чрезъ мѣру надменный,
Не могъ укротить я волненья страстей—
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ онъ—и други мнѣ стали врагами,
И преданъ душою лишь мести одной,
Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
Въ отчизну свирѣпой войной.

„О, мука! О, совѣсть—тиранъ неотступный!..
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца—изъ длани преступной
Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!

Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душой москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ сограждàнъ!..

„Бой конченъ; и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Растерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручинѣ;
И брызнули слёзы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

„Но геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ;
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу, и старость мою;
И дядю царицы, опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

„Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую, угрюмый, въ тоскѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ;
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ;
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

„О, дочь моя, скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли!
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!

Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

„Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

„Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано иль поздно—измѣнѣ взгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья
И совѣсть отъ сна пробудятъ!“

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою...
Вдругъ стонъ по темницѣ—и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою,
И холодъ кончины его оковалъ...
Такъ Глинскій—мужъ Думы и пламенный воинъ—
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

Смерть Ермака.

Свѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ стрѣлѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
„О, спите, спите,“ мнилъ герой:
„Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущій!

„Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая,

„Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны?...
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы—не праздно въ мірѣ жили!“

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безперерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышь кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ...

Плыветъ... Ужъ близко челнока;
Но сила року уступила,
И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь—даръ царя—
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Богданъ Хмѣльницкій.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ полдень проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ,
Въ цѣпяхъ, и грозный, и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
„Такъ, такъ“! онъ думалъ: „часъ настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ!

„Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушитъ цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

„Покроетъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій, трепещи, злодѣй!

„За кровь пролитую, за слезы
И жепъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все—и за сіи желѣзы
Тебя мое отмщенье ждетъ!
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы, въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача!

„И долго, можетъ быть, степая
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ“!
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена,
И входитъ, потупляя взоры,
Младая робкая жена.
„Кто ты“? Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ:
„Оковы ль спять?.. О, часъ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

„Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ“?
„О, нѣтъ“! привѣтно произноситъ:
„Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ“.

„Жена Чаплицкаго“!—„Мученье
И вмѣстѣ мужество твое
Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила—и пылала
Изъ стихъ оковъ тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой“!—„Я твой“!—„Прими свой мечъ“!

„Мой мечъ“! Хмѣльницкій восклицаетъ:
„Живъ Богъ!—и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей“!
Сребрила долъ царица ночи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣпивъ удила, у рощи
Нетерпѣливый конь стоялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ—и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся казаковъ.
„Друзья“! онъ къ храбрымъ восклицаетъ:
„За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

„Самъ Богъ поборникъ угнетеннымъ!
Вожди—рѣшительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья“!
И вотъ сошлися два народа:
И съ яростью вступили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сарматъ, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще, разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.
Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ.
И чтя посломъ небесъ желаннымъ,
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя—„Богомъ данным“
Народа общій гласъ назвалъ.

Артемонъ Матвѣевъ.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Боярин Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ двора
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

„Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылка, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

„Для блага сограждáнъ моихъ
Усилія мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный.
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Средн моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій.

„Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовыя.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.

„Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю:
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

„На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь, внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!
Меня ты въ ссылку осудилъ
За то-ль, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О, царь, простилъ, какъ человѣка.

„Близь трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство.
Увы, его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ“.

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя—
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

Волынскій.

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій безъ боязни.

„Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Не отразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... Но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!

„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

„Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

„Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ прожитъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи —
Онъ на него, какъ хищный врагъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...

„И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И опъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

„Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!“
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душою чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бпро́номъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ тропомъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго, вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ—
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Приникъ—и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: „За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ:
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!“

Въ его очахъ при мысли сей
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ... Увидѣлъ палача—
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча—
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества! Въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирона.
Отецъ семейства, приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ—
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью...

Видѣніе императрицы Анны.

Свершилась казнь—и образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ—
Вѣнецъ прекрасный и нетлѣнный.
Волынскій твердъ былъ до конца;
Не устрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ—глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота.
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику—
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой:
Какъ будто камень, залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь,
И стала спа она чуждаться:
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться...

Однажды пиръ шумѣлъ въ дворцѣ;
Гремѣла музыка на хорахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоенiе во взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена,
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица въ тронную одна
Ушла украдкою отъ шума.

Увы, и радость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить хотя ошибкой.
„О, гдѣ найду душѣ покой?“
Она въ раздумьи возопила,
И опершись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

„И въ шумѣ пиршествъ, и въ тиши
Меня раскаянье терзаетъ:
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!...“
„Онъ здѣсь!“—внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ...
Въ царицѣ трепетъ пробѣжалъ,
И дыбомъ приподнялся волосъ!...

Она взглянула: передъ ней
Глава Волынскаго лежала
И на нее изъ-подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла.
Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
Уста раскрытыя трепещутъ;
Какъ огнь болотный въ ночь горитъ,
Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

Кругомъ главы во тьмѣ почной
Какой-то чудный свѣтъ сіяетъ,
И каплющая кровь порой
Помостъ чертога обагряетъ...
Рисуетъ каждая черта
Страдальца славнаго отчизны...
Вдругъ посинѣлыя уста
Залепетали укоризны:

„Что медлишь ты?... Давно я жду
Тебя къ Творцу на судъ священный,
Гдѣ каждый воспріиметъ мзду:
Равны тамъ рабъ и царь надменный!..“
Окончивъ грозныя слова,
По-прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ царицу трепетную очи...

Громъ музыки звучалъ еще,
Веселіемъ оживлялись лица;
Всѣ ждали Анну—по вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шумъ затихъ;
Лишь тайный шопотъ всюду бродитъ,
И каждый, глядя на другихъ,
Изъ залы сумрачный выходитъ.

ПОЭМЫ.

Войнаровскій.

.....Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria..... .....

Dante.

А. А. Бестужеву.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ...
Повязка съ глазъ моихъ упала;

Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.
Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства—
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Жизнеописаніе Мазепы[1]).

Мазепа принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ россійской исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно только, что онъ провелъ молодость свою при варшавскомъ дворѣ, находился пажемъ у короля Іоанна Казимира и тамъ образовался среди отборнаго польскаго юношества. Несчастныя обстоятельства, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ совѣтникомъ Дорошенки, который, подъ покровительствомъ Польши, правилъ землями, лежащими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій дворъ рѣшился присоединить въ то время сіи страны къ своей державѣ. Мазепа, попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны съ Дорошенкомъ, совѣтами противъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и остался въ службѣ у Самойловича, гетмана

---

[1]) Можетъ быть, читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе?... Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала—и провидѣніе наказало измѣнника.

Малороссійской Украины. Самойловичъ, замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и пронырство, увлеченный его краснорѣчіемъ, употреблялъ его въ переговорахъ съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, съ крымскимъ ханомъ и съ поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами царскаго двора и послѣ неудачнаго похода любимца Софіи князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ, въ 1687 году, чтобы отклонить отвѣтственность отъ сего вельможи, онъ приписалъ неуспѣхъ сей войны благодѣтелю своему, Самойловичу, отправилъ о семъ доносъ къ царямъ Іоанну и Петру и въ награду за сей поступокъ былъ, по происканъ Голицына, возведенъ въ званіе гетмана обѣихъ Украинъ.

Между тѣмъ, война съ крымцами не уставала: походъ 1688 года былъ еще неудачнѣе прошлогодняго; здѣсь въ то время произошла перемѣна въ правленіи. Владычество Софіи и ея любимца кончилось, и власть перешла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь раздѣлить несчастную участь съ вельможею, которому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, рѣшился объявить себя на сторонѣ юнаго государя, обвинилъ Голицына въ лихоимствѣ и остался гетманомъ.

Утвержденный въ семъ достоинствѣ, Мазепа всячески старался снискать благоволеніе россійскаго монарха. Онъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ; во время путешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ разорвать миръ съ шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія, и въ 1701 году, когда буджацкіе и бѣлгородскіе татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство, согласно съ древними обычаями казаковъ: „прежнія казацкія обыкновенія миновались“, отвѣчалъ онъ депутатамъ: „гетманы ничего не дѣлаютъ безъ повелѣнія государя“. Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи; просилъ, чтобъ доставили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ шведовъ, и въ 1704 году, послѣ похода въ Галицію, жаловался, что король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не далъ ему способовъ къ оказанію важныхъ услугъ русскому царю. Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить, какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: „никогда не отторгнусь отъ службы премилостивѣйшаго моего государя“. Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ довѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями - преклониться на его сторону, но послѣдній отсылалъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ;

въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи. Подъ предлогомъ, что казаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлогоднихъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ войско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и сталъ укрѣплять Батуринъ; самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣсколько дней сряду, не могъ ни ходить, ни стоять, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ притворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя пересылки съ шведскимъ королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и избавленіи его отъ ига русскихъ, и въ то же время писалъ къ графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакія прелести не могутъ отторгнуть его отъ высокодержавной руки царя русскаго и поколебать недвижимой его вѣрности. Между тѣмъ, шведы были разбиты при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ гетману слѣдовать къ Кіеву и съ той стороны напасть на непріятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны. Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались. 22 октября 1708 г. писалъ онъ еще къ графу Головкину: что онъ не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ, въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? Ненависть ли его къ русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ, во время его пребыванія при польскомъ дворѣ? Любовная ли связь съ одною изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ? Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ казакамъ, клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобъ его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ гетману усилилась съ 1704 года, послѣ того какъ сей послѣдній, во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепѣ; узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть, движимый усердіемъ къ царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ полтавскимъ полковникомъ Искрою, они отправили доносъ свой въ Москву, а вскорѣ потомъ и сами туда явились, но двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы и шестьдесятъ четыре года жизни отдаляли отъ него всякое подозрѣніе. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велѣлъ отослать ихъ въ Малороссію, гдѣ сіи несчастные, показавъ подъ пыткою, что ихъ показанія ложны, были казнены 14 іюля 1708 года въ Борщаговкѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви.

А. Корниловичъ.

Жизнеописаніе Войнаровскаго.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина; а въ 1707 г. мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньшикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украйну, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности; разсказы Войнаровскаго остались въ тупѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго наждателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и приключеніе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крым-

скому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго коронным воеводою царства польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскій, потерявъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоинства, отклонилъ отъ себя беззаботное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица-де-Саксъ. Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 24000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ, по требованію россійскаго резидента Беттахера. Однакожъ, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго отдаться милости Петра I продала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ — неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не вѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меньшиковымъ; наконецъ ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ, [1]) если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. Бестужевъ.

---

[1]) Въ Вѣнѣ называли его графомъ.

Войнаровскій.

Поэма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ъ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ [1] бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,

Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалый;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придетъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынный,
Неся богатый свой ясакъ, [2]
Лѣсной тунгузъ и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ

Подъ часъ спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ страшъ Днѣпра казакъ проворный
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

„О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгаанику не обнимать!

„Горитъ напрасно пламень пылкій...
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

„О, край родной! Поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгаанику не обнимать"!

Сказалъ—пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; [3] смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело клейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ [4] предъ бурей мрачнымъ днемъ...
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи,
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ [5] славный;
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,

Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлеченъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Капгалàцкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климàтъ жестокій и суровый,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гналъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга

Олень несется быстроногій,
Закинувъ на̀ спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ!.. Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавлённый упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахо̀ю [6] черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ, [7]
Охотникъ ловкій и проворный...
То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылый—
Все душу странника страшило.
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
„Кто бъ ни былъ ты“, онъ такъ сказалъ,
„Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?“
— „Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ-ли до̀ ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;

Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки [8] скудной:
Пойдемъ: тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной".

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокій, и унылый,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли; и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливый;
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы [9] длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близь двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ, и недвижимъ...

Вотъ, вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ [10] засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,

Заводитъ странникъ любопытный
Съ нимъ о Сибири разговоръ...
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
Ихъ рѣчь живѣе и живѣй
И вдругъ нечаянно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое-жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ тоскою
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали;
Они другъ друга понимали--
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ, и сонъ отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

„Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?“
Такъ незнакомецъ продолжалъ:
„Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь
И несчастливцу не измѣнишь...

„Дивись же, странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой—
Узнай—сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ, съ тоской глубокой...
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу какъ остовъ, очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ

Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида;
Ихъ жалость о судьбѣ моей—
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...

„Къ чему напрасное моленье!
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться-ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ, можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы

Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею сусты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты...

„Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ [11] вслѣдъ,
Съ ватагой, [12] храбрыхъ гайдамаковъ [13],
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, копи быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ, и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна. [14]
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ,
Дружины грозныя громили,
Селенія и грады—въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

„Однажды, увлеченъ отвагой,
Я, съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ,
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до̀ ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ,
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ, и трясутся...
Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ;
Враги все болѣ насъ стѣсняли,
И наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
И раненный, и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

„Ужъ Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужъ хутора [15] вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ [16] я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близь границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

„Одинъ, вблизи степной могилы, [17]
Съ копемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

„Все было тихо... Лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоптъ
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

„О, незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ.
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи

И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежный
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ
Въ моей казачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокій.
Въ часы безсонницы моей
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасный взоръ бродилъ. .
И я казачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь;
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душой, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.

Недолго мы любовь таили;
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.

„Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ казачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батурінъ насъ перемашилъ.

„Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось.
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

„Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу—и слышу: „Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но наперед завѣрь меня,
Что ты, при случаѣ, себя
Не пожалѣешь за Украйну“.
— „Готовъ всѣ жертвы я принесть“,
Воскликнулъ я, „страпѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой,
Себѣ одну оставлю честь“.—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:
„Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной страпѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ „нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу,

Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылаю местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ —
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!..
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждетъ, иль попошенье.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!"

„Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепѣ предался я слѣпо,
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,

Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой;
Но, ахъ, вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною...
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ иль съ славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;

Умру я—и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы;
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ:
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокій ударялъ.
Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ...

„Видалъ ли ты, когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,

Шумя, въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

„Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ.

„Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ—
И мы отчизну погубили!
Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

„Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,

Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

„Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая;
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ,
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу, открывался мнѣ:

„О, какъ невѣрны наши блага!
О, какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ!
Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Свободу, славу и покой...
Но мнѣ ли духомъ унижаться?
Не буду рока я рабомъ!
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться.
Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,

Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я—мы оба правы:
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей“.—

„Замолкнулъ онъ... Глаза сверкали...
Дивился я его уму.
Дрова, треща, ужъ догорали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотяся, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
„Что новаго въ странѣ родной?“
— „Я изъ Батурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
Народъ Петра благословлялъ
И, радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ.
Тебя жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду...
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань, и поношенье!“

„Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,

Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ—
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

„Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Ушѣли мы передъ собой!

„Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.

„Быть можетъ—думалъ я, рыдая—
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая!..“

Увы, предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ*),
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрый,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

„Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,

*) Карлъ XII.

Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!..“

„То въ ужасѣ порой съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
„Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ...
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Тамъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
Мазепа проклятъ въ родъ и родъ
Онъ погубить хотѣлъ народъ!“

„То, трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь,
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

„Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку...

Къ нему я бросился, взялъ руку:
Увы, она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
„О, Петръ! О, родина“!—воскликнулъ.
Но съ нимъ въ страдальцѣ замеръ гласъ;
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ
И вздохъ послѣдній испустилъ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...

„День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О, странникъ! Всѣ предузнавали,
Что мы съ Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы, послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокій овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы;
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,

Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

„Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ—
Разсѣять мракъ своей печали.
Но, ахъ, напрасно! Рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился;
Я схваченъ былъ толпой враговъ—
И въ вѣчной ссылкѣ очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ...

„Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

„Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ— врага, иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу-ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутный
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютный,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,

Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала

„Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня,
И свирѣпѣлъ морозъ жестокій,
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку былъ виденъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахóй убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... И что же?.. Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..

„Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!

Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

„И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

„Ахъ, говоритъ ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

„Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней!..
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ...

„Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ, недолго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,

Съ весной, примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ...
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасный!

„Мой другъ“! сказала мнѣ она:
„Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна!
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, такъ! Мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать“...
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей,
И наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,

Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной безотрадной!

„Могильный, грустный холмъ ея
Близь юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я порою
На немъ въ безмолвіи сижу
И чудотворную мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Все воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

„О, странникъ! Память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.

„Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милый!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной

Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить...
. . . . . .
. . . . . .
„Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны —
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;

Мнѣ бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода"!..

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою

Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой партѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокій и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

„Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимые края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенье земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной,
И мирный домъ твоихъ отцовъ“!
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтный
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ;
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
„Все въ запустѣньи! мыслитъ странникъ:
Куда жъ сокрылся ты, изгнанникъ“?
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ—
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,

Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины;
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Примѣчанія къ Войнаровскому.

1. Юрта—жилище дикихъ сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестяныя, иногда войлочныя и кожаныя.

2. Ясакъ—подать мѣхами, собираемая съ сибирскихъ народовъ.

3. Варнакъ—преступникъ, публично наказанный и заклейменный.

4. Байкалъ—Святое море или озеро, справедливѣе Ангарскій провалъ, лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° сѣверной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры, безпрерывныя жестокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ, бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣтръ неожиданно и мгновенно перемѣняется, начинается буря, и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣютъ, пѣнятся, ревутъ, и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

5. „Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славный.

Миллеръ—Россійскій исторіографъ Герхардъ Фридрихъ Миллеръ родился 7 октября 1705 г. въ Вестфаліи. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ ректоромъ Герфордской гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу разсказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о грекахъ и римлянахъ, съ жадностью читалъ жизни великихъ мужей древности, и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 г. черезъ Герфордъ, двѣнадцатилѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобы имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17-мъ году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ довершилъ свое

воспитаніе подъ руководствомъ Готшеда, въ свое время учешѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зная, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ академію; и чтобъ достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, соотвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искусствъ. Санктпетербургская академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ россіянъ, которые въ свою очередь должны были сообщать пріобрѣтенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, котораго благотворные лучи должны были распространиться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюментросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнялись: академія открыла свои засѣданія 16 декабря 1725 г., и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ латинскаго языка, географіи и исторіи въ верхнемъ классѣ академической гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности и точное исполненіе порученной ему секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части „Комментаріевъ“, заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ профессоры исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ академіи.

Скорое его возвышеніе посеяло зависть въ людяхъ, которые хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе краи и во время своего путешествія имѣлъ случай оказать услугу академіи, пріобрѣтши для нея новаго члена, ученаго, оріенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему азіатскому минц-кабинету при петербургской академіи наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время петербургская академія наукъ предприняла достопамятныя ея труды. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль-де-ла-Кроеръ отправленъ былъ для астрономическихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на географію, древности и исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ февралѣ 1733 года, продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи черемисовъ и вотяковъ и простые нравы телеутовъ, тунгузовъ и якутовъ. Довольно если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности каждой страны, составлялъ историческія и географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для русской исторіи, срисовывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ

кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, которыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣе Якутска и больной возвратился въ Петербургъ въ 1743 г. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственныя. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ былъ президентомъ академіи Шумахеръ, человѣкъ познаній ограниченныхъ, не прощавшій Миллеру его достоинствъ: посредственность ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистью смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе возненавидѣлъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды одни непріятности. Онъ не оспаривалъ у другихъ права ползать передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ, измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ непріятелей. Таубертъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ не терпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣритъ ли этому потомство, диссертацію о началѣ русскаго народа, которую онъ напечаталъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи академіи 5 го сентября 1743 г., въ день именинъ императрицы, запретили потому только, что исторіографъ утверждалъ въ ней, будто Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Несмотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ и движимый любовію къ общей пользѣ, былъ неусыпенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей, которыхъ отзывы не доходили до его кабинета. По званію россійскаго исторіографа, въ 1747 г. занимался онъ составленіемъ сибирской и разными изслѣдованіями по части россійской исторіи и географіи, составлялъ родословныя таблицы россійскихъ великихъ князей, исправлялъ должность конференцъ-секретаря при академіи и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По просьбѣ Ив. Ив. Бецкаго, назначенъ онъ былъ въ 1763 г. директоромъ московскаго воспитательнаго дома, а въ 1766 году, по представленію графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, опредѣленъ въ начальники московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ суткамъ проводилъ въ семъ хранилищѣ отечественныхъ хартій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для россійской исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще великою княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призывала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ академіею въ 1767 г. депутатомъ въ коммиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распростране-

нія просвѣщенія въ Россіи. Когда коммиссія переведена была въ Санктпетербургъ, онъ получилъ отъ императрицы позволеніе остаться въ Москвѣ, и кромѣ архива иностранныхъ дѣлъ, занялся, по приказу государыни, разборомъ архивовъ разряднаго и сибирскаго приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году академія поручила ему написать ея исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50-тилѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и потому лучше всякаго другого могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сію работу, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и приготовленіями матераловъ для русской исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе поблизости Москвы; но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ историческое и географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному россіянину. Излишне было бы исчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ зналъ, что человѣкъ, готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестью, искательствомъ; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истиннаго таланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣдѣнія по части россійской исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцомъ семейственнаго счастія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые, завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ, но справедливость восторжествовала: обвиненія ихъ, внушенныя корыстолюбіемъ, были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ утѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

6. Даха—шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

7. Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами.

8. Заимка—внѣ города мѣсто, занятое подъ частный домъ, или крестьянскій дворъ съ огородомъ и съ другими принадлежностями: словомъ, русская дача или малороссійскій хуторъ.

9. Пальма. Такъ называются въ Сибири длинные, широкіе и толстые ножи, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпости про-

копченныхъ ратовищахъ, обшитыхъ снаружи кожею. Съ ними якуты, юкагиры и другіе сѣверные народы ходятъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

10. Жирникъ — почникъ съ какимъ нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

11. Хвостовскій (Хвостовъ — мѣстечко въ кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда) полковникъ *Семенъ Палый*, отважный предводитель задн'Ѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ и сталъ славенъ подвигами около 1690 года. Подъ рукою гетмана своего *Самуся*, онъ, какъ владѣтельный князь, бралъ дань съ земель по Днѣстръ и Случь, занималъ Россію и Польшу отъ татаръ, нерѣдко вторгался въ орды Буджацкую и Бѣлгородскую и захватилъ однажды въ плѣнъ самого султана. Получалъ отъ первыхъ наградъ, бралъ отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ видалъ его истребительный пламень вокругъ стѣнъ своихъ. Возставъ на поляковъ за ихъ неправды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатилъ имъ за свою неволю, разбивъ поляковъ подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ и покорившись Россіи. Въ 1704 году, съ Мокіевскимъ, набѣжалъ на турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны, съ черниговскимъ полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его наъ поляками перемежались только тогда, когда онъ громилъ татаръ. Онъ бралъ и палилъ польскіе города и, опустошивъ край Волынн. овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый къ славѣ, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палія, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства; жалобы Августа, письма Потоцкаго и Яблоновскаго, которые писали, что „Палій вьетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ“. Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палія, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую-Церковь; перерѣзали тамъ шляхтичей и жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на поляковъ, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушаніе, Августъ просилъ удовлетворенія. Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника: но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа известь Палія, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ шведовъ, сильный собственною властію и милостію царскою, онъ не смѣлъ однакожъ захватить Палія силою: позвалъ къ себѣ въ гости въ Бердичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

„Ой пье Палій, ой пье Семенъ да головоньку клопитъ,
„А Мазепинъ чура [1]) Палію Семену кайданы готовитъ“.

Вслѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Батуринъ, извѣщая Головина, что Палій оказался явнымъ измѣнникомъ государю и передался

[1]) Чура — слуга.

Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру, и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакожъ послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ: видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло, и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ полтавскаго сраженія. Недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, несчастій и славы.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя украинцевъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести, дѣятеленъ и сметливъ въ войнѣ, которая стала его стихіею, онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ гетманскихъ, которыя велись его головою, ибо Самусь, лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево сторожило границу Задпѣпрія, татары не нарушали ея покоя и поляки не смѣли тамъ умничать. Попеременно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранилъ ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами и какъ отецъ—своими казаками. Когда Мазепа захватилъ его, то насилу могъ взять Бѣлую-Церковь и то измѣною мѣшанъ. „Умремъ тутъ всѣ, говорили казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ здѣсь нашего батьки“. Врагъ татаръ за ихъ грабежи, врагъ поляковъ за ихъ утѣсненія, онъ въ обоихъ случаяхъ была полезенъ Россіи, хотя не вполнѣ исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина, по неотступной просьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка, заступилъ его мѣсто.

12. Ватага — малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ (Котляревскій).

13. Гайдамакъ — иногда удалецъ, иногда разбойникъ. Слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ татарскаго языка и въ собственномъ смыслѣ значитъ—*бродяга* или бѣглецъ; посему гайдамаки въ Малороссіи значатъ то же, что *ускоки* у славянъ иллирійскихъ.

14. Толокно — мука изъ пересушенаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *чумакованьи*, то есть поѣздкахъ за рыбою и солью, малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они *кулишъ*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводятъ огонь и всѣмъ *кошемъ*, т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варитъ для нихъ такъ называемый *кашеваръ*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ полтавской, екатеринославской, херсонской и таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мель-

кающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

15. Хуторъ — небольшая деревушка, часто одинъ домъ, стоящій среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковые хутора строются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ *чапыжника* (дробнолѣска).

16. Курень—хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки. Нѣсколько таковыхъ курней состоятъ подъ вѣдѣніемъ *куренного*, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

17. Курганы — высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украйны. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ сшибокъ, бывавшихъ у малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами татарами, и во время отторженія ихъ отъ Польши—съ поляками. Въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одежды, отломки оружій, старинныя монеты, стекляницы и т. п. Иногда же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы вехтами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за непріятелемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣть по древнимъ границамъ Малороссіи и Украйны съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ слободско-украинской и полтавской.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ „НАЛИВАЙКО“.

Картина Украйны.

Чувства Наливайки.

Блеститъ весна, ея дыханьемъ,
Какъ бы волшебнымъ врачеванъемъ,
Край утѣсненный оживленъ.
Все отрясаетъ зимній сонъ:
Пестрѣетъ степь, цвѣтетъ долина,
Одѣлся лѣсъ, стада бѣгутъ,
Тяжелый плугъ поселянина
Волы послушные влекутъ;
Кружится жаворонокъ звонкій;
Лазурный тихій небосклонъ,
И воздухъ чистый, воздухъ тонкій
Благоуханьемъ напоенъ.

Всѣ веселятся, всѣ ликуютъ,
Веснѣ цвѣтущей каждый радъ;

Полякъ, еврей и уніатъ
Безпечно, буйственно пируютъ.
Всѣ радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
Что̀ за за веселье безъ свободы,
Что̀ за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красы природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.

Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленнаго лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводитъ.
Лазурь небесъ, цвѣты полей
Имъ не отрадны, имъ не дивны;
Глядятъ уныло на дѣтей,
Всѣ радости для нихъ противны,
И пѣсни дѣвъ ихъ заунывны,
Какъ заунывенъ звукъ цѣпей.

Но Наливайко всѣхъ сильнѣй
Томится думою и страждетъ;
Его душа чего-то жаждетъ,
Онъ что-то на сердцѣ таитъ;
Друзей, родныхъ, семьи бѣжитъ,
Одинъ въ степи пустынной бродитъ
Нерѣдко онъ по цѣлымъ днямъ;
Ему отрадно, сладко тамъ,
Тамъ грусть душевную отводитъ
Въ бесѣдѣ онъ съ самимъ собой
И изъ глуши въ Чигиринъ свой
Назадъ спокойнѣе приходитъ.

Разговоръ съ Лободой.

„Ты другъ давно мнѣ, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь къ родному краю
Я уважалъ, я чтилъ всегда;
Ты ненавидишь какъ злодѣевъ
И дерзкихъ ляховъ и евреевъ;
Но ты отецъ, но ты супругъ,
А ужъ давно пора, мой другъ,
Быть не мужьями, а мужами.
Всѣхъ оковалъ какой-то страхъ;
Всѣ пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный ляхъ
Ругается надъ казаками“...

— Ты правъ, мой другъ: люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ.
Пѣтъ, не одна къ женѣ любовь
Мой умъ быть осторожнѣй учитъ,
Нерѣдко дума сердце мучитъ:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вотъ я чего, мой другъ, боюсь:

Тогда, тогда святая Русь
Навѣкъ страною будетъ плача.

. . . . . .

„Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!...“

Наливайковъ Печерекой лаврѣ

Протяжный звонъ колоколовъ
Въ Печерской лаврѣ раздавался;
Съ разсвѣтомъ изъ своихъ домовъ
Народъ къ заутренѣ стекался.
Одинъ, поодаль отъ другихъ,
Шелъ Наливайко.....
Къ жилищу мертвецовъ святыхъ,

И непритворное смиренье
Въ очахъ яснѣло голубыхъ.
Какъ чтитель ревностный закона,
Къ вратамъ ограды подойдя,
Крестомъ онъ осѣнилъ себя
И сдѣлалъ три земныхъ поклона.
Вотъ въ церкви онъ. Идетъ служенье...
Съ кадильницъ вьется оиміамъ,
Сребромъ и златомъ блещетъ храмъ,
И кротко-сладостное пѣнье
Возноситъ души къ небесамъ.
Въ углу, отъ всѣхъ уединенно,
Колѣни преклоня смиренно,
Онъ сталъ. Въ богатыхъ жемчугахъ
Предъ нимъ Маріи ликъ сіяетъ.
Объ угнетенныхъ землякахъ
Онъ къ ней молитвы возсылаетъ;
Лицо горитъ, и какъ алмазъ,
Какъ драгоцѣнный перлъ, изъ глазъ
Слеза порою упадаетъ.
Такъ цѣлый постъ его встрѣчали
На каждой службѣ въ церкви сей..

Исповѣдь Наливайки *).

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу—
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть рай!...
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.

*) Буйство и утѣсненія поляковъ на Украйнѣ переполнили мѣру терпѣнія казацкаго Мститель ихъ Наливайко, убивъ чигиринскаго старосту, рѣшается освободить отечество отъ ляховъ, поправшихъ святость договоровъ презрѣніемъ къ правамъ казаковъ и чистоту вѣры мучительнымъ введеніемъ уніи. Передъ исполненіемъ сего важнаго предпріятія, онъ, какъ благоговѣйный сынъ церкви, очищаетъ душу постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику.—К. Р.

Тогда объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ –
Какъ стая кровожадныхъ враповъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
„Пора губить враговъ Украйны!“
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—

Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благославляю!“

Молитва Наливайки.

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возросла.
Я невиновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
Войну воздвигъ я не для славы,—
Я поднялъ мечъ за край родной.
Ты лицемѣровъ ненавидишь,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видишь;
Ты проницаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердецъ...

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ „ХМѢЛЬНИЦКІЙ“.

Гайдамакъ.

Осенней ночью близь кургана,
Въ степи глухой, у огонька,
Сидятъ одни во мглѣ тумана
Два запорожскихъ казака.
Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо;
Кругомъ все сумрачно и глухо;
Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ;
Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ...
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ...

„Гдѣ запоздалъ онъ?.. Ужъ пора
Ему примчаться. Отъ Днѣпра

Тутъ недалеко... Конь надежный;
Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
Съ дороги сбиться невозможно;
Удалъ отважный гайдамакъ!
Пусть ночь, удвоя черный мракъ,
На степь унылую наляжетъ,—
Казакъ всегда казакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ...

„Не подстерегъ ли удальца
Въ глуши татаринъ кровожадный?
Ну, чтожъ? Пусть такъ: у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
И въ ясный день, и въ часъ ночной
Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
Стережетъ враговъ въ травѣ густой,
Иль рыщетъ по степи шакаломъ...

„Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ крымцамъ, и къ полякамъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ—все родъ высокій
Изображало въ пришлецѣ;
Прекрасенъ гость былъ черноокій,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ...

„Всѣ, полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ средь шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ никто... Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмуря брови,
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любови,
Леталъ въ пустыняхъ на конѣ
И, увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови...

„Сбылось желанье. Саранчей
Мы понеслися подъ Очаковъ,
И удальствомъ пришлецъ младой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

„Суровъ и дикъ, и одинокъ,
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ съ тайной думой.
Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожитъ
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.

„Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя;
Его душѣ нужна война;
Опасность, кровь и шумъ военный
Одни его животворятъ
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ встревоженной дарятъ.

Толпой и крымцы, и поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ Божій гнѣвъ, ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки...

„Въ немъ не волнуютъ уже кровь
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтный;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ немъ вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы хотя на мигъ единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ замкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Какъ гнѣвъ небесный — саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ“...

Такъ говорили межъ собою
Про гайдамака-молодца
Два запорожскихъ удальца...
Межъ тѣмъ ужъ началъ за рѣкою
Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ,
А запорожца нѣтъ какъ нѣтъ.
Несется ночь... И вотъ зарею
Занялся сумрачный востокъ;
Сильнѣй зашевелилъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ;
Ужъ погасаетъ огонекъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ...
Вдругъ конскій топотъ раздается,
Какъ шумъ глухой, издалека;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою,
И подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
Запрялъ ушами—и упалъ
Почти недвижный, бездыханный...
По шеѣ кровь бѣжитъ изъ раны,
Расколотъ рыцарскій сайдакъ,
И безобразными клоками,
Обрызганъ кровью, межъ ногами
Виситъ разорванный чепракъ...

И гдѣ же грозный гайдамакъ,
Краса и слава вольной Сѣчи?
Погибъ... Но гдѣ, когда и какъ,
И при какой враждебной встрѣчѣ?..
Быть можетъ, дерзкою толпой

Въ глуши захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой
Клянетъ въ цѣпяхъ свою онъ долю;
Иль крымскимъ хищникомъ убитъ,
Въ степи пустынной онъ лежитъ,
И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи...

1825.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ „МАЗЕПА“.

I. Палѣй.

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали:
Палѣя, съ горстью казаковъ,
Толпы несмѣтныя враговъ
Въ пустынномъ полѣ окружали...
Куда укрыться молодцу?
Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ, и здѣсь — вездѣ поляки...
По смуглому его лицу
Давно ужъ градомъ потъ катится;
Отъ мѣткаго свинца валится
Съ коня казакъ за казакомъ...

Уже обхваченъ онъ кругомъ...
Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорный...
Но вдругъ, одинъ съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется онъ, какъ вѣтръ нагорный.
Вотъ вправо, влѣво—и къ рѣкѣ.
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью—и стрѣлою
Слетѣлъ съ береговъ, отваги полнъ;
И вотъ средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...
Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ...
Ужъ онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой;
Разитъ лишь воздухъ онъ пустой—
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на берегъ крутой.
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржалъ...
Палѣй съ насмѣшкой оглянулся,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую ускакалъ...

II.

Что ты задумалъ, хитрый Мазепа,
Что ты замыслилъ, гетманъ сѣдой,..
. . . . . .
(Пѣсня сторонниковъ Мазепы).
Съ самопаломъ и булатомъ,

Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Путешествіе на Парнасъ *).

(Отрывокъ).

. . . . . .

амъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяяся, гніютъ.
Тамъ Лета есть, рѣка забвенья:
Въ ней также многіе живутъ.
Я видѣлъ, какъ въ ней Львовъ купался
И обмывалъ своихъ дѣтей;

*) „Въ этомъ стихотвореніи упоминаются современные бездарные писатели. Павелъ Юрьевичъ Львовъ—написалъ массу повѣстей и др. повѣствовательныхъ произведеній. Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ—авторъ поэмы „Петръ Великій“, духовныхъ стихотвореній и пр.; онъ былъ изъ наиболѣе близкихъ любимцевъ Шишкова, служилъ сначала во флотѣ и кончилъ жизнь аѳонскимъ монахомъ. Гераковъ, происхожденіемъ грекъ, учитель кадетскаго корпуса, доставлялъ пищу для смѣха своими историческими твореніями въ патріотическомъ духѣ „Пѣтъ слезливый“—князь П. И. Шаликовъ, представитель крайняго и чувственнаго сентиментализма“. (См. „Сочин“. К. Рылѣева подъ ред. Мазаева, стр. 111).

Я зрѣлъ—Шихматовъ въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча статей.
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя,
Былъ столкнутъ съ берега Хвостовъ.
Я былъ при томъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Пракловъ,
Былъ Леты поглощенъ волной.
Я зрѣлъ, какъ нашъ пінтъ слезливый
„Красу лужковъ, лазурь небесъ,
„П сельску жизнь, и злачны нивы“
Пѣлъ, пѣлъ—и, наконецъ, исчезъ.
Такая жъ участь, можетъ статься,
П намъ, о други, суждена!
Такъ лучше въ даль намъ не пускаться,
Чтобъ не измѣрить Леты дна...

. . . . . .

Дрезденъ. 1814 г.

Къ временщику.

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!

Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ, лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ сограждáнъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Когда во мнѣ, когда нѣтъ доблестей прямыхъ,
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны...
Сеянъ! И самые цари безъ нихъ—презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ, достойный мужъ! Почто не можешь снова,
Родившись, сограждáнъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи:
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь;
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,

Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,—
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

1820 г.

Къ Каховскому *).

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случиться...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души,
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.

---

*) Въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украйнѣ.—К. Р.

Итакъ простите вы,
Краса благой природы—
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровъ уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ, горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды;
Гдѣ-бъ дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятьяхъ дружбы нѣжной
И родственной любви!..

Все это оставляя,
Пылающій поэтъ
Направилъ свой полетъ,
Совѣтамъ не внимая,
За чародѣйкой вслѣдъ.
Въ тревожномъ шумѣ свѣта,
Средь горя и заботъ,
Въ мои младыя лѣта,
Быть можетъ для поэта
Она вѣнокъ совьетъ.
Онъ мнѣ въ уединеньѣ,
Когда я буду сѣдъ,
Послужитъ въ утѣшенье
Средъ дружескихъ бесѣдъ.

1820 г.

А. П. Ермолову.

Наперсникъ Марса и Паллады,
Надежда сограждан, Россіи вѣрный сынъ,
Ермоловъ, поспѣши спасать сыновъ Эллады
Ты, геній сѣверныхъ дружинъ!
Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
По манію твоей руки,
Съ врагами лютыми какъ вихрь на бой кровавый
Помчатся грозные полки.
И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
Какъ фениксъ молодой,
Воскреснетъ Греція изъ праха
И съ древней доблестью ударитъ за тобой!
Уже въ отечествѣ потомковъ Ѳемистокла
Повсюду подняты свободы знамена;
Геройской кровью ужъ земля намокла
И трупами враговъ удобрена!
Проснулися вздремавшіе перуны,
Отвсюду храбрые текутъ...
Теки-жъ, теки и ты, о витязь юный:
Тебя герои тамъ, тебя побѣды ждутъ!

1821 г.

Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу.

Питомецъ важныхъ музъ, служитель Аполлона,
Пѣвецъ, который намъ паденье Иліона
И битвы грозныя ахеянъ и троянъ,
Съ Пелидомъ бѣдственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора въ враждебный грековъ
станъ,
И бой и смерть сего пергамскаго героя
Воспѣлъ плѣнительно на лирѣ золотой,
На древній ладъ ее съ отважностью настроя,
И путь открылъ себѣ безсмертья въ храмъ святой!
Не думай, чтобъ и ты, плѣня всѣхъ лирой звучной,
Отъ всѣхъ хвалу обрѣлъ во мзду своихъ трудовъ:
Бореніе съ толпой совмѣстниковъ, враговъ,
И съ предразсудками, и съ завистью докучной—
Всегдашній былъ удѣлъ отличнѣйшихъ пѣвцовъ.
Ахъ, иногда они въ друзьяхъ враговъ встрѣчали,
И имъ съ безпечностью ввѣряяся душой,
У сердца нѣжнаго змѣю отогрѣвали
И цѣлый вѣкъ кляли несчастный жребій свой...
Судьи-завистники, убійцы дарованій,
Вездѣ преслѣдуютъ несчастнаго пѣвца;
И похвалы друзей, и шумъ рукоплесканій,
И лавры свѣжіе прекраснаго вѣнца —
Все души низкія завистниковъ тревожитъ,

Все дикую вражду къ ихъ бѣдной жертвѣ множитъ!
Одна, одна лишь смерть гоненье прекратитъ;
И успокоясь въ мирной сѣни,
Дань должной похвалы возьметъ съ потомства геній
И, торжествующій, зоиловъ постыдитъ.
Таланта каждаго сопутникъ неизмѣнный,—
Негодованіе толпы непросвѣщенной,
И зависть злобная,—его всегдашній врагъ,
Оспаривали здѣсь ко славѣ каждый шагъ
Творца Димитрія, Фингала, Поликсены.
Любимца перваго россійской Мельпомены
Ядъ низкой зависти спокойствія лишилъ
И, сердце отравивъ, дни жизни сократилъ.
Но вѣсть печальная лишь всюду пролетѣла,
Почувствовали всѣ, что безъ него у насъ
Трагедія осиротѣла...
Тогда судей-невѣждъ умолкъ презрѣнный гласъ,
Вѣнки посыпались, и зависть онѣмѣла...
Судьбу подобную-жъ Фонъ Визинъ претерпѣлъ,
И Змѣйкина, себя узнавши въ Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную въ удѣлъ
Въ странѣ далекой и суровой.
На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкругъ тебя
Шипитъ, какъ черная змѣя!
И здѣсь, какъ и вездѣ, насъ небо наставляетъ;
Мудрецъ во всемъ, во всемъ читаетъ
Уроки для себя:
На лонѣ праздности дремавшій долго геній,
Стрѣлами зависти бывъ пробужденъ отъ лѣни,
Ширяясь, какъ орелъ на небеса паритъ

И съ высоты на низъ съ презрѣніемъ глядитъ,
Гдѣ клеветой его порочитъ пустомеля...
Такъ деспотъ-кардиналъ съ ученою толпой
Уничижить хотѣлъ безсмертнаго Корнеля,
На Сида воружилъ зоиловъ дерзкій рой...
Сидъ бранью угнетенъ; но трагикъ оскорбленный
Явился съ Цинною во храмѣ Мельпомены,
И посрамленный кардиналъ
Смотрѣлъ съ ничтожными льстецами,
Какъ геніемъ своимъ Корнель торжествовалъ
Надъ академіей и жалкими судьями.
Такъ и Жуковскій нашъ, любимый Феба сынъ,
Сокровищъ языка счастливый властелинъ,
Возвышеннаго полнъ, эдема пышны двери,
Въ отвѣтъ ругателямъ, открылъ для юной Пери.
И ты примѣру слѣдуй ихъ
И на сужденія завистниковъ твоихъ,
На площадную брань и приговоръ суровый
Съ Гомеромъ отвѣчай всегда бесѣдой новой.
Орла ль парящаго среди эоирныхъ странъ
Въ полетѣ карканьемъ удержитъ наглый вранъ?
Иди безтрепетно проложенной стезею
И лавры свѣжіе рви смѣлою рукою.
Пускай завистники вокругъ тебя шипятъ!
О, Гнѣдичъ! Вопли ихъ—и дикіе и громки—
Тобой заслуженной хвалы не заглушатъ:
Защитникъ твой—Гомеръ, твои судьи потомки!
Зачѣмъ тревожиться, когда твоихъ трудовъ
Не вздумаетъ читать какой-нибудь Вралёвъ,
Иль жалкій Азбукинъ, иль Клитъ стихокропатель,
Иль въ колпакѣ магистръ, или Дамонъ ругатель?
Нѣтъ, нѣтъ, читателей достоинъ ты другихъ!
Желаю, Гнѣдичъ, я, чтобы въ стихахъ твоихъ
Восторги сладкіе поэты почерпали,

Чтобы царица-мать красѣ дивилась ихъ,
Чтобъ переводъ прекрасный твой читали
Съ воспламенною душой
Изящнаго цѣнители прямые,
Хранящіе любовь къ странѣ своей родной
И посвященные музъ въ таинства святыя.
Немного ихъ! Зато вниманіе пѣвцамъ
Средь вопля дикаго должно быть драгоцѣнно,
Какъ въ Ливіи, отъ солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащій по пескамъ...

1821 г.

Къ А. А. Бестужеву.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ,
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

1821 г.

Къ А. А. Бестужеву.

Ты разлѣнился ужъ не кстати,
Бѣглецъ Парнасса молодой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Въ своемъ болотистомъ Кронштадтѣ
Ты позабылъ совсѣмъ о братѣ
И о поэтѣ, что, порой
Сидя какъ труженикъ въ палатѣ,
Чтобъ свой исполнить долгъ святой,
Забылъ и нѣгу, и покой...
Но тщетны всѣ его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презрѣнное чело,
Какъ кедръ Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Такъ... Сдѣлавшись жрецомъ Ѳемиды
Я о Парнассѣ позабылъ...
Къ тому-жъ боюсь, чтобъ Аониды
За то, что я имъ измѣнилъ,
Пѣвцу не сдѣлали обиды.
Хоть я и некрасивъ собой,

Но музы изстари ревнивы;
А я—любовникъ боязливый...
И вотъ что, другъ мой молодой,
Въ столицѣ вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое-жъ молчанье непонятно!...
Драгунъ ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и пріятно,
И приголубивъ нѣжныхъ музъ,
Ихъ такъ плѣнить умѣлъ собою,
Что въ дѣтствѣ соверша союзъ,
Опѣ вертлявою толпою,
Вездѣ порхаютъ за тобою
И не измѣнятъ никогда,
Пока ты всѣмъ имъ не измѣнишь;
Но кажется, что ипогда
Ты ласковость ихъ худо цѣнишь.
Такъ напримѣръ: прошелъ здѣсь слухъ,
Не знаю я, по чьей огласкѣ,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый духъ,
И вѣрность къ дѣвамъ пѣснопѣній
Поработилъ свободный геній,
Поколебалъ любви недугъ...
А между тѣмъ, какъ очарованъ
Ты юной прелестію глазъ,
Паѳосскихъ шалостью проказъ
Къ Кронштадту скучному прикованъ,
Забвенью предаешь Парнассъ,
Одинъ пигмей литературный,
Изъ грязи выникнувъ главой,
Дерзнулъ взглянуть на сводъ лазурный
И вызывать тебя на бой.

1822 г.

Видѣніе.

Ода на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Николаевича,

30 августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь парить!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ...

Но вотъ отъ устъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,

И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный ликъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
„Я зрю, твой духъ пылаетъ брапью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

„Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

„Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;

Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

„Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

„Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

„Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждàнъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари“.

—

Гражданское мужество.

Ода.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ?

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,

Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи,
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы, Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!

Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

1823 г.

Ахъ, гдѣ тѣ острова *)...

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle **)
И летятъ подъ постель
Святцы...
Гдѣ Бестужевъ-драгунъ ***)
Не дастъ карачунъ
Смыслу;
Гдѣ нашъ князь-чудодѣй
Не бросаетъ людей
Въ Вислу;
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ.....
Въ фанты;
Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
Танты... ****)
Гдѣ Магницкій молчитъ,
А Мордвиновъ кричитъ
Вольно;

---

*) Это стихотвореніе написано вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ.
**) Поэма Вольтера.
***) А. А. Бестужевъ.
****) „Тантой“ звали современники сварливую тещу Ѳ. В. Булгарина.

Гдѣ не думаетъ Гречъ,
Что его будутъ сѣчь
Больно...
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ...
Гдѣ Измайловъ-чудакъ *)
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ...
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи.....
Правятъ;
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи.....
. . . . . .
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо;
Какъ. . . . . .
Воцарился по ней...
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...
Какъ въ непастные дни
Собирались они
Часто;

---

*) Александръ Ефимовичъ Измайловъ — баснописецъ, благодушный оригиналъ.

Гнули,—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто;
И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ!

1823—1824 г.

Ай и скучно же мнѣ...

Ай и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ!
Все въ неволѣ
Въ тяжкой долѣ...
Видно вѣкъ такъ вѣковать.

Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?

Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ,
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ, да судамъ.

А подъ . . . . . орломъ
Ядомъ поятъ съ виномъ;
Лишь народу
Для заводу
Велятъ вчетверо платить.

А наборами . . . . . .
Усушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили насъ въ конецъ.

Ай, какъ худо въ Руси,
Что и Богъ упаси!
Аракчеевъ
Всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной.

Онъ . . . . . подстрекнетъ,
. . . . . указъ подмахнетъ —
Ему шутка,
А намъ жутко,
Тошно такъ, что, ой, ой, ой!

Къ N. N.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стóитъ.

Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.

Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я незнакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.

Лишь временно кажусь я слабъ;
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.

Мнѣ не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.

Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

1824 г.

На смерть Байрона.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;
Какою жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Ѳемистокла?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Тиранъ роскошнаго Востока,
За что благодарить пророка
Спѣшатъ въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средъ храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весь катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ ѳиміама.

Рыдая, вкругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа,
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода

Воскресшей Греціи лежитъ,
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Готовы вновь тягчить ее,
Какъ будто идутъ на нее
Султанъ и грозная Россія...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей.
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой сынъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянулъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть, не будетъ ничего.
Грядой возлягутъ на твердыни
Почить усталые вѣка;
Ихъ безпощадная рука
Преобразитъ поля въ пустыни.

Исчезнутъ порты въ тьмѣ временъ,
Падутъ и запустѣютъ грады,
Погибнутъ страшныя армады,
Возникнетъ новый Карѳагенъ...
Но сердца подвигъ благородный
Пребудетъ для души младой
Къ могилѣ Байрона святой
Всегда звѣздою путеводной.

Британецъ дряхлый позднихъ лѣтъ
Придетъ могильный холмъ укажетъ
И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:

Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
Въ странѣ, отъ родины далекой,—
Убитый грустію жестокой,
О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
Друзья свободы и Эллады
Вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

1825 г.

Стансы.

А. А. Бестужеву.

е сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

1825 г.

Вѣрѣ Николаевнѣ Столыпиной.

е отравляй души тоскою,
Не убивай себя; ты мать;
Священный долгъ передъ тобою —
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;
Пусть въ сонмѣ гордыхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ
И смѣло скажемъ: „Знайте: имъ
Отецъ — Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ!“

1825 г.

На смерть Чернова.

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнѣсть готовымъ.

Нѣтъ, не отечества сыны
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,—
Они отъ насъ отчуждены.

Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ,
Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновымъ!

На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ-ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ.

И прахъ твой будетъ въ посмѣянье,
И гробъ твой будетъ въ стыдъ и срамъ!
Клянемся, дщерямъ и сестрамъ —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты—братъ нашихъ ты сердецъ,
Герой, столь рано охладѣлый,
Взносись въ небесные предѣлы!
Завиденъ, славенъ твой конецъ.

Ликуй: ты избранъ русскимъ Богомъ
Всѣмъ намъ въ священный образецъ;
Тебѣ данъ праведный вѣнецъ;
Ты будешь чести намъ залогомъ.

1825 г.

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изпывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.

Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

1825 г., декабрь.

Е. П. Оболенскому *).

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,

*) Стихотвореніе это, наколотое точками на кленовыхъ листьяхъ и пересланное въ крѣпость Е. П. Оболенскому при посредствѣ сторожа, служитъ прекраснымъ выраженіемъ религіознаго настроенія, овладѣвшаго Рылѣевымъ послѣ декабрскихъ событій.

И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
„Васъ будутъ гнать и предавать,
„Торжественно васъ будутъ убивать;
„Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить;
„И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
„Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
„Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
„Готъ царствія небеснаго наслѣдникъ".

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

1826 г., іюнь.

А. И. Одоевскій.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій не игралъ, собственно, никакой значительной роли въ декабрскомъ движеніи, но его личность сама по себѣ представляетъ много интереснаго.

Одоевскій родился въ Москвѣ въ 1803 г.; образованіе онъ получилъ домашнее и, какъ видно изъ его формулярнаго списка, 1 октября 1821 г. поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ изъ отставныхъ губернскихъ секретарей и уже въ февралѣ 1823 г. былъ произведенъ въ корнеты.

Въ началѣ 1824 г. Одоевскій былъ принятъ Рылѣевымъ въ число членовъ Сѣвернаго общества, и съ тѣхъ поръ началъ принимать участіе въ собраніяхъ общества, обыкновенно происходившихъ въ квартирѣ Рылѣева. 12 и 13 декабря 1825 г. у Рылѣева же, какъ мы видѣли, происходили и два послѣднихъ засѣданія, на которыхъ рѣшено было произвести утромъ 14 декабря государственный переворотъ.

На собраніи 12 декабря Одоевскій, какъ и вообще почти всѣ присутствующіе на этихъ послѣднихъ собра-

ніяхъ декабристы, былъ въ сильно повышенномъ настроеніи, доходилъ прямо до экстаза, говоря: „Умремъ! Ахъ, какъ славно мы умремъ“! Вечеромъ послѣ этого собранія онъ былъ у князя Оболенскаго, который сообщилъ собравшимся у него офицерамъ-декабристамъ послѣднія инструкціи диктатора (кн. Трубецкого) и думы—возмутить въ день присяги, какъ можно больше, изъ своихъ полковъ нижнихъ чиновъ и вести ихъ на Сенатскую площадь.

Вступивъ утромъ 13 декабря въ караулъ Зимняго дворца, съ котораго смѣнился только утромъ 14. Одоевскій, переодѣвшись, тотчасъ же отправился на Сенатскую площадь, куда уже собрались возмутившіяся войсковыя части подъ предводительствомъ членовъ тайнаго общества.

По подавленіи возстанія, онъ бѣжалъ съ Сенатской площади, по однимъ разсказамъ, къ А. А. Жандру, который и убѣдилъ его явиться во дворецъ лично, по другимъ - къ своей теткѣ, Ланской, мужъ которой будто бы и отвезъ его къ государю. Послѣ допроса лично Николаемъ, Одоевскій, въ числѣ многихъ другихъ, былъ отвезенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости.

Его сосѣдями по тюрьмѣ съ одной стороны былъ Н. А. Бестужевъ, съ другой—К. Ѳ. Рылѣевъ. Интересна отмѣченная М. А. Бестужевымъ безпечность характера Одоевскаго, который въ крѣпости, повидимому, не унывалъ и не чувствовалъ всего трагизма своего положенія.

Переговариваясь другъ съ другомъ черезъ постукиваніе при помощи условной азбуки Н. и М. Бестужевы захотѣли войти въ сношенія и съ другими товарищами по заключенію и особенно съ Рылѣевымъ, отъ котораго ихъ раздѣляла камера Одоевскаго. „Но“, говоритъ

М. Бестужевъ: „къ несчастью, въ этомъ номерѣ сидѣлъ Одоевскій, молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ, какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ, какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у сторожей волосы подымались дыбомъ; что̀ ему ни говорили, какъ ни стращали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое, и кончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиною, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Выждавъ такую минуту въ его казематѣ, едва братъ начиналъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ нестовымъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ, чтобъ не обнаружить нашего намѣренія. Послѣ долгихъ упорныхъ попытокъ, когда, наконецъ, онъ попялъ, въ чемъ дѣло, и когда братъ уже трубилъ побѣду, и мы рисовали въ своемъ воображеніи удовольствіе въ сношеніяхъ съ Р(ылѣевы)мъ, надо же случиться на бѣду нашу, что самая ничтожная бездѣлица разбила въ прахъ наши мечты... Одоевскій не зналъ азбуки по порядку“! [1]).

Просидѣвъ въ крѣпости съ лишкомъ полгода, Одоевскій, по приговору верховнаго уголовнаго суда, утвержденнаго Николаемъ 10 іюля 1826 г., по лишеніи чиновъ и княжескаго достоинства, былъ сосланъ на 12 лѣтъ въ каторжныя работы [2]).

[1]) М. А. Бестужевъ „Записки. Стѣнная азбука 1826 г.“. („Р. Стар.“ 1870, 4, стр. 364).

[2]) 22 августа 1826 г. срокъ каторги былъ сокращенъ съ 12 на 8 лѣтъ.

1 февраля 1827 г. онъ, вмѣстѣ съ М. Нарышкинымъ и бр. Бѣляевыми былъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ и былъ помѣщенъ вмѣстѣ со многими другими декабристами въ Читинскомъ острогѣ. Въ свободное отъ работъ время, сосланные занимались своимъ хозяйствомъ, а также и самообразованіемъ, для чего и устроили свою „академію".

По поводу этой „академіи" приведу слова бар. А. Е. Розена, рисующія также и своеобразную особенность Одоевскаго, именно, его способность *говорить* лекціи экспромтомъ.

„Въ читинской нашей домашней академіи", говоритъ про Одоевскаго Розенъ: „имѣлъ онъ случай выказать свое образцовое знаніе русской словесности. Въ долгіе зимніе вечера, для развлеченія и поученія нѣсколько товарищей-спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ—стратегіи и тактики, Ф. Б. Вольфъ—химіи и физики, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ—прикладной и высшей математики, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ—русской исторіи, А. И. Одоевскій—русской словесности, К. П. Торсонъ—астропоміи; мнѣ пришлось пояснять личное освобожденіе крестьянъ прибалтійскихъ губерній... А. И. Одоевскому, въ очередной день, слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память" [1]).

---

[1]) См. „Полное собран. стихотв." кн. А. И. Одоевскаго С.-пб. 1883 г., стр. 10—12.

Въ концѣ 1828 г. съ декабристовъ сняли кандалы и осенью 1830 г. они были переведены въ Петровскій заводъ (близъ Верхнеудинска) въ спеціально для нихъ выстроенную тюрьму, гдѣ Одоевскій и пробылъ до 1832 г.

Освобожденный отъ каторги 8 ноября 1832 г., Одоевскій пробылъ въ Сибири на поселеніи еще 5 лѣтъ (сначала въ Тельмѣ, близъ Иркутска, а затѣмъ, въ Ишимѣ, Тобольской губ.) и только въ концѣ 1837 г. переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ урочищѣ Кара-Агачъ (близъ Царскихъ колодцевъ) [1].

По дорогѣ на Кавказъ Одоевскій въ послѣдній разъ увидѣлся съ своимъ семидесятилѣтнимъ отцемъ, котораго горячо любилъ и которому посвятилъ еще въ бытность свою на поселеніи въ Ишимѣ (въ 1836 г.) звучное стихотвореніе („Посланіе къ отцу"), полное тихой грусти и глубокаго, неподдѣльнаго чувства [2].

На Кавказѣ Одоевскій познакомился съ А. С. Пушкинымъ и М. Ю. Лермонтовымъ, знакомство съ которымъ перешло вскорѣ въ тѣсную дружбу, увѣковѣченную въ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова — „Памяти князя А. И. Одоевскаго".

Лѣтомъ 1839 г. Одоевскій былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ черезъ доктора Мейера, познакомился и вскорѣ сошелся съ пріѣхавшимъ туда также для лѣченія Н. П. Огаревымъ. Насколько сильное впечатлѣніе произвелъ Одоевскій на Огарева, можно судить изъ слѣдующихъ словъ послѣдняго: „Онъ весь принадлежалъ къ числу

---

[1]) Такимъ образомъ, Одоевскій провелъ въ Сибири почти 11 лѣтъ— лучшіе годы своей жизни, и эта жизнь въ сибирскихъ тундрахъ въ концѣ концовъ совершенно разстроила его здоровье.

[2]) Бар. Розенъ говоритъ, что это „посланіе", представленное Бенкендорфомъ государю, было причиною перевода Одоевскаго изъ Сибири на Кавказъ.

личностей христоподобныхъ... Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ... Но гораздо большее вліяніе онъ имѣлъ на меня въ теоретическомъ направленіи, и на моей хорошо подготовленной романтической почвѣ быстро выростилъ христіанскій цвѣтокъ блѣдный, унылый, съ наклоненной головою, у котораго самая чистая роса похожа на слезы“ [1]).

Въ 1839 г. умеръ отецъ Одоевскаго съ портретомъ сына въ рукахъ, и эта утрата сильно подорвала его и безъ того расшатанное здоровье. „Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ, — кажется, послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ по сравненію“, писалъ онъ по этому поводу въ одномъ письмѣ къ Назимову.

Въ этомъ же году, осенью, Одоевскій принималъ участіе въ экспедиціи генерала Н. Н. Раевскаго на восточный берегъ Чернаго моря, для укрѣпленія форта Лазаревскаго между Субаши и Сочи. Въ отрядѣ Раевскаго находились также и товарищи Одоевскаго — Н. А. Загорѣцкій, М. М. Нарышкинъ, бар. А. И. Черкасовъ, Н. И. Лореръ, В. И. Лихаревъ и К. Е. Игельстромъ.

Экспедиція эта была роковой для Одоевскаго. По окончаніи экспедиціи, онъ заболѣлъ мѣстной горячкой, 6 августа слегъ въ постель, а 15 августа его уже не стало [2]). Впослѣдствіи фортъ былъ взятъ горцами, и могила Одоевскаго исчезла безъ слѣда.

„Люди, знавшіе Одоевскаго въ Петербургѣ, до ссылки, вспоминаютъ о немъ, какъ о благородномъ, умномъ, миломъ и весьма красивомъ молодомъ человѣкѣ“ [3]).

[1]) Цитировано по книгѣ „Собраніе стихотв. декабристовъ“ Лейпц. 1862 г., стр. 17 и 20.
[2]) По другимъ даннымъ, Одоевскій скончался 10 октября.
[3]) „Собр. стих.“ декабристовъ, стр. 13.

„Онъ былъ въ высшей степени нравственный человѣкъ, какъ до ссылки, такъ равно и на поселеніи и во время солдатской жизни“, говоритъ про него бар. Розенъ [1]).

Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 9 сентября 1825 г. Грибоѣдовъ, приходившійся Одоевскому родственникомъ, поручая его „дружескому расположенію“ Бѣгичева, пишетъ: „Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію — таковъ онъ совершенно, плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ“ [2]).

— „Онъ носилъ свою солдатскую шинель“, говоритъ про Одоевскаго Огаревъ: „съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь: съ той же любовью къ товарищамъ, съ той-же преданностью къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ быть онъ даже любилъ свое страданіе... Его мечта была только самоотверженіе. Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но, можетъ быть, и при другихъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности; чисто къ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль“ [3]).

М. Бестужевъ какъ мы видѣли опредѣлилъ Одоевскаго „поэтомъ въ душѣ“, и онъ, несомнѣнно, былъ истиннымъ поэтомъ, поэтомъ-импровизаторомъ, къ кото-

[1]) „Полное собр. стихотв.“ кн. А. И. Одоевскаго. С.-пб. 1883 г., стр. 10.

[2]) Грибоѣдовъ также былъ замѣшанъ въ дѣло о декабристахъ, но успѣвъ уничтожить компрометирующія его бумаги, былъ оправданъ слѣдственной коммиссіей. (Объ этомъ см. Щеголева „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы“, С.-пб. 1905).

[3]) „Собр. стихотв. декабр.“, стр. 17, 18 и 21.

рому всего менѣе могло быть приложено названіе „планщика“, которымъ Пушкинъ въ шутку окрестилъ Рылѣева, хотя и самъ иногда прибѣгалъ къ составленію предварительнаго плана работы.

Одоевскій чуждъ былъ тщеславія; для него не нужно было рукоплесканій, и его свободныя импровизаціи, выливавшіяся въ звучный стихъ, въ которомъ была и тихая грусть, и покорность судьбѣ, порой прорывались и бодрыя, боевыя нотки, являлись простымъ выраженіемъ настроенія поэта, простой, естественной реакціей на волновавшія его впечатлѣнія. Поэтому-то его сравнительно большая поэма „Василько“, являясь результатомъ не непосредственнаго настроенія, а заранѣе обдуманной планомѣрной работы, по сравненію съ большинствомъ его стихотвореній, не отличается ни изяществомъ формы, ни занимательностью содержанія.

Одоевскій не любилъ записывать своихъ стихотвореній и совсѣмъ ихъ не печаталъ [1]), и большинство изъ нихъ записаны его друзьями и знакомыми иногда много лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были продекламированы поэтомъ. „Бо́льшая часть сохранившихся стихотвореній Одоевскаго относится къ сибирской жизни поэта, и потому вполнѣ понятенъ ихъ общій тонъ— постоянное сознаніе своей отчужденности, своего изгнанничества, невозможности вернуться къ свободной жизни“ [2]).

---

[1]) Единственное опубликованное при жизни Одоевскаго его стихотвореніе „Сенъ-Бернаръ“ было напечатано Плетневымъ въ X томѣ „Современника“ 1838 г. безъ вѣдома автора.

[2]) „Сочиненія“ кн. А. И. Одоевскаго, подъ ред. Мазаева, стр. XI и XII.

Памяти кн. А. И. Одоевскаго.

1

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; по къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

4.

И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга—
Кто скажетъ намъ?.. Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда? кто ихъ спроситъ!..

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда! Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье!
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...

6.

И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ, не умолкая.

1839 г.

М. Лермонтовъ.

Посланіе А. С. Грибоѣдова къ кн. А. И. Одоевскому.

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался.
Твой геній надъ главой моей парилъ;
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ
И призывалъ, и о тебѣ терзался...
О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого отъ любви моей сокрыла?

Стихотворенія

А. И. ОДОЕВСКАГО.

А. С. Пушкину.

(Въ отвѣтъ на его посланіе „Въ Сибирь").

трунъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь покоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ.....

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя—
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы
И съ нею гряземъ на . . . . .
И радостно вздохнутъ народы.

1827 г.

При извѣстіи о польской революціи.

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ—
Она дрожитъ—еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны—
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились...
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ!—
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, проливших лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ! Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей, и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень...

Сей огнь пожжетъ чела ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ...
Да судитъ Богъ!... А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

1831 г

Полночь.

Пробила полночь... Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался:
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ, въ сумракѣ ночномъ,
По небу зарева бѣжали
И, разлетаяся во тьмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ,
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я, на колѣнахъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали

Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ.
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ,
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ.
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

Въ Петропавловской крѣпости въ пасхальную ночь 1826 г.

Сонъ поэта.

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
И пѣснь незнаемую въ мірѣ
Я вылью въ огненныхъ словахъ.
Въ темницѣ есть пѣвецъ народный;
Но — не поетъ для суеты:
Скрываетъ онъ душой свободной
Небесъ безсмертные цвѣты;

Но похвалой необольщенный,
Не ищетъ ранняго вѣнца.—
Почтите сонъ его священный,
Какъ предъ борьбою сонъ борца.

Петропавловская крѣпость, 1826 г.

Элегія.

Дума узника.

Какъ много сильныхъ впечатлѣній
Еще душѣ недостаетъ!
Въ тюрьмѣ минула жизнь мгновеній,
И медленъ и тяжелъ полетъ
Души моей, необновленной
Явленій новыхъ красотой;
И дней темничныхъ чередой,
Безъ сновъ любимыхъ усыпленной,
Прошли мгновенья бытія
И на землѣ настала вѣчность.
Однообразна жизнь моя,
Какъ океана безконечность.
Но онъ кипитъ... свои главы
Подъемлетъ онъ на вызовъ бури,
То отражаетъ сводъ лазури

Бездомнымъ сводомъ синевы,
Пылаетъ въ зареваxъ, кровавый
Онъ брани пожираетъ слѣдъ;
Шумитъ въ отвѣтъ на громы славы
И клики радостныхъ побѣдъ.
Но мысль моя—едва живая—
Течетъ, въ себѣ не отражая
Великихъ міра перемѣнъ;
Все прежній міръ она объемлетъ,
И за оградой душныхъ стѣнъ—
Востока узница—не внемлетъ
Восторгамъ западныхъ племенъ.

Петропавловская крѣпость, 1827 г.

Элегія.

—

Что вы печальны, дѣти сновъ,
Летучей жизни привидѣнья?
Какъ хороводы облаковъ,
Съ небесъ, по волѣ дуновенья,
Летятъ и таютъ въ вышинѣ,
Слѣдовъ нигдѣ не оставляя —
Равно въ подоблачной странѣ
Неслися вы!.. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы, міра мрачныя печали,
Всѣ бури сердца миновали,
И безъименно протекли.

Вы и пылинки за собою
Въ теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкій прахъ,
Слѣдовъ не врѣзали въ гранитѣ,
И не оставили въ сердцахъ.
Зачѣмъ же вы назадъ глядите
На путь пройденный? Нѣтъ для васъ
Ни горькихъ думъ, ни утѣшеній;
Минула жизнь безъ потрясеній,
Огонь безъ пламени погасъ.

Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очаровалъ,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробѣ заживо лежалъ;
Кто ядомъ облитъ былъ холоднымъ
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы...
Тотъ жилъ! Онъ духомъ былъ борецъ;
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы,
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ;
Онъ можетъ бросить взоръ обратный,
И на минувшій, темный путь
Съ улыбкой горькою взглянуть.

Кто жаждалъ жизни всеобъятной,
Но чей стѣснительный обзоръ
Былъ ограниченъ цѣпью горъ,
Темницей вкругъ его темницы;
Кто жаждалъ снова, какъ ждутъ друзей,
И проклиналъ восходъ денницы,

Когда отъ розовыхъ лучей
Видѣнья легкія ночей
Толпой воздушной улетали,
И онъ темницу озиралъ
И къ нимъ объятья простиралъ,
Къ симъ утѣшителямъ печали;
Кто съ міромъ связь еще хранилъ,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы изъ свѣта въ заточенье
Любимый голосъ доходилъ,
Какъ по умершемъ стонъ прощальный,
Чтобы утратамъ слухъ внималъ
И отзывъ пѣсни погребальной
Въ тюрьму свободно проникалъ;
Кто прелесть всю воспоминаній
Святыню чувства, міръ мечтаній,
Порывы всѣхъ душевныхъ силъ,
Всю жизнь въ любимомъ взорѣ слилъ,
И небесамъ во всемъ покорный,
Просилъ въ молитвахъ одного:
Отъ друга вѣсти животворной,
И кто узналъ, что нѣтъ его—
Тотъ могъ спросить у Провидѣнья,
Зачѣмъ земли онъ путникъ былъ
И ангелъ смерти и забвенья,
Крыломъ сметая поколѣнья,
Его коснуться позабылъ?

Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь?
Какъ званый гость, или случайный,
Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,
Гдѣ скудно сердца наслажденье

И скорби съ радостью смѣшенье
Томитъ, какъ похоронный пиръ;
Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
Гдѣ колыбель—могилы дань,
Развалинъ цѣпь—поля и горы;
Гдѣ вдохновительные взоры
И устъ плѣнительная ткань
Изъ гроба въ гробъ переходили,
Изъ тлѣна въ жизнь, изъ жизни въ тлѣнъ,
И въ постепенности временъ
Образовалися изъ пыли
Погибшихъ тысячи племенъ.
Какъ тѣни, исчезаютъ лица
Въ тебѣ, обширная гробница!
Но вѣченъ родъ! Едва слетятъ
Потомковъ новыхъ поколѣнья,
Иныя звенья замѣнятъ
Изъ цѣпи выпавшія звенья;
Младенцы снова расцвѣтутъ,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли, донесутъ
И сбросятъ путники земные...
Безъ цѣли!.. Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ, и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!..
Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка.

Чита. 1830 г.

Сенъ-Бернаръ.

Во льдяныхъ шлемахъ великаны
Стоятъ, теряясь въ облакахъ,
И молній полные колчаны
Гремятъ на крѣпкихъ раменахъ.
Туманы зыбкими грядами,
Какъ поясъ, станъ ихъ облегли,
И разступилась грудь земли
Подъ ихъ гранитными стопами.

Храните благородный Югъ,
Соединясь въ завѣтный полукругъ,
Вы, чада племени, о Альпы исполины!
Храните вы изъ вѣка въ вѣкъ
Источники вѣчно-шумящихъ рѣкъ
И нѣжно-злачныя Ломбардіи долины.

Кто мчится къ Альпамъ? кто летитъ
На огненномъ питомцѣ Нила?
Въ очахъ спокойныхъ взоръ горитъ,
Души неодолимой сила!
Въ немъ зрѣетъ новая борьба—
Грядущій рядъ побѣдъ летучихъ;
И неизбѣжны, какъ судьба,
Рѣшенья думъ его могучихъ.

Съ коня сошелъ онъ. Чуя бой,
Воскликнулъ Сенъ-Бернаръ: „Кто мой покой

Нарушить смѣлъ“? Онъ рекъ,—и шумная лавина
Ниспала и зарыла долъ;
Протяжно вслѣдъ за гуломъ гулъ пошолъ,
И Альпы слили въ громъ глаголы исполина.

„Я узнаю тебя! Ты съ нильскихъ пирамидъ
„Слетѣлъ ко мнѣ, орелъ неутомимый!
„Тебя, безсмертный вождь, мучительно томитъ
„Побѣды гладъ неутолимый;
„И имя, какъ самумъ на пламенныхъ пескахъ,
„Шумящее губительной грозою,
„Ты хочешь впечатлѣть желѣзною стопою
„Въ моихъ нетающихъ снѣгахъ!
„Нѣтъ, нѣтъ! Италіи не уступлю безъ боя“!—

„Впередъ“! отвѣтъ могучій прозвучалъ.
Уже надъ безднами виситъ стезя героя,
И вверхъ по ребрамъ голыхъ скалъ,
Гдѣ нѣтъ костей слѣдовъ, гдѣ гнѣздъ не вьютъ орлицы,
Идутъ полки, съ довѣрьемъ за вождемъ.
Всходя, цѣпляются безстрашныхъ вереницы
И въ мѣдныхъ жерлахъ взносятъ громъ.
Мрачнѣетъ Сенъ-Бернаръ: одѣянъ бурной мглою,
Вдругъ съ трескомъ рушится, то вновь стоитъ скалою;
Сто устъ, сто безднъ раскрывъ со всѣмъ сторонъ,
Всѣмъ смрадомъ смерти дышетъ онъ.
„Впередъ“! воскликнулъ вождь: „впередъ“! промчались клики,
И гордую стопу уже занесъ Великій
На исполинское чело.

„Я узнаю тебя, мой чудный побѣдитель!
„Въ лучахъ блеститъ Маренго! цѣпь побѣдъ
„По міру прогремитъ... но встанетъ крѣпкій мститель
„И ты на свой наступишь слѣдъ.

„Свершая замыслы всемірнаго похода,
„Ты помни; твой предтеча Аннибалъ,
„Съ юнѣющей судьбой могучаго народа,
„Въ борьбѣ неравной шумно палъ".

„Страшись! уже на кликъ отечества и славы
„Встаетъ народъ: онъ грань твонхъ путей;
„Всходящая звѣзда мужающей державы
„Уже грозитъ звѣздѣ твоей!..
„Въ полночной мглѣ, въ снѣгахъ есть конь и всадникъ мѣдный...
„Ударитъ конь копытами въ гранитъ
„И кинетъ огнь въ сердца: онъ искрою побѣдной
„Твой грозный лавръ испепелитъ".

Петровскъ, 1831 г.

Славянскія дѣвы.

Нѣжны и быстры ваши напѣвы,
Что жъ не поете вы, ляшскія дѣвы,
Въ ладъ ударяя легкой стопой?
Сербскія дѣвы—пѣсни простыя
Любите пѣть вы; но чувства живыя
Въ дикомъ напѣвѣ блещутъ красой.

Кто же напѣвы чехинь услышитъ?
Звучныя пѣсни сладостныхъ дѣвъ
Дышатъ любовью—славою дышатъ...
Помня всю жизнь и пѣснь и напѣвъ

Дѣвы! согласно что не поете
Пѣсни святыя минувшихъ временъ?
Въ голосъ единый что не сольете
Всѣхъ голосовъ славянскихъ племенъ?

„Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ
Ясный, какъ небо, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой“!

Старшая дочь въ семействѣ славяна,
Всѣхъ превзошла величіемъ стана—
Славой гремитъ, но грустно живетъ;
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи,
Грусть на челѣ, заплаканы очи,
И заунывныя пѣсни поетъ.

Что же не выйдешь въ чистое поле,
Не разгуляешь грусти своей?
Свѣтло душѣ на солнышкѣ волѣ,
Сердцу тепло отъ ясныхъ лучей...
Въ поле спѣши, съ меньшими сестрами,
И хороводъ весь веди за собой;
Дружно сплетясь руки съ руками,
Радостно пѣсню свободы запой...

„Боже, когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный, какъ день, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой“.

1832 г.

Балъ *).

(Князю П. А. Вяземскому).

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица — свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся,
И жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала,
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ, сребренныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.
Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся;
Вперилъ глаза, весь содрогнулся;
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.

*) Стихотвореніе это написано Одоевскимъ подъ впечатлѣніемъ той минуты, когда его, закованнаго въ цѣпи, провозили мимо дома кн. Кочубея, гдѣ былъ балъ, стояло много экипажей и... масса жандармовъ. Въ домѣ этомъ впослѣдствіи помѣщалось III отдѣленіе.

Свѣтъ меркнулъ... Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... Четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по́ полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали.
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись;
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я никого не видѣлъ въ ней;
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

1825 г.

Дума.

На смерть Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

Гдѣ онъ?—Гдѣ другъ?—Кого спросить?
Гдѣ духъ?.. Гдѣ прахъ?.. Въ краю далекомъ!
О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,

Ее согрѣть моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ страданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его;
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, какъ друга моего.
Какъ друга!.. онъ смѣшался съ нею,
И вся она родная мнѣ.
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ непарушимой тишинѣ,
Предамся всей порывной силѣ,
Моей любви, любви святой
И приросту къ его могилѣ,
Могилы памятникъ живой.
Но подъ иными небесами
Онъ и погибъ и погребенъ;
А я въ темницѣ! Изъ-за стѣнъ
Напрасно рвуся я мечтами:
Онѣ меня не донесутъ,
И капли слезъ съ горячей вѣжды
Къ нему на дернъ не упадутъ,
Я въ узахъ былъ; но нѣтъ надежды
Взглянуть на взоръ его очей,
Взглянуть—сжать руку, звукъ рѣчей
Услышать на одно мгновенье...
Живило грудь, какъ вдохновенье
Восторгомъ полнило меня!
Не измѣнилось заточенье;
Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
Остались только дымъ и тлѣнье.
Онѣ—мнѣ огнь; уже давно
Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся;
Что годъ, что день, то связи рвутся;
И мнѣ, мнѣ даже не дано

Въ темницѣ призраки лелѣять,
Забыться мигъ веселымъ сномъ,
И грусть сердечную развѣять
Мечтанья радужнымъ крыломъ.

Чита 1829 г.

Послѣдняя надежда.

Е. А. Баратынскому.

ромелькнулъ за годомъ годъ,
И за цѣпью дней минувшихъ
Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ.
Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
Запоздала. Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ устъ воздушныхъ,
Твой небесный разговоръ
Внятны мнѣ. Тебѣ охотно
Я ввѣряюсь всей душой.
Тихо плавай надо мной,
Плавай, другъ мой неотлетный!
Всѣ исчезли. Ты одна
На яву, во время сна,
Навѣваешь утѣшенье.
Ты въ залогъ осталась мнѣ,
Завѣряю, что онѣ

Не случайное видѣнье,
Что приснятся и другимъ
И зажгутъ лучомъ своимъ
Думъ высокихъ вдохновенье!

1829 г.

Въ альбомъ Маріи Николаевны Волконской*).

(Въ день ея рожденія, 25-го декабря 1829 года).

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,

---

*) Кн. Волконская, какъ и нѣкоторыя другія жены декабристовъ, послѣдовавшія вскорѣ за мужьями въ Сибирь, во многомъ облегчили и скрасили тяжелую, безотрадную жизнь ссыльныхъ. Стихотвореніе Одоевскаго прекрасно передаетъ тѣ чувства, которыя имѣли къ этимъ женщинамъ - героинямъ декабристы.

Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

На смерть графа П. П. Коновницына.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
Онъ нѣжной матери нигдѣ не забывалъ —
Онъ имя сладкое сливалъ
Со словомъ искренней молитвы...
Опять увидѣть взоръ очей,
Услышать радостные звуки,
Прижать къ устамъ уста и руки
Любимой матери своей —
Вотъ были всѣ его желанья!
Уже минули дни страданья —

Ее опять увидѣлъ онъ;
Но дни минутные свиданья,
Но ихъ взаимно сладкій сонъ
Едва присинился имъ... и снова
Изъ-подъ семейственнаго крова
Онъ въ край восточный полетѣлъ...
Восторгомъ взоръ еще горѣлъ;
Еще отъ сладкаго волненья
Вздымалась радостная грудь —
И, не докончивъ сновидѣнья,
Уже онъ кончилъ жизни путь...
Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ, съ горестью глубокой,
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой —
И съ третьимъ именемъ потухъ...

1832 г.

Далекій путь.

(На пріѣздъ въ Сибирь Камиллы Петровны Ивашевой).

По дорогѣ столбовой
Колокольчикъ заливается...
Что не парень удалой
Мягкимъ снѣгомъ опушается?
Нѣтъ, то ласточкой летитъ

По дорогѣ красна дѣвица.
Мчатся кони... Отъ копытъ
Вьется мягкая метелица.

Кроясь въ пухѣ соболей,
Вся душею вдаль уносится;
Изъ задумчивыхъ очей
Капля слезъ за каплей просится...
Грустно ей... Родная матъ
Тужитъ тугою сердечною;
Больно душу оторвать
Отъ души разлукой вѣчною.

Сердцу горе суждено,
Сердце на-двое не дѣлится —
Разрывается оно...
Дальній путь предъ нею стелется...
Но за чѣмъ въ степную даль
Свѣтъ-душа стремится взорами?
Ждетъ и тамъ ее печаль
За желѣзными затворами.

„Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!“
Въ душѣ мыслитъ красна дѣвица:
„Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ...
„Встань, неси меня, метелица!
„Занеси въ его тюрьму!
„Пусть, какъ птичка домовитая,
„Прилечу я—и къ нему
„Притаюсь, людьми забытая“.

Петровскъ, 1832 г.

Къ отлетѣвшей.

(Матери).

Тебя ужъ нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюся
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобой сольюся
Въ одинъ эѳиръ—
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слезъ
На землю ту, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несъ.
И, на землѣ блеснувъ слезою,
Взовьемся вновь
Туда, гдѣ вѣчною зарею
Горитъ любовь.

Чита, 1828 г.

Посланіе къ отцу.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними—полный жизни міръ,
А здѣсь—я одинокъ и сиръ,
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется-ль тайный сводъ небесъ
Заговоритъ-ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
Стрясетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ—растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой;
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ оборопой!

Меня чужбины вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила;
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ, займется-ли заря,
Молю я солнышко-царя
И вотъ къ нему мое моленье:
„Меня, о солнце, воскреси,
„И дай мнѣ на святой Руси
„Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

„Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
„Игралище безумныхъ волнъ,
„На океанъ твоей державы,
„Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
„И грѣшной юности моей
„Не помяни ты въ царствѣ славы!“

Ишимъ, 1836 г.

Умирающій художникъ.

На смерть Веневитинова.

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились;
И Музы юношей гордились,
И говорили: „Онъ поэтъ!“...
Но, нѣтъ; едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы—
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлой!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ,
И я, въ нетлѣніе одѣтый—
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ въ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,

Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

Петровскъ, 1831 г.

А. М. Янушкевичу.

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чершую годину я дѣлилъ;
Ты знаешь ихъ! Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку;
Казалось, былъ на родинѣ моей,
Опять въ кругу соузниковъ-друзей.
Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчаный океанъ—
И пальмы тѣнь студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ вдаль... лишь сладостный обманъ
Чарустъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы—
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

1836 г.

А. А. Бестужевъ-Марлинскій.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, ближайшій другъ К. Ѳ. Рылѣева, принимавшій съ нимъ дѣятельное участіе въ декабрскомъ движеніи, родился въ 1797 г.

Отецъ Бестужева, Александръ Ѳедосіевичъ, артиллеристъ и морякъ по-спеціальности и службѣ, для своего времени, былъ человѣкомъ очень образованнымъ. Не перенеся тяжелаго гнета самовластія Аракчеева, который былъ до нѣкоторой степени обязанъ ему своей блестящей карьерой, Бестужевъ-отецъ вышелъ изъ военной службы и занялся литературной дѣятельностью [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ превратилъ свой домъ въ миніатюрный музей съ богатыми коллекціями по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ и собралъ прекрасную библіотеку. Если къ этому прибавить, что Алекс. Ѳедос.

---

[1]) Въ 1789 г. онъ издавалъ „С.-Петербургскій журналъ“, затѣмъ въ 1803 г. написалъ книгу „Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества“, передѣланную въ 1807 г. въ „Правила военнаго воспитанія“ и т. д., въ которой старался примѣнить къ условіямъ русскаго общества просвѣтительныя идеи западной литературы объ общественномъ воспитаніи.

былъ для дѣтей своихъ истиннымъ другомъ, не стѣсняя ихъ слѣдовать своимъ влеченіямъ,—будетъ понятна та прекрасная духовная атмосфера, въ которой росло и развивалось даровитое семейство Бестужевыхъ[1]).

Александръ Александровичъ съ ранняго дѣтства проявилъ настолько сильную склонность къ чтенію, что отецъ принужденъ былъ иногда отбирать отъ него ключи отъ книжныхъ шкафовъ. Но въ это время онъ доставалъ книги тайкомъ, контрабандой и особенно увлекался такими произведеніями, какъ „Ринальдо Ринальдини“, „Тысяча и одна ночь“ и т. п. Это чтеніе сильно дѣйствовало на впечатлительнаго Бестужева и, развивая по-преимуществу фантазію, подготовляло благопріятную почву для будущихъ повѣстей и романовъ съ неестественными надѣленными огнедышащими страстями героями и героинями.

Образованіе свое Бестужевъ началъ въ горномъ корпусѣ, который бросилъ для экзамена на гардемарина. Не одолѣвъ высшей математики, которая не давалась ему и въ корпусѣ и которая требовалась для этого экзамена, онъ въ концѣ-концовъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, стоявшій въ мѣстечкѣ Марли, близъ Петергофа (откуда и псевдонимъ А. Бестужева—Марлинскій) и въ 1818 г. былъ произведенъ въ корнеты. Въ этомъ же году Бестужевъ былъ пазна-

---

[1]) Кромѣ Александра, второго сына А. Ѳ., у него было четыре сына—Николай, Михаилъ, Петръ и Павелъ, всѣ пострадавшіе отъ декабрской исторіи, хотя Павелъ не принималъ въ ней рѣшительно никакого участія, и три дочери—Елена, Ольга и Марія. Михаилъ оставилъ послѣ себя интересные мемуары, а Николай, кромѣ „Записокъ“,—„Морскія сцены, повѣсти и разсказы стараго моряка“, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность. Кромѣ того, Н. Бестужевъ былъ прекрасный математикъ и техникъ, съ большимъ успѣхомъ занимавшійся въ Сибири (при неудобнѣйшихъ условіяхъ) усовершенствованіемъ хронометровъ. Хорошо рисуя, онъ нарисовалъ портреты многихъ своихъ товарищей по заключенію въ Читѣ и Петровскѣ.

ченъ адъютантомъ къ главноуправляющему путями сообщенія, генералу Бетанкуру, а затѣмъ къ замѣстившему Бетанкура герцогу Александру Виртембергскому, что не могло не обѣщать ему блестящей карьеры. Но еще въ корпусѣ въ немъ пробудилась страсть къ писательству, и онъ тамъ велъ дневникъ событій корпусной жизни, иллюстрируя его каррикатурами на своихъ начальниковъ.

Близкое знакомство съ первоклассными литераторами того времени—Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Рылѣевымъ, не могло, конечно, не увеличить его любви къ литературѣ и писательству.

Уже въ 1823 г. онъ, какъ мы видѣли, обращаетъ на себя вниманіе критическими обзорами современной литературы. „Марлинскій немного дѣйствовалъ какъ критикъ, но много сдѣлалъ,—его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны“ [1]), говоритъ по поводу этихъ обзоровъ Бѣлинскій, весьма неодобрительно (какъ увидимъ ниже) отзывавшійся о его повѣстяхъ и разсказахъ, сдѣлавшихъ имя Марлинскаго популярнымъ среди тогдашняго читающаго русскаго общества.

Принятый Рылѣевымъ въ апрѣлѣ 1825 г. въ члены Сѣвернаго общества, А. Бестужевъ старался, какъ и Рылѣевъ, усилить общество привлеченіемъ новыхъ членовъ.

Когда было получено извѣстіе объ отреченіи Константина, Рылѣевъ, Александръ и Николай Бестужевы (какъ передаетъ послѣдній) „рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія по-

---

[1]) В. Г. Бѣлинскій „Сочиненія“. Изд. Ф. Павленкова. Т. I, Спб. 1896 г., стр. 493.

койнаго царя, въ которомъ была дана свобода крестьянамъ и убавлена до пятнадцати лѣтъ солдатская служба. Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи... Нельзя представить жадности, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ“ [1]). Кромѣ этого, активное участіе А. Бестужева въ декабрскомъ движеніи заключалось еще въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Михаиломъ и кн. Д. А. Щепинымъ-Ростовскимъ, возмутили Московскій полкъ и привели его на Сенатскую площадь.

Съ Сенатской площади Бестужеву удалось бѣжать и скрыться, но на другой же день, вечеромъ онъ явился на гауптвахту Зимняго дворца и былъ арестованъ.

На допросѣ Николаемъ, „Бестужевъ“, какъ передаетъ Гречъ: „просто, откровенно и правдиво изложилъ предъ государемъ все, какъ было, и умѣлъ заслужить вниманіе Николая... Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обѣщалъ ему прощеніе –и сдержалъ свое слово *по своему*“ [2]).

Приговоренный уголовнымъ судомъ къ отсѣченію головы, А. Бестужевъ, по высочайшей конфирмаціи, былъ осужденъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Но, вмѣсто этого, Бестужевъ, вмѣстѣ съ А. П. Арбузовымъ, А. И. Тютчевымъ, И. Д. Якушкинымъ и М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ въ ночь на 6 августа 1826 г. былъ перевезенъ въ Финляндію, въ фортъ Слава, гдѣ и пробылъ еще 15 мѣсяцевъ. Въ концѣ октября 1827 г. онъ былъ сосланъ въ Якутскъ на поселеніе.

— — —

[1]) Шильдеръ „Императоръ Николай I“, т. I, стр. 267 и 268.
[2]) Цитировано по „Собр. стих. декабр.“ Лейпц. 1862, стр. 179 и 180.

Несомнѣнно, что *откровенность* Бестужева, о которой онъ жалѣлъ впослѣдствіи [1]), явилась главнѣйшею причиною легкости наказанія, которому подвергся Бестужевъ по сравненію съ другими участниками декабрскаго возмущенія.

Сосланный въ Якутскъ, Бестужевъ начинаетъ съ успѣхомъ изучать нѣмецкій и латинскій языки, наблюдаетъ мѣстную жизнь, пишетъ стихи и вообще всѣми силами старается сохранить бодрость духа. Но вся эта сибирская жизнь не можетъ удовлетворить стремленіямъ его пылкой, кипучей натуры. Онъ посылаетъ прошеніе къ государю, просить перевести его рядовымъ на Кавказъ, гдѣ онъ думаетъ выслужиться и черезъ это вернуться опять къ прежней жизни; лѣтомъ 1829 г. съ товарищемъ по ссылкѣ, В. С. Толстымъ, отправляется на Кавказъ и уже въ августѣ того же года пріѣзжаетъ на мѣсто назначенія.

Здѣсь первое время жизнь ему улыбнулась. Ласково принятый начальствующими лицами, онъ поддерживаетъ дѣятельную переписку съ родными и знакомыми и особенно съ Н. А. Полевымъ, видѣвшимъ въ немъ еще и до ссылки даровитаго писателя. Но одно, повидимому, ничтожное обстоятельство на много ухудшаетъ положеніе и не одного только Бестужева.

Я уже говорилъ, что Рылѣевъ однажды отстегалъ хлыстомъ нѣкоего фонъ-Дервиза, оскорбившаго мать Бестужева и отказавшагося дать за это удовлетвореніе. Случилось такъ, что этотъ-то субъектъ, отставной флотскій офицеръ, назначенный на Кавказъ чиновни-

[1]) Нужно, однако, замѣтить, что въ своей „откровенности“ Марлинскій щадилъ товарищей и не дѣлалъ на нихъ оговоровъ, стараясь, въ противоположность Рылѣеву, умалить значеніе тайнаго общества. (Ср. В. Богучарскій „Изъ прошлаго русскаго общества“, Спб. 1904, стр. 56—58).

комъ провіантъ-мейстеромъ, попалъ однажды на вечеръ къ Раевскому, занимавшему должность начальника отряда въ Тифлисѣ. Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества, прощенный за полное раскаяніе, наполнилъ свой штабъ большею частью ссыльными офицерами и вообще хорошо относился къ сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ, принимая ихъ у себя въ домѣ.

Фонъ-Дервизъ, разумѣется, пришелъ въ ужасъ, попавъ въ подобную компанію, и на другой же день уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, гдѣ и написалъ доносъ на Раевскаго, выставляя его измѣнникомъ. Результатомъ этого доноса былъ строжайшій выговоръ Раевскому и приказаніе главнокомандующему на Кавказѣ разослать всѣхъ, находящихся въ Тифлисѣ, декабристовъ въ разныя крѣпости для несенія гарнизонной службы.

Съ этого времени начинается тяжкая жизнь для безправаго рядового Бестужева, который на каждомъ шагу подвергается мелочнымъ униженіямъ и, между прочимъ, самому нелѣпѣйшему: его, бывшаго офицера, цѣлыми часами учатъ съ новобранцами вытягивать носки при маршировкѣ. Вообще начальство старается „вывести въ расходъ“ рядового-Бестужева. Надъ нимъ, какъ надъ рядовымъ, виситъ постоянная угроза быть высѣченнымъ, и, вотъ, Бестужевъ всѣ силы употребляетъ заслужить георгія и, какъ георгіевскому кавалеру, избѣжать возможности этой ужасной для него пытки. Онъ дерется съ львиной храбростью, всегда впереди, всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; сами солдаты присуждаютъ ему георгія и даже мѣстное начальство представляетъ его къ воинскимъ наградамъ,— но все напрасно: подобныя распоряженія не утверждаются высшею властью. Если къ этому прибавить убійственный климатъ и вполнѣ антигигіеническую обстановку, въ которой Бестужевъ

находился [1]), то поневолѣ удивившись его энергіи, выносливости и не только страсти, но и способности писать во всѣхъ этихъ условіяхъ многочисленные повѣсти и разсказы. И этими разсказами, несмотря на всѣ ихъ недостатки, зачитывалось тогдашнее русское общество, совершенно не подозрѣвая, что ихъ авторъ—Марлинскій и безправный ссыльный декабристъ А. Бестужевъ—одно и то же лицо.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій, обративъ вниманіе на Бестужева, какъ на писателя, просилъ о переводѣ его въ Оренбургъ для описанія края, но получилъ въ отвѣтъ на просьбу, что „Бестужева надо послать не туда, гдѣ онъ можетъ быть полѣзнѣе, а туда, гдѣ онъ можетъ быть безвреднѣе". Отвѣтъ этотъ можетъ послужить характернымъ образчикомъ отношеній къ Бестужеву высшей администраціи.

Наконецъ, послѣ огромныхъ усилій, Бестужевъ, хотя и не получилъ георгія, но былъ произведенъ въ прапорщики. „Производство въ офицеры", говоритъ по этому поводу В. Богучарскій: „конечно, значительно облегчило судьбу Бестужева, но надежды его оставить совсѣмъ военную службу, покинуть Кавказъ и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ не имѣли никакого основанія. Бестужевъ сталъ, видимо, отчаяваться и даже искать смерти. По прежнему дерется онъ съ горцами, по прежнему видитъ въ этомъ единственный путь, который, можетъ быть, приведетъ его къ желанному выходу, но это уже надежда человѣка, сознающаго, что носитъ въ

[1]) Приведу по этому поводу одно изъ кавказскихъ писемъ А. Бестужева къ брату (1836 г.). „Я опять очень боленъ, любезный Поль. Гилепджикъ меня уходилъ. Да и можно ли быть здоровымъ въ землянкѣ, гдѣ на ногахъ сапоги плѣсневѣютъ, гдѣ подъ поломъ лужа, а кровля рѣшето... Смертность въ крѣпости ужасная: что день, то отъ 3 до 5 человѣкъ умираетъ. (См. Богучарскій „Изъ прошлаго русск. общества", стр. 63).

груди своей смертельный недугъ, надежда утопающаго, хватающагося за соломинку. Еще лѣтомъ 1836 г. въ судьбѣ Бестужева принялъ живое участіе графъ Воронцовъ. Онъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ статскую службу, въ Крымъ, или въ собственный штабъ для сношенія съ горцами. (Необходимо замѣтить, что изумительныя способности Бестужева проявились на Кавказѣ и въ его быстромъ ознакомленіи съ восточными языками: онъ въ совершенствѣ сталъ говорить по-татарски и ознакомился основательно съ языками персидскимъ и арабскимъ). На всѣ ходатайства Воронцовъ получилъ изъ Петербурга отказъ" [1]).

Въ іюнѣ 1837 г. Бестужевъ участвовалъ въ экспедиціи для взятія мыса Адлера. По высадкѣ, произошло столкновеніе съ черкасами при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ для русскихъ. Бестужевъ, если и не искалъ смерти во время этой экспедиціи, то и къ жизни относился почти съ полнымъ безразличіемъ. Несмотря на то, что его отговаривали, онъ сталъ проситься въ цѣпь и былъ изрубленъ шашками; тѣло его не было найдено.

Такъ нелѣпо погибъ Бестужевъ, „добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собой", (какъ о немъ отзывается даже Гречъ [2]) принужденный, силою обстоятельствъ, размѣнивать на гроши свое литературное дарованіе и тратить свою огромную энергію на.... полученіе георгія и перваго офицерскаго чина.

---

[1]) Богучарскій. „Изъ прошл. русск. общ.", стр. 76.

[2]) См. „Собр. стих. декабр.", стр. 177. Если къ этой характеристикѣ прибавить, что Бестужевъ и на Кавказѣ не переставалъ быть пылкимъ донъ-жуаномъ съ „перечнымъ темпераментомъ", какъ онъ самъ о себѣ выражался, — его личность болѣе рельефно обрисуется передъ нами и дастъ намъ нѣкоторое объясненіе героевъ его романовъ.

Я уже говорилъ, что Бестужевъ принужденъ былъ писать свои повѣсти при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. А писалъ онъ много и не только по своей страсти къ писательству: своими романами онъ много зарабатывалъ и поддерживалъ какъ сестеръ и мать, такъ особенно своихъ находящихся въ Сибири братьевъ.

Самъ Бестужевъ считалъ свои повѣсти и разсказы „игрушками", „побасенками"; но несмотря на это, несмотря даже и на то, что герои его романовъ надѣлены огнедышащими страстями, имѣютъ пристрастіе къ неестественнымъ монологамъ, похожи другъ на друга [1]) и скорѣй выдуманы, чѣмъ списаны съ натуры,—въ немъ виденъ талантъ и талантъ крупный.

И самъ Бѣлинскій, строго осуждавшій Бестужева, какъ романиста, находилъ въ немъ талантъ, хотя и „обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и растерявшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія" [2]).

„Мнѣ кажется", писалъ Бѣлинскій: „что романъ не его дѣло, ибо у него нѣтъ никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта" [3]). Но, говоря это, онъ не только указывалъ на Бестужева, какъ на дѣльнаго критика, но съ похвалой относился ко многимъ некритическимъ его произведеніямъ, какъ напр., „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири", „Шахъ Гуссейнъ", „Письма къ доктору Эрдману", „Сибирскіе нравы Исыхъ" и др. „Во всѣхъ этихъ разсказахъ", говоритъ Бѣлинскій: „виденъ необыкновенно умный,

---

[1]) „Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая „рѣчи" дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, то, право, никакъ не разгадаете, кто говоритъ—морской офицеръ, дикій черкесъ, ливонскій рыцарь, русскій князь временъ междоусобія, русскій боярин XV и XVI вѣка, мужчина или женщина, старикъ или юнона, Аммалатъ—Бекъ или булочникъ-ораторъ". (Бѣлинскій „Сочиненія", т. 1, стр. 506.

[2]) Бѣлицекій „Сочиненія", т. I, стр. 70.

[3]) Ibid., стр. 70.

блестяще образованный человѣкъ и талантливый писатель, и почти всѣ отличаются въ противоположность повѣстямъ языкомъ простымъ, живымъ и прекраснымъ безъ изысканности“ [1]).

Бестужевъ писалъ и стихи, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны искорки истиннаго поэтическаго дарованія; но онъ самъ вскорѣ призналъ въ себѣ отсутствіе поэтическаго таланта. Но если Бестужевъ и не былъ истиннымъ поэтомъ, то все-таки нельзя согласиться съ мнѣніемъ Бѣлинскаго, что „романъ не его дѣло“. Вѣрно, романы Бестужева имѣютъ, пожалуй, больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, бьютъ на эффектъ, на чувство, но не нужно забывать, при какихъ условіяхъ писались эти романы! Въ другой обстановкѣ, неприпуждаемый писать для денегъ и наспѣхъ, Марлинскій-писатель, а не Бестужевъ-рядовой, разжалованный въ солдаты государственный преступникъ, находящійся постоянно подъ угрозой незаслуженнаго оскорбленія отъ всякаго привилегированнаго ничтожества, могъ бы сдѣлаться не только дѣльнымъ и лучшимъ критикомъ своего времени, но и истиннымъ романистомъ, не бьющимъ только на эффектъ, но стремящимся узнать не только человѣческое сердце, но и общій характеръ изображаемой имъ эпохи или извѣстнаго историческаго событія.

---

[1]) Бѣлинскій „Сочиненія“, т. I, стр 512.

А. Бестужеву.

Напрасно ахнула, Европа,
Не унывайте — не бѣда;
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась „Полярная Звѣзда“.

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты.

1824 г.

А. С. Пушкинъ.

Стихотворенія

А. А. БЕСТУЖЕВА.

Къ нѣкоторымъ поэтамъ.

вы, сподвижники мои и образцы!
Столь многихъ мелочей тяжелые творцы,
Премаленькихъ стишковъ, комедій преогромныхъ,
Идиллій, пѣсенокъ, трагедій многотомныхъ,
Что пародіями вся публика зоветъ,
Хоть смотритъ, но труда прочесть ихъ не береть;
Вы, кои прихотью затѣйливыя музы,
Поэтовъ страпъ чужихъ куете въ Русски узы,
Вы торжествуете: вамъ дерзновенье — щитъ,
Вкусъ ложный царствуетъ, талантъ — въ пыли лежитъ.

Съ непросвѣщенными давно ли здѣсь умами
Мы восхищалися Державина стихами?
Давно-ль фонъ-Визину театръ рукоплескалъ?
Давно-ли Дмитріевъ гармоніей плѣнялъ?
Но вамъ благодаря, на высотахъ двухолмныхъ
Мы судимъ иначе поэтовъ многословныхъ:
Теперь Глупепіусъ взялъ верхъ надъ Княжнинымъ
И Мевія зовутъ Гораціемъ вторымъ.

И, словомъ, всѣ жильцы Пермесской колыбели
Судить самихъ себя Архоптами засѣли:
Въ *таланты* жалуютъ, безсмертіе даютъ,
А геніевъ у насъ и куры не клюютъ!
Блаженны времена, украшенныя вами,
Обильны славными ничтожества трудами,
Смотрите, радуйтесь, какъ въ нѣдрѣ двухъ столицъ
Питомцы Фебовы и девяти сестрицъ,
Въ сомнамбулическомъ жару летя за славой,
Поправъ пятою вкусъ, грамматику, умъ здравой,
Стремятся генію невѣдомой стезей,
На верхъ Парнасскихъ горъ безтрепетной стопой,
И тамъ, собравшися ревущею ватагой,
Бутятъ храмъ памяти измаранной бумагой.
О други! самъ восторгъ мнѣ рѣчь сію внушилъ!
Онъ къ подражанію въ меня охоту влилъ.
Бросаю автора застѣнчивость межъ нами:
Я стою равными вѣнчаться похвалами,
Подобно вамъ, друзья, и я пишу стихи,
Чтобъ риѳмою прикрыть невѣжества грѣхи.
Мы въ многомъ разнимся, но въ главномъ очень сходны:
И ваши и мои творенія негодны.
Лишь превращенію благодаря въ умахъ,
Теперь плывете вы на полныхъ парусахъ
Въ заливъ безсмертія, подъ флагами забвенья.
Отъ васъ жалѣетъ міръ о выдумкѣ тисненья;
Журналы, зрители, чтецы трепещутъ васъ...
Но дребезжащій мой слабѣетъ хвальный гласъ!
Прославитъ можетъ ли безцѣнныхъ рядъ твореній
Едва изъ скорлупы рождающійся геній?
Но къ ободренію ревнуя чуждыхъ дѣлъ,
Для вашего пѣвца я лавръ сыскать хотѣлъ,
И тщетно пробѣгалъ долины Геликона;
Тамъ люди самаго испорченнаго тона:

Державинъ, Дмитріевъ, Жуковскій и Крыловъ,
Тамъ авторъ Душеньки, тамъ Карамзинъ, Костровъ...
Давно ужъ вырвали не только лавры — розы,
Оставивши для васъ репейникъ, плющъ и *лозы*.

1819 г.

Саатырь *).

Якутская баллада.

Не вѣтеръ вздыхаетъ въ ущельѣ горы,
Не камень слезится росою
— То плачетъ Якутъ до полночной поры,
Склонясь надъ женой молодою.
Ужъ пятую зорю томится она,
Любви и веселья подруга,
Безъ капли воды, безъ цѣлебнаго сна,
На жаркой постели недуга:
Съ румянцемъ лапитъ лучъ надежды погасъ:
Какъ воронъ надъ нею погибели часъ.

Умолкните чаръ и моленія вой
И бубновъ плачевные звуки!
Съ одра Саатырь поднялась головой,
Простерла поблекшія руки:

*) Саатырь—значитъ „игривая".

И такъ, какъ подъ снѣгомъ роптанье ручья,
Какъ звонъ колокольчика дальной,
Струится по воздуху голосъ ея;
Внемлите вы рѣчи прощальной;
Священъ для живыхъ предсмертный завѣтъ:
У гробныхъ дверей лицемѣрія нѣтъ!

„О други! уйдетъ ли журавль отъ орла?
Отъ пуль быстроногія козы?
Коль смертная тѣнь мнѣ на сердце легла,
Прильютъ ли дыханія слезы?
О мужъ мой — не плачь: намъ судьба изрекла
И въ бракѣ разлучную долю.
По волѣ твоей я доселѣ жила,
Исполни теперь мою волю.
Покой и завѣтъ нерушимо храня,
На горномъ холмѣ схорони ты меня!“

„Не вѣшай мой гробъ на лѣсной вышинѣ
Духамъ, непогодамъ забавой;
Въ родимой землѣ рой могилу ты мнѣ,
И кровлей замкни величавой.
Вотъ слово еще, роковое оно:
Едва я дышать перестану,
Сей перстень возьми и ступи въ стремено,
Отдай его князь Буйдукапу.
Разгадки жъ къ тому не желай, не слѣди
— Тайна эта въ моей погребется груди!...“

И смерть осѣнила больную крыломъ,
Сомкнулись тяжелыя вѣжды;
Казалось, она забывается сномъ
Въ объятіяхъ сладкой надежды;
Съ дыханіемъ усть замирали слова,
И жизнь улетѣла со звукомъ,

Отпустивъ стрѣлу, какъ звенитъ тетива,
Могучимъ расторгнута лукомъ.
Родныхъ поразилъ изумляющій страхъ...
На сердцѣ тоска, и слеза на очахъ.

Убрали. Подпизки подобіемъ струй
Текутъ на богатыя шубы,
По грусти печать—отъ родныхъ поцѣлуй
Не сходитъ на блѣдныя губы;
Лишь смѣло къ одру подходилъ Буйдуканъ
Одинъ и стопою не зыбкой:
Онъ обнялъ ее не смущенъ и румянъ,
И вышелъ съ надменной улыбкой
И чудилось имъ—Саатыри чело,
Какъ сѣвернымъ блескомъ на мигъ разсвѣло?..

На утро, гдѣ Лена межь башнями горъ
Течетъ подъ завѣсой тумановъ,
И вѣтеръ, будя истлѣвающій боръ,
Качаетъ гробами шамановъ...
При крикѣ родныхъ Саатырь принесли
Въ красивой колодѣ кедровой,
И тихо, разверзтое лоно земли
Сомкнулось надъ жертвою новой.
И дѣвы и жены, и старый и младъ,
Въ улусъ потекли озираясь назадъ.

Вскипѣли котлы, задымилася кровь
Коней—украшенія стада,
И брызжетъ кумысъ отъ широкихъ краевъ,
Онъ счастья и горя услада;
И шумно кругомъ, упоенья кумиръ
Аяхъ*) пробѣгаетъ бездонный,

*) Аяхъ—огромный кубокъ, въ который входитъ ведра полтора.

Ужъ вянетъ заря. Помпнательный пиръ
Затихъ. У чувала*) склоненный
Кругъ сонныхъ гостей возлежитъ недвижимъ,
Лишь въ юртѣ, синѣя, волнуется дымъ.

Осыпаны кудри цвѣтныхъ тальниковъ
Росинками почи осенней,
И вышита зелень холмовъ и луговъ
Узоромъ измѣнчивыхъ тѣней;
Вотъ мѣсяцъ надъ теменемъ сумрачныхъ скалъ
Вспрянулъ кабаргой златорогой,
И лучъ одинокій по Ленѣ упалъ
Видѣньямъ блестящей дорогой:
По мхамъ, по тропамъ заповѣдныхъ полянъ
Мелькаютъ онѣ сквозь прозрачный туманъ.

Что кликнулъ испуганный врань на скалѣ,
Блюститель безмолвія ночи?
Что искрами сыплютъ и меркнутъ во мглѣ
Огнистыя филина очи?
Не адскій ли по лѣсу рыщетъ ѣздокъ,
Заглохшей шаманскою тропкой?
Какъ бубенъ звуча, отражаемый скокъ
Гудитъ по окрестности робкой...
Вотъ кто-то примчался—онъ блѣденъ лицомъ,
Какъ идолъ стоитъ на холмѣ гробовомъ.

И прянулъ на землю; ударъ топора
Раздвинулъ затворъ надъ могилой,
И молвилъ онъ мертвой: „подруга, пора!
Женихъ дожидается милой!
Воскресни для новыхъ веселія дней,
Для жизни и счастія. Кони

*) Чувалъ—каминъ, очагъ.

Умчатъ насъ далеко—и вѣтеръ степей
Завѣетъ слѣды отъ погони.
Притворной кончиною вольная вновь,
Со мной ты найдешь и покой и любовь".

„Ты ль это, о милой? о князь Буйдуканъ!
Какъ вѣчно казалось мнѣ время!
Какъ душно и страшно мнѣ было! Обманъ
На сердце налегъ будто бремя!...
Роса мнѣ катилась слезами родныхъ...
На вѣтрѣ—ихъ стонъ безотрадной!
И черви на мѣсто перстней золотыхъ
Вились—и такъ смѣло, такъ жадно!...
Вся кровь моя стынетъ—а близокъ ли путь?
О милой, согрѣй мнѣ въ объятіяхъ грудь!"

И вотъ поцѣлуевъ таинственный звукъ
Подъ кровомъ могильной святыни,
И сладкія рѣчи... но вдругъ и вокругъ
Слетѣлися духи пустыни,
И трупы шамановъ свились въ хороводъ,
Ударили въ бубны и въ чаши...
Внимая трепещутъ любовники! Вотъ
Имъ вопятъ: „вы наши, вы наши!
Не выдастъ могила схороненный кладъ;
Преступниковъ духи карающъ, казнятъ!"

И падаютъ звѣзды и прыщетъ огонь...
Испуганный адскою ловлей
Храпитъ и кидается бѣшенный конь
На кровлю—и рухнула кровля!
Вдали огласился раздавленныхъ стонъ...
Погибли. Но тѣнь Саатыри

Донынѣ пугаетъ измѣнчивыхъ женъ
По тундрамъ восточной Сибири.
И ловчій, когда разливается тьма,
Въ боязни бѣжитъ роковаго холма.

1828 г.

Шебутуй.

(Водопадъ Станового хребта).

Стенай, шуми потокъ пустынной,
Неизмѣримый Шебутуй,
Сверкай отъ высоты стремнинной
И кудри пѣнныя волнуй!

Туманы, тучи и мятели,
На лонѣ тающихъ громадъ,
Въ гранитной зыбля колыбели,
Тебя перунами поятъ.

Но пробужденный—ты затворы
Льдяныхъ пеленъ преодолѣвъ,
Играя, скачешь съ горъ на горы,
Какъ на ловитвѣ юный левъ.

Какъ лѣтопадъ изъ вѣчной урны,
Какъ неба звѣздомлечный путь,

Ты низвергаешь волны бурны
На халцедоновую грудь.

И надъ тобой краса природы,
Блестя какъ райской птицы хвостъ,
Склоняетъ радужные своды,
Полувоздушныхъ перловъ мостъ.

Орелъ по громовой дорогѣ
Купаетъ въ радугѣ крылѣ,
И серна, преклоняя роги,
Глядится въ зеркальной скалѣ.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрѣй,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустію тѣней.

Катись подъ роковою силой,
Неукротимый Шебутуй,
Твое роптанье—голосъ милой,
Твой ливень—братній поцѣлуй.

Когда громамъ твоимъ внимаю
И въ кудри льется брызговъ пыль,
Невольно я припоминаю
Свою таинственную быль.

Тебѣ подобно, гордый, шумной,
Отъ высоты родимыхъ скалъ,
Влекомый страстію безумной,
Я въ бездну гибели упалъ.

Зачѣмъ же моего паденья,
Какъ твоего паденья дымъ,
Дуга небеснаго прощенья
Не озаритъ лучемъ своимъ!

О жребій! Если въ этой жизни
Не знать мнѣ радости вѣнца
— Хоть поздней памятью обрызни
Могилу тихую пѣвца.

1829 г. Май.

Финляндія.

Посвящено А. А. З.....му.

Я видѣлъ васъ граниты вѣковые,
Финляндіи угрюмое чело,
Гдѣ юное твореніе впервые,
Нетлѣнною развалиной взошло,
Стряхнувъ раменъ Балтическія воды.
Возникли вы, какъ остовы природы!

Тамъ рыщетъ волкъ, отъ глада свирѣпѣя,
На черепѣ тамъ коршунъ точитъ клевъ,
Печальный мохъ мерцаетъ слѣдомъ змѣя,
Трепещетъ ель пролетомъ облаковъ;
Туманы тамъ—утесовъ неизмѣнѣй
И дышутъ вѣкъ прохладою осенней.

Не смущены долины жизни шумомъ;
Истлѣніемъ сѣдѣетъ дальній боръ;

Уснула тѣнь въ величіи угрюмомъ
На зеркалѣ незыблемыхъ озеръ;
И съ крутизны въ пустынные заливы,
Какъ радуги бѣгутъ ключи игривы.

Тамъ силой водъ пробитыя громады
Задвинули порогомъ пѣнный адъ,
И въ бездну ихъ катятся водопады
Гремучіе, какъ воющій набатъ;
Имъ вторитъ гулъ—жилецъ пещеры дальней
Какъ тяжкій млатъ по адской наковальнѣ.

Я видѣлъ васъ! бушующее море
Вздымалося въ губительный потопъ
И мощное, въ неодолимомъ спорѣ,
Дробилося о крѣпость вашихъ стопъ;
Вамъ жаркіе и влажные перуны
Нарѣзали чутъ видимыя руны.

Я понялъ ихъ: на западѣ сіяло
Свѣтило дня, златя ступени скалъ,
И океанъ, какъ вѣчности зерцало,
Его огнемъ живительнымъ пылалъ,
И древнихъ горъ завѣтныя скрижали,
Мнѣ дивныя пророчества роптали!

1829 г.

Черепъ.

опчины памятникъ безгробный!
Скиталецъ—черепъ возвѣсти:
Въ отраду ль сердцу ты поверженъ на пути,
Или уму загадкой злобной?

Не ты ли мостъ, не ты ли первой слѣдъ
Надъ океаномъ правды зыбкой?
Привѣтъ ли мнѣ, иль горестный отвѣтъ
Мерцаетъ подъ твоей ужасною улыбкой?

Гдѣ утаенъ твой заповѣдный ключъ,
Замокъ безсмертныхъ думъ—и тлѣнья?
Въ тебѣ угасъ отвѣтный лучъ,
Окрестъ меня туманъ сомнѣнья.

Ты жизнію кипѣлъ, какъ праздничный фіалъ,
Теперь лежишь разбитой урной,
Вѣнокъ понятія увялъ
И прахъ ума развѣялъ вихорь бурной!

Здѣсь думы въ творческой тиши
Роилися, какъ звѣзды въ поднебесной,
И молнія страстей сверкала изъ души
И радуга фантазіи прелестной.

Здѣсь нѣжный слухъ вкушалъ воздушный пиръ,
Восхищенъ звуковъ стройнымъ хоромъ,

Здѣсь отражался пышный міръ.
Бездоннымъ поглощенный взоромъ.

Гдѣ жъ знакъ твоихъ божественныхъ страстей,
И силъ и замысловъ, грань міра облетѣвшихъ?
Здѣсь только слѣдъ презрительныхъ червей,
Храмъ запустѣнія презрѣвшихъ!!

Гдѣ жъ доблести? отдай мнѣ гроба дань,
Познаній свѣтлыхъ темный вѣстникъ!
Ты ль бытія таинственная грань?
Иль духъ мой вѣчности ровесникъ?

Молчишь! но мысль, какъ вдохновенный сонъ,
Летаетъ надъ своей покинутой отчизной,
И путникъ, въ грустное мечтанье погруженъ,
Дарить тебя землѣ мирительною тризной.

1829 г.

Часы.

И думъ и дѣлъ земныхъ цари,
Часы, вашъ ликъ сіяетъ страшенъ,
Въ коронѣ пламенной зари,
На высотѣ могучихъ башенъ,
И взоръ блюстительный въ мѣди

Горитъ неотразимо вѣрной,
И сердце времени въ безчувственной груди
Чуть зыблется приливомъ силы мѣрной.
Оживлены чугунною стрѣлой,
На васъ таинственные роки,
И оглашаетъ вѣщій бой
Землѣ небесные уроки.
Но блескъ, но голосъ вашъ для вѣтренныхъ племенъ
Звучитъ и озаряетъ даромъ,
Подобно молніи невѣдомыхъ письменъ,
Начертанныхъ предъ Валтазаромъ.
Летучее мгновеніе лови,
Поетъ любимцу голосъ лести:
Въ немъ золото и ароматы чести,
Послѣдній пиръ, свиданія любви
И наслажденья тайной мести.
И въ думѣ нѣтъ, что упованій прахъ
Дыханье времени уноситъ,
Что каждый маятника взмахъ
Цвѣты невѣрной жизни коситъ.
Заботно времени шаги считаетъ онъ,
И бой къ веселію призывный,
Еще не смолкъ металла звонъ,
А гдѣ же ты, мечты поклонникъ дивный?
Окованъ ли безбрежный океанъ
Вѣнцомъ валовъ,—минутной пѣной?
Дѣтямъ ли дней дался побѣдный санъ
Надъ волей вѣка непзмѣнной?
Безуменъ кликъ: хочу, могу.
Вознесъ Наполеонъ строптивую десницу,
Сдержать мечтая на бѣгу
Стремимую вѣками колесницу;
Она промчалась! гдѣ жъ твой мечъ?
Гдѣ прахъ твой, полубогъ гордыни?

Твоя молва—аркань пустыни,
Твой слѣдъ—поля напрасныхъ сѣчь.

. . . . . .

. . . . . .

1829 г.

Сонъ.

—

Зачѣмъ зарницею безъ гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
Въ невозвратимое вчера?
Давно ль на юношу, давно ли,
Обѣтомъ счастія горя,
Цвѣтами радости и воли
Дождила свѣтлая заря?
Давно ль съ родимаго порога
Сманила жизнь на пышный пиръ?
И какъ безгранная дорога
Передо мной открылся міръ!
И случай, преклоняя темя,
Держалъ мнѣ золотое стремя,
И гордо бросивъ повода,
Я поскакалъ, туда, туда!...
Летимъ—сорвалъ бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы
И брызжутъ пламенемъ подковы,
Гремя о плиты и гробы.

Я обезумѣлъ, воздухъ свищетъ
—Все вдаль и вдаль—надежда прочь,
И вотъ на насъ упала ночь,
И подъ скалою бездна прыщетъ,
Надъ головой расшибся громъ,
И конь, и всадникъ, прянувъ съ края,
Кусты и глыбы отрывая,
Въ пучину ринулись кольцомъ.
Замлѣло сердце! вихрь кончины
Мнѣ обуялъ и взоръ и умъ.
Раздавленъ на брегу пучины
Едва я слышу ревъ и шумъ.
Вотъ пабѣгаютъ грозно, жадно,
За валомъ валъ наперерывъ;
Ужъ мой отчаянный призывъ
Стихаетъ—залитъ пѣной хладной.
—И вдругъ съ утеса на утесъ,
Какъ звѣрь, потокъ меня понесъ
. . . . . .
Очнулся я отъ страшной грезы,
Но все душа тоски полна,
И, мнилось, гнутъ меня желѣзы
Къ веслу убогаго челна.
Вдаль, отуманеннымъ потокомъ,
Межъ сокрушающихся льдинъ,
Заботно озираясь окомъ,
Плыву я грустенъ и одинъ.
На чуждомъ небѣ тьма почная;
Какъ сонъ бѣжитъ далекій брегъ,
И шуму жизни чуть внимая,
Стремлю туда невольный бѣгъ,
Гдѣ вѣченъ ледъ, и вѣчны тучи
И вѣчносѣемая мгла,
Гдѣ жизнь, зачахнувъ умерла

Среди пустынь и тундръ зыбучихъ,
Гдѣ небо, степь и лоно водъ
Въ безрадостный сліяны сводъ,
Гдѣ въ пустотѣ блуждаютъ взоры
И даже пѣтъ стопѣ опоры!
Плыву—на тихомъ сердцѣ хладъ,
Дремотой лѣни—тяжки вѣжды,
И звѣзды искрами надежды
Въ угрюмомъ небѣ не горятъ,
Забвенье такъ меня лелѣетъ,
Мечта уснула надъ весломъ,
И время въ тихій парусъ вѣетъ
Своимъ мирительнымъ крыломъ.
Все мертво у меня кругомъ
И близко бездна океана
—Бѣлѣетъ саваномъ тумана.

1829 г.

Пѣсня

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору—
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать!
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко—
Смерти ночь легла въ поле бранное...

Какъ на полѣ томъ брапный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
„Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ:
„Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
„Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ.
„И скажи: цѣпей я нести не могъ...
„Пережить нельзя мысли горестной,
„Что не могъ купить кровью вольности!“

1827 г.

Прокаженный.

Думы.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ;
Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровеннымъ
Граничатъ въ жизни межъ собой.

Въ изодранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшилъ къ играющимъ птенцамъ,
Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги
И радостно на Божій храмъ.

Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
Какъ будто бъ мысль его мгновенно онъ пропикъ;
И человѣчеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ.

На страждущую чернь, чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ вниманіемъ какъ часто онъ глядѣлъ!
На хартію судебъ какъ-будто опираясь,
Онъ что-то высказать хотѣлъ.

Съ молитвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступленныхъ,
Для нашей братіи онъ милостынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ и вдовъ изнеможенныхъ
Рукой изсохшею крестилъ.

И твердый, какъ скала противъ ударовъ грома,
Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ;
Скитаясь по свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ.

Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни
Злодѣю сильному паденье предрекалъ;
Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни
За осужденнаго страдалъ.

Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ
И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы;
Объятья простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ—развалина судьбы.

Таинственный глаголъ, чувствъ праведныхъ избытокъ,
Какъ цѣпи узника, томили старика,
И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
Временъ маститая рука.

Миръ праху твоему! Всевышняго избранникъ,
Предвѣдѣній твоихъ никто не оцѣнитъ,
Лишь я, младой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
Твой подвигъ думаю почтить.

Надпись на могилѣ Михалевыхъ въ Якутскомъ монастырѣ.

Неумолимая, холодная могила
Здѣсь сѣдины отца и сына цвѣтъ сокрыла.
Одинъ подъ вечеръ дней, другой въ полудни лѣтъ
Къ предѣламъ вѣчности пашли незримый слѣдъ.
Счастливцы! Здѣсь и тамъ не знали вы разлуки,
Не знали пережить родныхъ тяжелой муки.
Любовью родственной горѣвшія сердца,
Покой вкусили вдругъ для общаго вѣнца.
Мы плачемъ; но вдали утѣшный голосъ вѣетъ,
Подъ горестной слезой зерно спасенья зрѣетъ,
И всѣ мы свидимся въ объятіяхъ Творца.

1828 г.

Жуковскому.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворецъ
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!...

Г. С. Батенковъ.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ (или Батеньковъ, какъ нѣкоторые пишутъ его фамилію) родился въ Томскѣ (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ Тобольскѣ) 25 марта 1793 г. Въ дѣтствѣ Г. С. былъ очень слабымъ, нервнымъ и воспріимчивымъ ребенкомъ. Впечатлительность Батенкова доходила до того, что онъ, увидавъ однажды, какъ убивали къ столу какую-то домашнюю птицу, получилъ настолько сильное отвращеніе къ мясной пищи, что во всю жизнь питался только овощами, фруктами и молочными продуктами.

Родители Батенкова были люди очень религіозные и не только сами часто ходили къ разнымъ церковнымъ службамъ и посылали туда своихъ дѣтей, но и дома нерѣдко вели бесѣды о разныхъ подвижникахъ. Разсказы о нихъ настолько сильно овладѣли воображеніемъ юнаго Батенкова, что онъ рѣшился однажды избавиться отъ вѣчныхъ мукъ ада, перспектива которыхъ его сильно страшила. Образцомъ былъ взятъ Даніилъ Столпникъ, подражая которому Г. С. взобрался на одинъ изъ столбовъ забора въ огородѣ, съ твердымъ намѣреніемъ про-

стоять на немъ всю жизнь. Подвигъ былъ вскорѣ замѣченъ, и юнаго подвижника, почти потерявшаго сознаніе, съ большимъ удивленіемъ сняли съ забора. Глубокая религіозность во всю жизнь не покидала Батенкова и послужила для него впослѣдствіи, какъ и для многихъ декабристовъ, важной поддержкой въ постигшихъ его невзгодахъ. Родителей своихъ Г. С. потерялъ довольно рано и неизвѣстно, кто занимался его домашнимъ воспитаніемъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи много помогли ему его природная любознательность и недюжинный умъ, такъ какъ гражданской и церковно-славянской грамотѣ онъ выучился самоучкой.

Не сохранилось воспоминаній ни о пребываніи Батенкова въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ и въ Тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, ни о томъ, когда и кѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ во второй кадетскій корпусъ.

Наканунѣ Отечественной войны, 21 мая 1812 г., Батенковъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду, состоявшую въ корпусѣ генералъ-лейтенанта бар. Сакена, и съ нею принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Батенковъ дважды получалъ воинскія награды, причемъ въ сраженіи при Монмирали выказалъ далеко не заурядную храбрость. „Находясь въ аріергардѣ, прикрывавшемъ отступленіе войскъ Сакена, Батенковъ съ своими двумя орудіями такъ упорно и долго держался на позиціи, что былъ окруженъ непріятелемъ, получилъ десять штыковыхъ ранъ и оставленъ замертво на полѣ сраженія. Человѣколюбіе случайно наткнувшагося на него французскаго офицера, высланнаго съ командою для уборки труповъ, спасло Батенкова отъ неминуемой

смерти; онъ былъ отнесенъ въ городской госпиталь, гдѣ и пролежалъ до занятія Монмираля русскими войсками“ [1]).

По возвращеніи русскихъ войскъ изъ-за границы, Батенковъ въ 1816 г. вышелъ въ отставку и, какъ хорошій математикъ, поступилъ вскорѣ въ недавно учрежденное вѣдомство инженеровъ путей сообщенія. Но его честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ создало скоро ему репутацію „безпокойнаго человѣка“ и послужила причиной отправки его въ Западную Сибирь съ званіемъ управляющаго X (не открытымъ еще) округомъ путей сообщенія.

Не имѣя прямыхъ служебныхъ обязанностей, Батенковъ направляетъ свою дѣятельность на учрежденіе въ Томскѣ массонской ложи „Восточное Свѣтило“ [2]) и въ короткое время выказываетъ себя и здѣсь „безпокойнымъ человѣкомъ“.

Такъ, мѣстный губернаторъ подалъ высшему начальству смѣту на постройку какого-то предполагавшагося моста, Батенковъ же берется построить его за полцѣны по сравненію съ губернаторской смѣтой.

Выходка эта едва ли прошла бы безслѣдно для Батенкова, но къ счастію, около этого же времени (въ 1819 г.) въ Сибирь прибылъ новый генералъ-губернаторъ, М. Сперанскій, назначенный также и для изслѣдованія подвиговъ Шестеля, Трескина и ихъ сподвижниковъ по части разоренія Сибири.

Сперанскій вскорѣ обратилъ вниманіе на Батенкова (чему между прочимъ не мало помогла записка, подан-

---

[1]) „Гавріилъ Степановичъ Батенковъ“. („Русск. Стар.“ 1889, 8, стр. 305 и 306).

[2]) Повидимому, еще во время своей строевой службы, Г. С., какъ и многіе другіе молодые люди, былъ массономъ и состоялъ въ петербургской ложѣ „Избраннаго Михаила“, въ союзѣ „Великой ложи Астрей“.

ная ему послѣднимъ въ Тобольскѣ) взялъ его въ свою канцелярію и поручилъ ему собирать отовсюду матеріалъ для мѣстной статистики.

Результатомъ дѣятельности Сперанскаго въ Сибири, задумавшаго преобразовать тамъ всѣ существующія учрежденія, явилось, такъ называемое, „Сибирское учрежденіе“ — проектъ коренныхъ реформъ въ Сибири, и для этого проекта много потрудился и Батенковъ. Но этимъ дѣятельность Батенкова въ Сибири не исчерпывалась. Онъ занимался изысканіемъ пути около озера Байкала, учредилъ первую въ Сибири ланкастерскую школу, составивъ для нея учебники, и подалъ Сперанскому, въ видѣ научныхъ обозрѣній, 7 записокъ.

Сперанскій оцѣнилъ трудолюбіе и способности Батенкова и взялъ его съ собой въ Петербургъ, гдѣ, при его содѣйствіи, началъ составлять отчетъ по сибирскимъ дѣламъ для представленія государю.

Въ Петербургѣ Батенковъ поселился у Сперанскаго, у него обѣдалъ и сдѣлался вскорѣ домашнимъ, своимъ человѣкомъ. Здѣсь, кромѣ занятій по окончательной обработкѣ „Сибирскаго учрежденія“, онъ печатаетъ въ „Сынѣ Отечества“ разныя статьи о Сибири, цѣнность которыхъ видна уже изъ того, что онѣ переводились въ нѣмецкіе журналы.

По возвращеніи государя въ Россію, указомъ 28 іюня 1821 г., былъ учрежденъ „Сибирскій комитетъ“ изъ Сперанскаго, Кочубея, Гурьева и Аракчеева, куда попалъ Батенковъ однимъ изъ дѣлопроизводителей. (Вторымъ былъ назначенъ Цейеръ, уволенный вскорѣ, по болѣзни, за границу, такъ что Батенкову пришлось работать одному). Способности и трудолюбіе Батенкова были оцѣнены, и онъ не только получилъ единовременное вознагражденіе въ размѣрѣ 10 тысячъ ассигнаціями, но и предложеніе отъ всесильнаго графа Аракчеева по-

ступить къ нему на службу по военнымъ поселеніямъ. Батенковъ колебался, но, по совѣту Сперанскаго принялъ предложеніе Аракчеева, выговоривъ себѣ десятитысячное жалованье.

Сначала отношенія къ нему Аракчеева были, видимо, прекрасными, и послѣдній благоволилъ къ нему, называя своимъ математикомъ, но, подъ вліяніемъ разныхъ доносовъ и наговоровъ, которые были не безъ участія въ нихъ начальника штаба военныхъ поселеній, генерала П. А. Клейнмихеля, обстоятельства измѣнились настолько, что Батенковъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ подать въ отставку.

Къ этому же времени относится и вступленіе его въ члены Сѣвернаго общества (не ранѣе, какъ мѣсяца за два до декабрскихъ событій).

По вступленіи въ общество, Батенковъ начинаетъ пользоваться въ немъ извѣстнымъ значеніемъ и, между прочимъ, возбуждаетъ въ декабристахъ надежду привлечь къ ихъ дѣйствіямъ и военныя поселенія, гдѣ было много недовольныхъ. Насколько цѣнили Батенкова многіе изъ членовъ общества, видно изъ того, что, когда возникло сомнѣніе въ согласіи Сперанскаго занять постъ одного изъ членовъ временнаго правленія,—указывали, вмѣсто него, на Батенкова.

Батенковъ былъ и на двухъ послѣднихъ засѣданій членовъ общества, но не принялъ въ нихъ горячаго участія.

Вообще же въ событіяхъ 14 декабря Батенковъ не принималъ какого-либо активнаго участія; въ день 14 декабря его на площади не было, и только черезъ двѣ недѣли послѣ возстанія онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Приговоромъ верховнаго уголовнаго суда отнесенъ въ третій разрядъ государственныхъ преступниковъ и при-

говоренъ, по высочайшей конфирмаціи, къ двадцатилѣтней каторгѣ.

Но, по невыясненнымъ до сихъ поръ обстоятельствамъ, Батенковъ, роль котораго въ декабрскомъ движеніи была, какъ я говорилъ, весьма незначительная, подвергся прямо-таки безчеловѣчному наказанію, именно, двадцатплѣтнему одиночному заключенію [1]).

Сначала его посадили въ финдляндскій фортъ Шварттольмъ, находившійся на Аландскихъ островахъ, гдѣ онъ и просидѣлъ около полугода. Отголоскомъ его настроенія въ этомъ угрюмомъ фортѣ служитъ приведенное ниже стихотвореніе „Одичалый“. Изъ Шварттольма онъ снова былъ перемѣщенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и высидѣлъ до 1846 г.

Посаженный въ небольшой полутемный казематъ, Батенковъ подвергся тамъ большимъ строгостямъ, и на самые обыкновенные вопросы или совсѣмъ не получалъ отвѣта отъ часового, или же одну и ту же фразу — „не велѣно говорить“. Читать ему было разрѣшено только духовныя книги и онъ въ крѣпости принялся за слпченіе Библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ, пользуясь для этого книгами изъ публичной библіотеки.

Въ концѣ концовъ одиночное заключеніе на него такъ подѣйствовало, что умъ его сталъ по временамъ омрачаться. Онъ потерялъ счетъ времени; ему иногда казалось, что онъ уже нѣсколько столѣтій находится въ заключеніи, или — что нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ, не принимая никакой пищи; о многомъ

---

[1]) По этому поводу существуетъ двѣ версіи. Одна—что его, какъ природнаго сибиряка, опасались отправить въ Сибирь, гдѣ онъ имѣлъ большія связи; другая—что, по разслѣдованіи дѣла, оказалась полная невинность Батенкова и его хотѣли совсѣмъ освободить отъ наказанія, но онъ боясь мести декабристовъ, наотрѣзъ отказался отъ помилованія. Гдѣ правда, трудно сказать съ полной достовѣрностью, хотя первая версія кажется мнѣ болѣе правдоподобной, чѣмъ вторая.

совершенно потерялъ понятіе и позабылъ нѣкоторыя слова.

По окончаніи срока заключенія, ему было предложено самому выбрать какой-нибудь городъ въ Сибири, и его выборъ остановился на Томскѣ, куда онъ и прибылъ въ мартѣ 1846 г.

Въ Томскѣ въ немъ приняли участіе нѣкоторыя лица и помѣстили его въ домѣ одного мѣстнаго чиновника, Лучшева. Жизнь Батенкова у Лучшева потекла вполнѣ мирно и покойно. Въ Томскѣ онъ познакомился со всѣмъ высшимъ обществомъ и съ мѣстными денежными тузами, особенно съ Асташевымъ, снабжавшимъ его французскими газетами. Отмѣчу одну характерную особенность Батенкова въ этомъ періодѣ его жизни. Онъ любилъ общество и старался заводить горячіе споры, но не любилъ говорить о политическихъ дѣлахъ и особенно избѣгалъ разговоровъ о декабрскихъ событіяхъ и о своемъ пребываніи въ крѣпости [1]).

Въ 1856 г. Батенковъ воспользовался дарованнымъ декабристамъ манифестомъ этого года правомъ выѣхать изъ Сибири и поселился въ Тульской губерніи, въ селѣ Петрищевѣ, принадлежавшемъ семьѣ его умершаго друга Елагина.

Тяготясь постояннымъ проживаніемъ на чужой счетъ, Г. С. начинаетъ хлопотать о возвращеніи отобраннаго отъ него въ 1825 г. имущества и, на присланныя ему, по повелѣнію государя, деньги, покупаетъ себѣ небольшой домикъ въ Калугѣ. Здѣсь онъ сошелся съ нѣсколькими, проживавшими въ Калугѣ, декабристами и

---

[1]) Только одинъ разъ Батенковъ нарушилъ, въ одну изъ годовщинъ событій 14 декабря, свое молчаніе по этому поводу, но вскорѣ спохватился и закончилъ слѣдующей фразой, важной для характеристики его участія въ этихъ событіяхъ. „Ну, да случись революція тремя днями позднѣе, я уѣхалъ бы въ Москву и моего имени не было бы въ этомъ дѣлѣ".

принималъ живое участіе въ трудахъ губернскаго комитета по крестьянскому вопросу.

Батенковъ, одинъ изъ немногихъ, воспользовался и разрѣшеніемъ (въ 1859 г.) проживать декабристамъ въ столицахъ, и нѣсколько разъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ и, слѣдуя своей страсти къ поѣздкамъ, развившейся въ немъ въ послѣдніе годы его жизни, дѣлалъ поѣздки и въ Варшаву.

Въ 1863 г. Г. С. захворалъ воспаленіемъ легкихъ и въ октябрѣ этого года умеръ на 71-мъ году жизни.

Что касается характера Батенкова, то, говоритъ одинъ его біографъ, „рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ умѣлъ сдерживать свои страсти. Никогда ни о комъ Г. С. не отзывался рѣзко, видимо, со всѣми желая хранить согласіе... Въ молодыхъ лѣтахъ Г. С., при блистательныхъ способностяхъ, обладалъ и замѣчательною усидчивостью въ трудѣ. Свидѣтельствомъ сему служитъ, то, что получивъ относительно скудное образованіе въ тогдашнемъ кадетскомъ корпусѣ, онъ потомъ самъ завершилъ его неустанными занятіями и не только пріобрѣлъ основательныя знанія въ точныхъ наукахъ, но сверхъ того ознакомился съ древними: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками настолько, что свободно дѣлалъ съ нихъ переводы на русскій. По-французски и по-нѣмецки онъ также говорилъ и писалъ. Всѣ эти познанія сохранились въ немъ и послѣ 20-тилѣтняго заключенія въ крѣпости. Все это прошло прахомъ! Въ силу роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, Батенковъ за свое кратковременное и почти случайное увлеченіе поплатился болѣе, чѣмъ который-либо изъ оставшихся въ живыхъ соучастниковъ несчастнаго событія 14 декабря 1825 г.“ [1]).

---

[1]) См. „Гавріилъ Степановичъ Батенковъ“. (Р. Ст. 1889 г., 8, стр. 358).

Стихотвореніе

Г. С. БАТЕНЬКОВА.

Одичалый.

Pour lui il n'y a qu'une saison, celle de la souffrence!

Jacques Arago.

I.

Я прежде говорилъ: „прости!“
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вились на пути,
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый маняъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь „прости“ всему на вѣкъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ!.... да!—для чувства лишь мученій!
Во мнѣ ли оттискъ божества!
Я ль созданъ міра господиномъ?
Создатель — благъ. Ужель ихъ два?
Могу-ль Его назваться сыномъ?...

Шмели покоятся въ дуплѣ,
Червякъ въ пыли по волѣ гнется—
И имъ не тѣсно на землѣ:
Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
Имъ — все! А мнѣ едва во снѣ
Живая кажется природа...
Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзывъ подобнаго мнѣ рода.

———

II.

Вонъ тамъ туманъ густой вдали,
И буря тучами играетъ;
Вода одна, и нѣтъ земли,
Жизнь томно факелъ погашаетъ.
Вонъ тамъ на воздухѣ виситъ,
Какъ страшный остовъ, камень голый,
И—дикъ и пустъ—шумитъ, трещитъ
Вокругъ трущобы лѣсъ сосновый.

Тамъ сѣрый свѣтъ,
Пространства нѣтъ —
И время медленно ступаетъ...
Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ...
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ...
И тамъ уму
Въ тюрьмѣ тюрьму
Еще придумалось устроить...
Легко ему
Во мракѣ — тьму,

Въ тѣснинѣ—тѣсноту удвоить!
Тамъ пушекъ рядъ,
Тамъ ихъ снарядъ;
При каждомъ входѣ часовые.
Кругомъ крутятъ,
Кругомъ шумятъ
Морскія волны лишь сѣдыя.
Куда пойти?
Кому прійти
Сюда, безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти
Къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и приходящихъ.

Все это *тамъ*, друзья, для васъ —
И рѣдко вамъ на мысль приходитъ...
Все это *здѣсь*, друзья для насъ:
Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ
Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый,
И на увлажненныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ.

Живой въ гробу,
Кляну судьбу,
И день несчастнаго рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья?

III.

Скажите: свѣтитъ ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
Имъ дышутъ ли зефиры въ полѣ?
По старому-ль цвѣтетъ весна?
Ужель и люди веселятся?
Ужель *не ихъ* — ихъ не страшитъ?
Другъ другу смѣетъ повѣряться
И думаетъ и говоритъ?...
Не вѣрю. Все перемѣнилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось...
Но, можетъ-быть, лишь для меня!

IV.

Вопъ тамъ, весной,
Земли пустой
Кусокъ вода струей отмыла *).
Тамъ глушь: полынь и мохъ густой —
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой
Прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой

---

*) Противъ Шварттольма, куда былъ заключенъ Батенковъ и гдѣ писалъ онъ это стихотвореніе, недалеко отъ матераго берега есть голый островъ, на которомъ хоронили умершихъ въ этой крѣпости.

Чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится.

Не урна скажетъ, гдѣ лежитъ
Души безсмертной бренна рама;
Не пышный памятникъ стоитъ,
Не холмъ цвѣтистый — влажна яма.
Кто любитъ, не придетъ туда;
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда;
Его могильщикъ позабудетъ.
Здѣсь имя — въ гробовую тьму...
Добра о немъ уже не скажутъ —
И съ удовольствіемъ къ нему
Враги одно лишь зло привяжутъ.
Погибли чувства и дѣла,
Все доброе мое забыто,
И не осмѣлится хвала
Мнѣ приписать его открыто.

Довольно разъ
Къ цѣпямъ у насъ
Себѣ позолить отвращенье,
Сказать... поднять чело на часъ—
И расклокочется гоненье...

Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели
И кожей петопырь шумитъ—
Вотъ пѣснь кругомъ сырой постели.
Песокъ несется, илъ трясется,
Выходитъ паръ изъ мокроты,
И ржавый мохъ въ болото ткется—

Вотъ мнѣ привѣтные цвѣты!
Придетъ холодный Финъ порой—
И, въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
Смутится самой тишиной,
И скажетъ: „Здѣсь пріютъ злодѣя —
Уйдемъ скорѣй, ужъ скоро ночь!
Онъ чудится и въ гробѣ смутой“...
Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
Крестясь, пойдетъ оттолѣ прочь.
О, люди, знаете-ль вы сами,
Кто васъ любилъ, кто презиралъ,
И для чего, подъ небесами,
Одинъ стоялъ, другой упалъ!
Пора придетъ: не лживый свѣтъ
Блеснетъ — всѣмъ будетъ обличенье...
Нѣтъ! не напрасно данъ завѣтъ,
Дано святое наставленье,
Что Богъ — любовь; и вамъ любить
Единый къ благу путь указанъ...
И Тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
Самъ былъ гонимъ, Самъ былъ наказанъ...
Но чѣмъ то сердце будетъ здѣсь,
Которое любить умѣло
И съ юныхъ лѣтъ уже презрѣло
Своекорыстіе и спѣсь?
Что будетъ око прозорливо,
Которое земли покровъ
Такъ обнимало горделиво
И бѣги мѣрило міровъ?
Что будетъ черепъ головной,
Разнообразныхъ думъ обитель?..
Земля смѣшается съ землей,
Истлитъ все время-истребитель!
Но скоро ли? Какъ для меня

Желателенъ конецъ дыханья!
Тлѣнъ благотворнаго огня
Сулитъ покой, конецъ страданья!
Но, други, въ этотъ самый часъ,
Какъ кончу я мой путь печальный,
Быть можетъ, трепетъ погребальный
Раздастся въ сердцѣ и у васъ—
Иль межъ душами нѣтъ сношеній,
И чувства чувство не пойметъ?
Ненужный вамъ для наслажденій,
Равно—живетъ иль не живетъ?

Ужель себя
Однихъ любя,
Во мнѣ лишь средство веселиться
Искали вы, и не скорбя,
Могли на вѣкъ со мной проститься?
И крови гласъ
Ужели васъ
Ко мнѣ порой не призываетъ?
И дружбы жаръ въ *прости* погасъ—
И стону хохотъ отвѣчаетъ?..

Пусть такъ. Забытый и гонимый,
Я сохраню въ груди своей
Любви запасъ неистощимый,
Для жизни новой, послѣ сей!
Вкушайте сильные покой,
Готовьте новыя мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Безсмертіе! Въ тебѣ одномъ
Одна несчастному отрада:

Покой—въ забвеньи гробовомъ
Во упованіи—награда.
Здѣсь все, какъ сонъ, пройдетъ. Пождемъ—
Призывный голосъ навѣваетъ—
Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ,
Жизнь тихо теплится—и таетъ...

1827 г. Май,
Шварттольмъ,
крѣпость въ Финляндіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Эпоха Александра I.

Алфеевъ, А. А. Митрополитъ Серафимъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. (И. Вѣст. 1905, 1).

А. К. Россійское Библейское общество. (Ж. М. Н. Пр. 59 г. ч. CI, стр. 140—144).

Анненкова, П. Е. Разсказы. (Русск. Стар. 1888 г.).

Арсеньевъ, П. Неудачный карьеристъ. Мнимый заговоръ на жизнь Императора Александра I. (И. В. 81, 11).

Бартеневъ, П. Пушкинъ въ южной Россіи. (Р. Арх. 66, 8).

Безобразовъ, В. П. Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке. (Прилож. къ LXII т. „Записокъ Имп. Академіи Наукъ“).

Богдановичъ, М. Дѣтство и юность Александра I. (Р. В. 66, 1).

— Паденіе Сперанскаго. (В. Е. 68, 12).

Богословскій, Н. Аракчеевщина. С.-пб. 82 г.

Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ и его автобіографическія записки. (Р. Ст. 98 г.).

Бумаги кн. Ил. В. Васильчикова съ предисловіемъ сына его А. И. Васильчикова. (О Семеновской исторіи). (Р. Арх. 75, 1 и 2).

Бунтъ Черниговскаго полка въ 1825 и 1826 гг. Современныя бумаги. (Р. Арх. 71 г. стр. 257).

См. также: „Изъ Воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола“ (о бунтѣ Черниговскаго полка). (Р. Арх. 71 г., стр. 229) и „изъ записокъ Гебеля“, (Р. Арх. 71 г., стр. 1717).

Бычковъ. Настасья Осдоровна Минкина—домоправительница графа Аракчеева. (Р. С. 84, 3).

Бѣловъ, Е. Императоръ Александръ Первый. Ист. оч. (Д. Н. Р. 77, 12).

Бѣлоголовый, Н. А. Воспоминанія и др. ст. (М. 97 и 98 г.).

В-нъ, А. (Пыпинъ, А). Меценаты и ученые Александровскаго времени. (В. Е. 88, 10).

Веневитиновъ, М. А. Романъ декабриста. (Рус. Мысль 1885 г. октябрь). (О К. П. Ивашевой).

Воспоминанія С. В. Скалонъ. (П. В. 91, 7).

Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона. (Р. Арх. 84, т. I и II).

Воспоминанія Николая Игнатьевича Шешина. (Р. Арх. 1880, т. III).

Воспоминанія очевидца. Военныя поселенія при графѣ Виттѣ. (Др. и Нов. Рос. 80 г., кн. VII).

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. (Р. Ст. 74, 12). (Очерки петербургской жизни 1818—1832 г.).

Всеподданнѣйшая записка гр. Кочубея 28 марта 1806 г. (Сборн. Имп. Р. Ист. Общ. т. 90).

Вступленіе на престолъ Императора Николая Перваго (изъ записокъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго). (Р. Ст. 1890, 11).

Кн. П. А. Вяземскій. Жуковскій какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ. (Р. Арх. 1876, 1).

Граббе. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. (1809—1831 г.). Разсказы очевидцевъ о бунтѣ воен. поселянъ. Истор. обзоръ устройства военныхъ поселеній. Переписка гр. Аракчеева. (Изд. Р. Ст. Спб. 71 г.).

— Графъ Аракчеевъ въ 1822—1826 г. Восп. (Р. Ст. 75 г., 1).

Голодниковъ, К. М. Государственные политическіе преступники въ Ялуторовскѣ и Курганѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній). (И. В. 88, 12).

Г—фовъ, А. Направленіе идей и просвѣщенія при Александрѣ I. (Вс. Тр. 67 г., 6).

Гречъ, Н. Записки недекабриста. Берлинъ 62.

Гриббель, А. Новгородскія военныя поселенія. (Р. С. 85, 1).

Горнфельдъ, А. „Русскія женщины“ Некрасова. (Р. Б. 904, 4).

Деменковъ. 14 декабря 1825 г. на петербургскихъ площадяхъ, (Р. Ст. 77, 3).

Донесеніе слѣдственной коммиссіи. (30 мая 1826 г.). Печатано по Высочайшему повелѣнію.

Донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ. (Р. Арх. 1875, 3).

Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета. (22 дек. 1826 г.—3 янв. 1827 г.).

☞ См. также въ Р. Арх. 75 г. т. III: „Приложеніе къ докладу слѣдственной коммиссіи о тайныхъ обществахъ открытыхъ въ 1825 г.“.

Дружининъ, В. П. Памяти графа М. М. Сперанскаго. (И. В. 89, 1).

Дубровинъ, Н. Сербскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I. (Р. В. 63, 7, 8).

— Наполеонъ въ русской литературѣ. (Р. В. 95, 4).

Дубровинъ, Н. Русская жизнь въ началѣ XIX ст. (Р. Ст. 98, 12; 99, 1—4, 6, 8; 1900, 9—11; продолженіе въ 1901 г.).

— Наши мистики-сектанты: I. А. Ѳ. Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“. (Р. Ст. 94 9—12; 95, 1, 2).

— Наши мистики-сектанты: II. Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій. (Р. Ст. 95, 10—12; 96, 1, 2).

— Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіи императора Александра I. Спб. 83 г.

— Отечественная война въ письмахъ современниковъ. (1812—15). Спб. 82 г.

— Послѣ отечественной войны (Р. Ст. 1903, 11, 12; 1904, 1, 3, 4).

— Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ. (Р. Ст. 1902 г.).

Европеусъ, II. Воспоминанія о графѣ Аракчеевѣ 1820—1832 г. (Р. Ст. 72, 9).

Esneaux et Chennechot. Histoire philosophique et politique de Russie, depuis les temps les plus réculés jusqu'à nos jours. Paris 1828—30.

Ероникинъ, В. М. День 14 декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ. Разск. очевидца. (Р. Ст. 85, 4).

Ефимовъ, И. Декабристы, ихъ разселеніе и жизнь въ Сибири. (Замѣчанія на воспоминаніе К. Ф. Львова). (Р. Арх. 85, 12).

Жихаревъ, С. П. Записки современника съ 1805—1819 г. Ч. I. Дневникъ студента (1805—1807). Ч. II. Дневникъ чиновника (1807—1817). М. 90 г.

Z. 14 декабря 1825 года. (Р. Ст. 85, 9).

Заблоцкій-Десятовскій, М. Графъ Киселевъ и его время. 2 т. Спб. 86—91 г.

Замѣтки фонъ Герлаха о пребываніи въ Петербургѣ съ 18 января по 8 апр. 1826 г. Пер. съ нѣм. Сообщ. Н. П. Ореусъ. (Р. Ст. 92, 2).

Записки о Муравьевской школѣ колонновожатыхъ. (Р. Арх. 68 г. стр. 793).

Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, составленная въ 1821 г. (Р. Арх. 75 г. т. III, стр. 423—430).

Записки В. П. Фелькнера о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. (Р. Ст. 70, 2).

Записки А. Я. Протасова о воспитаніи Вел. Князя Александра Павловича. (Д. П. Р. 80 г., кн. VIII).

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (1811—1813). (Р. Арх. 85, 9—12; 86, 1, 2, 4, 5, 11).

Записки Лагарпа. О воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей. 1786—1789 г. (Р. Ст. 70, 1, 2).

Записки Александра Ивановича Михайловскаго-Данилевскаго. О вступленіи на престолъ Императора Николая I. (Р. С. 90, 11).

Записки А. О. Смирновой. (Неизданные исторические документы). I. Вмѣсто предисловія. О. Смирновой. II. Изъ записныхъ книжекъ Александры Смирновой, урожденной Россетъ. 1824—1845 г. (С. В. 93, 2—12).

— Тоже ч. I, изд. ред. Сѣв. В. Спб. 95 г.

Записки полковника П. Ѳ. Вадковскаго о событіяхъ въ старо-семеновскомъ лейбъ-гвардіи полку 1820—22 г. (Р. Ст. 73, 7).

Записки академика А. А. Витберга 1813—1824 г. (Р. Ст. 72, 5). (Записаны со словъ Витберга Герценомъ въ Вяткѣ).

Записки Д. П. Рунича. (Р. Об. 90, 8—10).

Записки архимандрита Фотія (автобіографія). (Р.

Ст. 94, 3—5, 7, 9, 10; 95, 2, 3, 7, 8, 11, 12; 96, 7, 8).

Записки А. С. Шишкова, мнѣнія и переписка, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. 2 т. Берлинъ 70 г.

Записки А. М. Тургенева. (Р. Ст. 85, 9—12; 86, 1, 10; 87, 1, 2; 89, 2, 4).

Записки гр. Ѳ. В. Растопчина. Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ. Пер. съ франц. подлин. рукоп. И. И. Ореусъ. (Р. Ст. 89, 12).

Изъ воспоминаній Л. Ѳ. Львова. Декабристы въ Сибири. (Р. Арх. 85, 1).

Пкопиковъ В. Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія, сост. по печат. и рукописнымъ источникамъ. Изд. Кожанчикова. Спб. 73 г.

Имеритинскій Н. Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ-вѣшатель (Виленскій) въ главнѣйшія эпохи дѣятельности, государственной и общественной. По новѣйшимъ библіографическимъ даннымъ. (Рус. Обозр. 92, 6).

— Воспоминанія о графѣ М. Н. Муравьевѣ. (И. В. 92, 12).

Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье. (Р. Ст. 77, 12).

Императоръ Николай I и семейство декабриста П. А. Анненкова. (Русс. Ст. 1901 мартъ; объ Т. Е. Анненковой).

Исповѣдь Шервуда. (Ист. Вѣст. 1896 г. 1. См. также „Шервудъ. (Изъ записокъ генералъ-майора Б.-Ш.)“ Берлинъ 1860 г.).

Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ разныхъ лицъ П. Ѳ. Карабановымъ и другими: время и люди эпохи Александра I. (Р. Ст. 72, 6 и 11).

Казнь декабристовъ. (Др. и Нов. Рос. 80 г. кн. III).

Каратыгинъ, П., Бенкендорфъ и Дубельтъ. (П. В. 87, 10).

Карцовъ, П. Событіе въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку въ 1820 г. (Р. Ст. 83, 3, 4).

— Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ въ царствованіи Павла и Александра I. 1796—1825 г. (Р. Ст. 83, 5).

— О военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ. (Р. В. 90, 2—4).

Карновичъ, Е. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря. Біограф. оч. (Р. Ст. 75, 7, 8).

— Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Р. Ст. 77, 6—9, 11; 78, 1—3 и отд. изд. А. Суворина. Спб. 99 г.).

Кирпичниковъ, А. Новые матеріалы для исторіи Арзамаса. (Р. Ст. 99, 5).

Ковалевскій, Е. Графъ Блудовъ и его время. Спб. 66 г.

Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. Изд. исправленное. Съ 3 портретами. Спб. 61 г.

— Восшествіе на престолъ Имп. Николая I. 5-ое дополн. изд. Спб. 57 г.

Кочубинскій, А. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса 88 г.

Къ исторіи Библейскихъ Обществъ въ Россіи. Письма съ примѣчаніями отца М. Я. Морошкина. (Р. Арх. 68 г.).

Къ исторіи 14 декабря 1825 г. Изъ воспоминаній петербургскаго сторожила (сообщилъ Батуринскій). (И. В. 904, 1).

Л. А. Памяти Василія Назарьевича Каразина. (И. В. 92, 12).

Лажечниковъ, И. Какъ я зналъ М. Л. Магницкаго. (Р. В. 66, 1).

Липранди, П. Изъ дневника и воспоминаній. (Р. Арх. 66, 8—10).

Листовскій, И. Біографія графа П. В. Завадовскаго, Екатерининскаго любимца и перваго министра народнаго просвѣщенія. (Р. Ар. 83, 3).

Лонгиновъ, М. Графъ Сперанскій. (Р. В. 59, 10).

— Матеріалы для литературнаго общества Арзамасъ. (Совр. 56, 8).

Малышинскій А. Высшая полиція при Александрѣ I. (И. В. 89, 1).

Максимовъ, С. Сибирь и каторга. Т. III. Спб. 91 г.

Матеріалы для русской исторіи за первую половину XIX в. донесеніе слѣдст. комиссіи по дѣлу декабристовъ. (Р. Арх. 81 г., т. II).

Миропольскій, С. Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ. Біограф. оч. (В. Ев. 78, 11, 12).

Михайловскій-Данилевскій. Воспоминанія. (Р. В. 1890 г.).

М. М. Аракчеевская переписка. (В. Е. 70, 8, 9).

Морозовъ, П. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. (Гр. Д. Ив. Хвостовъ). (Р. Ст. 92, 6—8).

Мордовцевъ, Д. Русскія женщины новаго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. III. Женщины XIX в. Спб. 74 г.

— Одинъ изъ Лже-Константиновъ. Матеріалы для исторіи народныхъ движеній. (О. З. 69, 10).

Морошкинъ, М. Іезуиты въ Россіи. Ч. II. Исторія іезуитовъ въ царствованіе Александра I. Спб. 90 г.

Назимовъ, М. Въ провинціи и въ Москвѣ съ 1812 по 1826 г. Изъ воспоминаній сторожила. (Р. В. 76, 7).

Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ. О политическихъ взглядахъ Каразина. (В. Евр. 93, 2).

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. Статьи и матеріалы В. И. Семевскаго, В. Богучарскаго и И. Е. Щеголева. Изд. М. В. Пирожкова 1905 г.

Оды на восшествіе на престолъ Имп. Александра I. (Р. Ст. 1877 г. т. 20).

Ореусъ, И. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ 1804—1873 г. (Р. С. 88, 4, 10; 89, 3, 5, 6, 7, 8, 11; 90, 2).

— П. Трощинскій 1757—1829 г. Біографическій очеркъ. (Р. Ст. 82, т. XXXIV).

Орловъ, М. Ѳ. Капитуляція Парижа въ 1814 г. (Р. Ст. 77 г. т. XX, стр. 633—662).

О немъ біограф. зам. М. Н. Орлова, съ прим. П. Ефремова. (Р. Ст. 72 г. т. V, стр. 775—781, и замѣтка въ Р. Ст. 78 г. т. XXI).

Панаевъ, В. И. Воспоминанія. (В. Е. 67, 3 и 4. Продолженіе „Воспоминаній", въ Р. Ст. 92, 11, 12; 93, 2 и 1901, 6).

Первольфъ, I. Императоръ Александръ I и славяне. (Д. Н. Р. 77, 12).

Переписка Великаго князя Константина Павловича, съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ. (1826—28 г.) (Р. Арх. 84, 6).

Петербургское общество при восшествіи на престолъ Имп. Николая I. По донесеніямъ М. М. Фока А. Х. Бенкендорфу. (Толки и настроенія умовъ въ Петербургѣ 1826 г. по донесеніямъ агентовъ тайнаго надзора. Р. Ст. 81, 9—11).

Письма Императора Александра Павловича къ маркизу Паулучи. (Р. Арх. 86, 5).

Письмо Николая Павловича къ гр. П. П. Потемкиной (1826 г.). Объ его отношеніяхъ къ заключеннымъ по дѣлу 14 декабря. (Р. А. 75 г.).

Письма В. О. Растопчина къ Императору Александру Павловичу въ 1812 г. (Р. А. 92, 8).

Письма А. И. Мордвинова къ А. Х. Бенкендорфу. 1832—37 г. (Р. Ар. 86, 11).

Погодинъ, М. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. (Р. В. 63, 8—12).

Поповъ, Н. Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани съ 1805 по 1834 г. (Р. В. 59 г.).

Процессъ декабристовъ. М. 1905 г.

Пыпинъ, А. Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. (В. Е. 72, 1, 2, 7, 11).

— Времена реакціи. (1820—1830 г.) (В. Е. 69, 11, 12).

— Госпожа Крюднеръ. Біографич. очеркъ. (В. Е. 69, 8, 9).

— Александръ I и квакеры. (В. Е. 69, 10).

— Новые мемуары Александровской эпохи. (В. Е. 87, 12).

— Библейская секта 20-хъ годовъ. (В. Е. 71, 3).

— Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. (Прилож. библіографія о декабристахъ).

— Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 2-е. Спб. 1890 г.

— Россійское библейское общество. 1812 — 1826 г. (В. Е. 68, 8, 9, 11, 12).

Путешествіе Императора Александра I по Финляндіи въ 1819 г. (И. В. 83, 10).

Путята, Н. Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра I. (Сборникъ Бартенева. Т. I).

Раевскій, А. О. Воспоминанія о походахъ 1813—1814 г. М. 1822 г.

Разсказы князя А. Н. Голицына. Александръ I и его время. (Р. Ст. 84, 1).

Романовичъ, П. Разсказы бывшихъ военныхъ поселянъ о гр. Аракчеевѣ. (Р. Ст. 87, 8).

Русскій театръ при Александрѣ I. (Р. С. 72, 6).

Смирновъ, С. Одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго. (Р. В. 66, 1).

Сиповскій, В. М. Н. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“. Спб. 99 г. (Изъ извѣстій. Р. Отд. Ак. Н. 97 г.).

Семевскій, В. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в. (См. „Ист. Обоз.“ т. IX. Спб. 97 г. стр. 377).

— Крестьянскій вопросъ въ царствованіи имп. Александра I. (Р. М. 83, 10—12; 84, 2, 3).

Слонимскій. Политическіе взгляды Пушкина. (И. В. 905, 6).

С. М. Два дѣла Александровской эпохи. (В. Е. 78, 1).

Соловьевъ, Вл. Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. (В. Е. 89, 5, 6, 11, 12).

Соловьевъ, С. Россія и Европа, въ первой половинѣ царствованіи Александра I. (В. Е. 77, 5, 8, 11).

— Александръ I. Политика, дипломатія. Спб. 77 г.

Сперанскій, М. 1) Пермское письмо его къ Александру Павловичу, 2) Оправдательная его записка. (Р. Арх. 92, 1).

Студенкинъ, Г. И. Печатное дѣло въ Спб. въ 1802—1811 г. (Р. Ст. 84 г. т. XLI).

— Высылка изъ Россіи членовъ „Общества свиней“ въ 1824 г. (Р. Ст. 81 г. т. XXXI).

Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка. (Р. Ст. 91, 8).

Стурдза, А. Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе Александра I. (Москвит. 51, 11).

Сухозанеттъ. 15 декабря 1825 г. (Р. Ст. 77, 3).

Сухомлиновъ, М. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіи имп. Александра I. (Ж. М. Н. П. 66, 4, 11, 12).

— Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію 2 т. Спб. 89 г.

Сушковъ, Н. Изъ записокъ о времени Александра I. (В. Ев. 67 г.).

Татищевъ, С. Воцареніе императора Николая по неизданнымъ источникамъ Парижскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (Р. В. 93, 3, 4, 5).

Театръ и общество въ Петербургѣ въ царствованіе Александра I 1818 — 1825 г. и день 14-го декабря (Воспоминанія П. Каратыгина). (Р. Ст. 75, 12).

Терновскій, Ф. Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи. (Тр. К. Дух. Ак. 63 г. т. III).

Тимирязевъ, В. Піонеры просвѣщенія въ западной Сибири. (Декабристы: Якушкинъ, Муравьевъ и др.). (И. В. 96, 5, 6).

Три бесѣды князя Адама Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ Павловичемъ о дѣлахъ польскихъ 1809—1810 г. (Р. А. 90, 9).

Тургеневъ, Н. И. въ своемъ оправданіи. (Р. Стар. 1901, 8).

— La Russie et les Russes. Paris 1847 г.

Уманецъ, Ѳ. Александръ I и русская партія въ Польшѣ. (И. В. 83, 10).

Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи и доносы на арзамасцевъ и лицей. (Р. Ст. 77 г. т. XVIII).

Успенскій, М. И. Еще о религіозныхъ убѣжденіяхъ декабристовъ. (Вѣра и Раз. 900, 8).

Фелкперъ, В. И. О событіяхъ 14-го декабря 1825 г. (Р. Ст. 70, 2).

Филимоновъ, В. Арестованіе Сперанскаго. Матеріалы для его біографіи. (Заря 72, 1).

Филипсонъ Воспоминанія. М. 85 г. (также Р. Арх. 83—84 г.).

Фирсовъ, Н. Отношенія Англіи и Россіи въ царствованіе Александра I. (Д. Н. Р. 78, 3).

Фонъ-деръ-Ховенъ. Мое знакомство съ декабристами и другими замѣчательными личностями, служившими рядовыми въ кавказскихъ войскахъ 1835—36 г. (Д. Н. Р. 77, 1 и 2).

Фроловъ, А. Ф. Воспоминанія и замѣтки. (Р. Ст. 82, 5, 7).

— Возраженія Завалишину. (Р. Ст. 1885, 5, 6).

Хинъ, М. М. Жены декабристовъ. (И. В. 1884 г. стр. 650—683, съ библіогр. списком).

Хрущевъ, П. Александръ I. Очеркъ отношеній къ нему русскихъ писателей. Кіевъ 78 г.

Шашковъ, С. Недуги русскаго общества. (Д. 73 г.).

— Шишковъ и Мордвиновъ. (Д. 80, 9).

— Русскія реакціи въ XVIII в. и въ началѣ XIX в. (Д. 70, 6). (См. также томъ II его сочиненій. Изд. О. Поповой. Спб. 98 г.).

Шашковъ, С. Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX в. (Д. 71, 5).

— Эпоха Бѣлинскаго. (Д. 77, 1 и 80, 11).

Шелгуновъ, Н. Попытки русскаго сознанія. (Собр. соч. Т. I и Д. 74, 1, 2).

Шильдеръ, Н. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе Александра I. 1806 - 1815 г. (Р. Ст. 88, 1, 2; 89, 1; 90, 1).

— Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г. (Р. Ст. 82, 7).

— Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. 4 т. Спб. 1897—98 г.

— Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Т. I.

Шишковъ, А. адмир. Записки. М. 69 г.

Шолковичъ, С. О тайныхъ обществахъ сѣв.-запад. края при кн. А. А. Чарторыйскомъ. (См. „Памятники новой русской литературы". Т. II. Изд. Кашпирева. Спб. 72 г.).

Щебальскій, П. Военныя поселенія и графъ Аракчеевъ. (Р. В. 71, 10).

— Матеріалы для исторіи русск. цензуры. (Бес. общ. люб. росс. слов. 71 г. вып. 3, стр. 27).

— А. С. Шишковъ, его союзники и противники. (Р. В. 70, 11).

Щегловъ, В. Г. Государственный совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I. Спб. 1895 г.

Щеголевъ, П. Е. А. С. Грибоѣдовъ и декабристы. Изслѣдованіе (по архивнымъ даннымъ). Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905 г.

— О „Русскихъ женщинахъ" Некрасова въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ де-

кабристовъ. (Приложена библіографія о женахъ декабристовъ). („Къ свѣту" сборникъ. Спб. 1904 г.).

Южаковъ, С. Паденіе Сперанскаго. Эпизодъ изъ ист. XIX вѣка. (Р. М. 90, 11).

Ядринцевъ, Н. Сперанскій и его реформы въ Сибири. (В. Е. 76, 5, 6).

Якушкинъ, В. Изъ литературной и общественной исторіи 20—30-хъ годовъ. (Р. Ст. 88, 10—12, 89, 2, 7).

— Сперанскій и Аракчеевъ. Спб. 1905 г.

Якушкинъ, Е. Съѣздъ членовъ „Союза благоденствія" въ 1821 г. (Р. Ст. 72 г. т. VI, стр. 597—602; см. также Р. Ст. 73 г. т. VII стр. 371—75.)

Декабристы.

Басаргинъ, Н. В. Записки. (См. „Девятн. вѣкъ" Бартенева 72 г. кн. I).

Батенковъ, Г. С. Повѣсть собственной жизни. (Р. Арх. 81 г. т. II).

См. Разсказы о декабристѣ Батенковѣ Р. Арх. 81, 3 и 86, 2. Также ст. въ Р. Ст. 89 г. 8 (самая подробная ст. о немъ).

Александръ Бестужевъ на Кавказѣ. (Р. В. 1870, 6).

Берже, А. П. А. А. Бестужевъ въ Пятигорскѣ. (Р. Ст. 1880, 10).

Бестужевъ, М. А. Дѣтство и юность Марлинскаго. (Р. Сл. 60, 12).

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. Изд. Пирожкова. Спб. 1904 г.

(О Бестужевыхъ, Корниловичѣ и Волконскомъ).

Венгеровъ, С. А. А. Бестужевъ. См. „Крит.-біограф. слов." т. III, стр. 147—177. (Біографія и сводъ библіограф. данныхъ).

Знакомство Бестужева съ Грибоѣдовымъ. (О. З. 60, 10).

Ивановъ, Ив. Исторія русской критики. Ч. II. Спб. 98 г. (Критическія статьи Бестужева-Марлинскаго, стр. 445—453 и М. Б. 97, 12).

Изъ бумагъ Н. И. Греча. Письмо Бестужева къ Андрееву. (Р. Арх. 69, 3).

Письма А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ. (Р. В. 61, 3, 4).

Русскіе дѣятели въ портретахъ. Изданіе журнала „Русская Старина" (второе собраніе), статья „Михаилъ Александровичъ Бестужевъ".

Савиновъ, В. Куда дѣвался Марлинскій. („Семейный Кругъ" 1858—59 г. № 1, стр. 20—21).

Семевскій, М. Бестужевъ въ Якутскѣ. Неизданныя письма его къ роднымъ. 1827—1829 г. (Р. В. 70, 5).

— А. Бестужевъ на Кавказѣ. 1829—1837 г. Неизданныя письма его къ матери, сестрамъ и братьямъ. (Р. В. 70, 6 и 7).

— А. А. Бестужевъ. (О. З. 60, 5—7).

Шашковъ. А. А. Бестужевъ-Марлинскій. (Дѣло 1880 г. 11). (Библіографія о Марлинскомъ, см. также у Мезіеръ „Русская словесность", т. II, стр. 215—217).

Бестужевъ, Мих. Записки. (Р. Ст. 70 г.).

— Ник. Отрывки изъ записокъ. (Пол. Звѣз.

61 — 62 г. О немъ см. также ст. М. Семевскаго въ „Зарѣ“ 69 г. 7).

Записки декабриста Н. А. Бестужева. (Ист. Вѣст. 1904, 4).

Бестужевъ, Н. Морскія сцены, повѣсти и разсказы стараго моряка. М. 74.

Венгеровъ, С. Критико-біогр. словарь, т. III (о Н. Бестужевѣ).

Максимовъ. Николай Александровичъ Бестужевъ. (Наблюдатель 1883, 3).

„Павелъ Александровичъ Бестужевъ“. (Р. Ст. 1886, 9).

Бѣляевъ, А. И. Пережитое и перечувствованное съ 1803 г. (Р. Ст. 80 г. т. XXIX; 81 г. т. XXX—XXXII; 82 г. т. XXXV — XXXVI; 84 г. т. XLII).

Вышло отд. изд. Воспоминаніе декабриста о переж. и перечув. Спб. 84 г

Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Изд. ж. „Рус. Архивъ„ дополненное съ подлинной рукописи. 7 частей. Спб. 91—93 г.

Волконскій, С. Г. Записки. Спб. 1901 г. (Изд. 2-ое. Спб. 1902 г.).

Дубровинъ, Н. Князь Волконскій и его донесенія изъ Польши. (В. Е. 68, 11, 12).

Письмо Волконскаго къ Закревскому. (Р. Арх. 1870, стр. 630).

Записки княгини Маріи Николаевны Волконской съ предисловіемъ и приложеніями издателя, князя М. С. Волконскаго. Спб. 1904. (О нихъ см. отзывъ В. Богучарскаго въ библ. отд. М. Б. 1904, 5).

Веневитиновъ, М. А. Проводы кн. М. Н. Волконской въ Сибирь 27 декабря 1826 г. (Р. Ст. 75, 12).

Якушкинъ, В. Записки кн. М. Н. Волконской. (Р. Вѣд. 904 г. № 101).

Гангебловъ, А. Р. Воспоминанія декабриста. (Какъ я попалъ въ декабристы и что затѣмъ послѣдовало). (М. 88 г. Также Р. Арх. 88 г. т. II. По поводу воспоминаній Гангеблова см. Р. Арх. 86 г. II).

Горбачевскій, И. И. Записки. (Р. Арх. 82 г. т. I и II).

См. также „Декабристъ И. И. Горбачевскій". (Р. Арх. 82 г. т. II).

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по оффиціальн. документамъ. М. 95 г. (Изд. 2-е. Спб. 1905 г.).

Завалишинъ, Д. И. Замѣтки о рукописной литературѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. (И. В. 80, 1).

— Дѣло о колоніи Россъ. (Р. В. 66, 3).

— Сухоруковъ и Корниловичъ. (Д. Н. Р. 78, 6)

— Декабристы. (Р. В. 84, 2).

— Петербургскія легенды и событія въ 1825 г. (Д. Н. Р. 79 г. кн. XI).

— Декабристъ Н. С. Лукинъ. (И. В. 80, 1).

— Декабристы въ Читѣ и Петровскѣ. (Р. Ст. 81, 10).

— Отрывки изъ записокъ. (Др. И. Р. 79, 2, 3).

Карасевъ, А. Алекс. Осип. Корниловичъ, издатель истор. сборн. „Русская старина" въ 1824—25 г. (Р. Ст. 78 г. т. XXIII).

О Корниловичѣ см. въ „Запискахъ" Розена, Греча, въ воспоминаніяхъ Шенига. (Р. Арх. 80 г. III, стр. 298—301).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. 1797 — 1846. Біографическій очеркъ и переписка съ литераторами 1817—1825 г. Сообщ. Ю. В. Косовъ. (Р. Ст. 75, 7).

Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1837—1845 г. (Р. Ст. 75, 8, 9; 83, 7, 8; 84, 1, 2; 90, 8; 91, 10).

Кюхельбекеръ, В. К. Письмо къ В. А. Жуковскому. (Р. Ст. 78 г. т. XXII).

— Письма къ Пушкину (1828 —1836) и Дельвигу (1830). (Р. Арх. 81, 1).

— Избранныя стихотворенія (заграничное изданіе 1880 г. безъ обозн. мѣста).

Завалишинъ, Д. В. К. Кюхельбекеръ. (Др. и Нов. Росс. 78, 2).

Муравьевъ-Карскій. Записки (о поединкѣ В. Кюхельбекера съ Похвисневымъ). (Р. Арх. 88, 2).

Поимка В. К. Кюхельбекера (два распоряженія цесаревича Константина Павловича). Съ предисловіемъ М. Ѳ. Шугурова. (Р. Арх. 70 г.).

Приключеніе съ В. К. Кюхельбекеромъ. Сообщ. Н. А. Поповъ. (Р. Арх. 80, 1).

Лореръ, Н. И. Разсказы и воспоминанія. (Р. Арх. 72 г., стр. 2361 - 68).

— Записки. (Р. Арх. 74, 2).

Лунинъ, М. С. Взглядъ на тайное общество въ Россіи 1816—26 г. (Пол. Зв. 59 г., V).

См. также его „Письмо къ сестрѣ“ (Пол. Зв. 71 г. VI, стр. 41—61 и ст. о немъ Д. Завалишина. „Декабристъ М. С. Лунинъ“. П. В. 80, 1).

Воспоминанія М. И. Муравьева-Апостола, записанныя А. П. Бѣляевымъ. (Р. Ст. 86, 9).

Муравьевъ-Апостолъ, М. И. Изъ воспоминаній. (Р. Арх. 71 г.).

Муравьевъ, М. Н., какъ авторъ устава Союза Благоденствія. (Р. Ст. 73, 8).

О немъ же см. Кропотовъ, Д. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева". Спб. 74 г.: „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—21 г." Сооб. бар. Розенъ. (Р. Ст. 84 г. т. XLI. стр. 61—70).

Кропотовъ. Изъ біографіи графа Михаила Николаевича Муравьева. (Р. В. 1874, 1).

Карновичъ, Е. Раздумье надъ записками графа М. Н. Муравьева. (Наб. 83, 11 и 12).

Розенъ, А. М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ. (1816—21). (Р. С. 84, 1).

Оболенскій, Ев. П. Воспоминанія. (См. журн. „Будущность". Изд. въ Парижѣ 1861 г. 9 — 12; также „Русск. Загр. Сборн." ч. IV, тетр. V, 61 г.).

О немъ ст. Розена въ газ. „День" 65 г., 18; Геннади въ Р. Арх. 67 г. стр. 970. Переписка его съ Н. Н. Ростовцевымъ. Р. Арх. 73, 1. Также ст. В. А. Апушкина. „Декабристъ Е. П. Оболенскій и его неизданное письмо къ отцу". В. Вс. Инст. 1900 г. 4 (мартъ).

Головинскій, М. В. Декабристъ князь Е. П. Оболенскій. (Пять неизданныхъ писемъ и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія). (П. В. 90, 1).

Одоевскій, А. П. Полное собраніе стихотвореній. Собр. бар. А. Е. Розенъ. Съ дополн. и примѣч. издателей, портр. и факсимиле кн. А. Одоевскаго. Спб 83.

— Сочиненія. Съ біогр. очеркомъ и примѣч. составлен. М. Н. Мазаевымъ. Изд. Е. Евдокимова. Спб. 93 г.

Одоевскій, А. И. Полное собраніе стихотвореній. М. 1890 г. (Издатель не обозначенъ).

Письма Ивана Одоевскаго (отца) и А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову 1837 и 1839 гг. (Р. Ст. 70, 1).

Сироткинъ, А. Князь А. И. Одоевскій. (И. В. 83, 5).

Пестель, П. И. Бумаги Б. П. Шестеля. (Р. Арх. 75 г., стр. 369—423).

Заблоцкій-Десятовскій. Гр. П. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1882 г. (Объ отношеніяхъ Киселева къ Пестелю).

Пущинъ, И. И. Записки. (Ат. 59, 8).

Неизданныя мѣста изъ записокъ см. въ Пол. Звѣздѣ 61 г. VI, стр. 105—118. О Пущинѣ см. Библ. Зап 58 г., стр. 251—53. Письмо его къ Е. А. Энгельгардту: „Декабристы въ Сибири" съ предисл. Я. К. Грота, въ Р. Арх. 79 г. т. III, стр. 469—480.

Раевскій, В. О. Замѣтки написанныя имъ въ Сибири 1844 г., о заключеніи его въ крѣпость, слѣдствіе и судъ надъ нимъ и его братомъ въ 1822—27 гг. по подозрѣніямъ въ участіи ихъ въ политическомъ заговорѣ. Сообщ. Е. И. Якушкинъ. (Р. Ст. 73, 7).

„Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій". Его стихотворенія 1822—1846 г. (Р. Ст. 90, 5).

Щеголевъ, П. Первый декабристъ Вл. Раевскій. Спб. 1905 г. (Прил литерат. о Раевскомъ).

Розенъ, А. бар. Въ ссылку. Записки декабриста. М. 99 г. (2-е изд. М. 1900 г.).

См. также его „Записки декабриста". Лейпц. 70 г. „Записки" въ О. З. 76, 2—5, 8—11 и очеркъ о немъ въ Р. Ст. 94 г. т. XLII, стр. 657—58.

— И. А. Анненковъ (декабристъ). (Р. Ст. 78 г., т. XXII).

— (Некрологъ). (Другъ женщинъ 1884, № 2, стр. 136—138).

— Записки о собственной жизни и о современномъ состояніи общества 1800—1827 г. Спб. 76 г.

— Декабристы на Кавказѣ. 1826—50 г. (Р. Ст. 84, 2).

Рылѣевъ, К. Ѳ. Сочиненія и переписки. Изд. 2-е его дочери подъ ред. Ефремова. Спб. 1874. (Приложенъ литературный указатель).

— Сочиненія. Изд. Я. Соколова.

— Думы. М. 1825 г.

— Войнаровскій. М. 1825 г.

— Думы. Лейпцигъ. 1879 г.

— Стихотворенія. Лейпцигъ. 1888 г.

— Собраніе сочиненій. (Прил. къ Вс. В. за 1905 г.).

См. также I т. лейпцигскаго изданія „Библіотеки русск. авторовъ", „Русская потаенная литература XIX столѣтія". Лондонъ 1861 г. и указатель литературы о Рылѣевѣ во II т. „Русской словесности". А. В. Мезіеръ, Спб. 1902 г., стр. 352—353.

Свистуновъ, П. И. Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіяхъ 14 декабря и о декабристахъ. (Р. Арх. 70 г., стр. 1633—68).

Толстой, Л. Н. Декабристы и др. разсказы. М 1903 г.

Фаленбергъ, П. И. Разсказы объ его осужденіи. (Р. Арх. 77 г. III, стр. 92—103).

— — —

Фонвизинъ, М. А. Одно изъ воспоминаній моей молодости. 1807 г. (Р. Ст. 81 г., т. XXXI, стр. 509–40).

— Записки. Лейпцигъ 1861 г.

Сюда вошло и его обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи. Часть этого сочиненія подъ заглавіемъ „Очерки русской исторіи". (Р. Ст. 84 г. т. XLII, стр 31–36, 281—302).

Знаменскій, М. С. Н. Д. Фонвизина. (Изъ бумагъ протоіер. Знаменскаго. Въ „Литературн. Сборн.". Изд. „Восточнаго Обозрѣнія" подъ ред. П. М. Ядринцева. Спб, 1885 г.).

Францева. М. Д. М. А. Фонвизинъ. (Р. Ст. 1885, 11).

— Воспоминанія. (И. В. 1888, 5).

Шенрокъ, В. И. Одна изъ женъ декабристовъ. (Н. Д. Фонвизина). (Р. Б. 94, 11, 12).

———

Штейнгель, Вл. Ив. бар. Письмо къ имп. Николаю Павловичу. (Ист. Сбор. выпускъ I Лонд. 59 г.).

— Записки несчастнаго (со словъ Колесникова). (Р. Ст. 81—82 г.).

— Записки. (И. В. 1900, 4—6).

Якушкинъ, П. Д. Изъ записокъ декабриста. (Р. Арх. 70 г., стр. 1566—1633).

— Записки. Москва 1905 г.

Принятыя сокращенія.

Ат.—Атеней; Бес. общ. люб. рос. слов. — Бесѣды общества любителей россійской словесности; Библ. Зап.— Библіографическія Записки; В. Е.—Вѣстникъ Европы; Вс. В. — Всемірный Вѣстникъ; Вс. Тр. — Всемірный Трудъ; Вѣр. и Раз.—Вѣра и Разумъ; Д. —Дѣло; Др. и Нов. Р —Древняя и Новая Россія; Ж. М. Н. Пр.— Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; И. В. Историческій Вѣстникъ; Ист. Обозр. Историческое Обозрѣніе; Москвит.—Москвитянинъ;—О. Зап.—Отечественныя Записки; Пол. Зв.—Полярная Звѣзда; Р. Арх. — Русскій Архивъ; Р. Б. — Русское Богатство; Р. В.—Русскій Вѣстникъ; Р. Вѣд.—Русскія Вѣдомости; Р. М.—Русская Мысль; Р. О. — Русское Обозрѣніе; Р. Сл. — Русское Слово; Р. Ст. — Русская Старина; С. В.—Сѣверный Вѣстникъ; Совр.—Современникъ.

Замѣченныя опечатки.

			Напечатано:	*Надо:*
На стр. 16 (1	стр.	сверху)	Тайной Экспе-диціи	и Тайной Экспедиціи
„ 18 (11	„	снизу)	поступилъ	поступилъ
„ 29 (8	„	„)	печатное	печатное
„ 54 (10	„	сверху)	интузіазмъ	эптузіазмъ
„ 55 (8	„	снизу)	свободнымъ	свободнымъ
„ 60 (1	„	„)	чти	что
„ 201 (11	„	„)	А. С. Пушки-нымъ	Л. С. Пушкинымъ

Оглавленіе.

		Стр.
Декабристамъ		1
Предисловіе		3
Декабристамъ. (Изъ Адама Мицкевича). *Тана.*		7
Въ Сибирь. (Декабристамъ). *А. С. Пушкина*		9
Введеніе		11
К. О. Рылѣевъ. Біографическій очеркъ		49
Рылѣеву. *И. Коншина*		65
Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева		67
Думы.	Вадимъ	69
	Мстиславъ Удалый	70
	Михаилъ Тверской	73
	Димитрій Донской.	76
	Глинскій	80
	Смерть Ермака	85
	Богданъ Хмѣльницкій	88
	Артемонъ Матвѣевъ	92
	Волынскій	94
	Видѣніе императрицы Анны	98
Поэмы.	Войнаровскій.	101
	Отрывки изъ поэмы „Наливайко“	148

Отрывки изъ поэмы „Хмѣльницкій“ . . 156
Отрывки изъ поэмы „Мазепа“ . . . 161

Разныя стихотворенія. Путешествіе на Парнасъ. 164
Къ временщику 165
Къ Каховскому 167
А. П. Ермолову 169
Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу 170
Къ А. А. Бестужеву 173
Ему же 174
Видѣніе 176
Гражданское мужество 179
Ахъ, гдѣ тѣ острова 183
Ай и скучно же мнѣ 185
Къ NN 187
На смерть Байрона 188
Стансы 191
Вѣрѣ Николаевнѣ Столыпиной. . . . 192
На смерть Чернова 193
Гражданинъ 194
Е. П. Оболенскому 195

А. И. Одоевскій. Біографическій очеркъ . . . 197
Памяти кн. А. И. Одоевскаго. *М. Лермонтова.* . 205
Посланіе *А. С. Грибоѣдова* къ кн. А. И. Одоевскому. 208
Стихотворенія А. И. Одоевскаго 209
А. С. Пушкину 211
При извѣстіи о польской революціи 212
Полночь 213
Сонъ поэта 214
Дума узника 215
Элегія 216
Сенъ-Бернаръ 220
Славянскія дѣвы 222
Балъ 224

Дума 225
Послѣдняя надежда 227
Въ альбомъ Марьи Николаевны Волконской . . 228
На смерть графа П. П. Коновницына 229
Далекій путь 230
Къ отлетѣвшей. Матери 232
Посланіе къ отцу. 233
Умирающій художникъ 235
А. М. Янушкевичу 236
А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Біографич. очеркъ. 237
А. Бестужеву. *А. С. Пушкина* 247
Стихотворенія А. А. Бестужева 249
Къ нѣкоторымъ поэтамъ. 251
Саатырь 253
Шебутуй. 258
Финляндія 260
Черепъ 262
Часы 263
Сонъ 265
Пѣсня 267
Прокаженный 268
Надпись на могилѣ Михалевыхъ въ Якутскомъ монастырѣ 270
Жуковскому. 271
Г. С. Батенковъ. Біографическій очеркъ . . . 273
Стихотвореніе Г. С. Батенкова. Одичалый . . . 281
Литературный указатель. 291
Принятыя сокращенія. 316

Новыя книги:

И. И. Ѳоминъ „Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философскіе очерки“. (Съ указателемъ литературы по всѣмъ отдѣламъ философіи). М. 1905 г. 144+96 стр. Ц. 1 р. 50 к. (См. отзывы въ „Русск. Вѣдом“. 1905 г., № 91 и „Міръ Бож“. 1905 г., т. 9).

Ф. Ферстеръ „Свобода воли и нравственная отвѣтственность“. Пер. съ нѣм. подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. М. 1905 г. 57 стр. Ц. 25 к.

25
20р.
437887/971

Цѣна 3 руб.